

Вера Катша

СИНИЙ ВЗГЛЯД СМЕРТИ

ЗАКАТ

Вера Викторовна Камша
Синий взгляд смерти. Закат
Серия «Отблески Этерны
(Сериял Этерна)», книга 9

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=593525
Синий взгляд смерти. Закат: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-47653-4

Аннотация

Закат. Алый, багряный, кровавый... Звонит невидимый колокол, гремят пушки, и идет, идет в никуда непонятная синеглазая женщина... Завершается цикл, завершается круг, события летят к финалу, и их уже не остановишь. Излом срывает маски и назначает цены. Все дешевле золото, все дороже кровь. Дрожат горы, обесцениваются договоры, смеются и плачут спутники сгинувших богов и изначальные твари, но право выбора не отменит даже Излом. Руперт фок Фельсенбург и Ричард Окделл, кардинал Левий и епископ Бонифаций, капитан Валме и капитан Гастаки, маршал Капрас и маршал Алва – каждый выбирает за себя, и выбор каждого падает на единые веса. Рассвет без Заката невозможен, но придет ли он и к кому?

Содержание

Часть первая	10
Глава 1	10
1	10
2	15
3	20
Глава 2	24
1	24
2	26
3	31
4	33
Глава 3	41
1	41
2	45
3	48
Глава 4	55
1	55
2	59
3	63
4	66
Глава 5	70
1	70
2	74
3	80

Глава 6	92
1	92
2	95
3	100
Глава 7	105
1	105
2	110
3	115
Глава 8	121
1	121
2	123
3	128
Глава 9	133
1	133
2	138
3	141
4	145
5	148
6	153
7	160
Часть вторая	166
Глава 1	169
1	169
2	172
3	177
Глава 2	182

1	182
2	187
3	194
Глава 3	199
1	199
2	202
3	205
Глава 4	211
1	211
2	214
3	217
4	218
Глава 5	223
1	223
2	225
3	226
4	227
5	229
6	230
Глава 6	233
1	233
2	237
3	242
4	248
5	256
Конец ознакомительного фрагмента.	259

Вера Камша

Синий взгляд смерти. Закат

*На рубеже, на кривом ноже
время податливо, ночь темна,
ехать еще далеко, но уже
вычислена война.*

*То, что хочет сожрать река,
не на гибель было дано,
ехать еще далеко, но пока
все определено.*

*Подготовленную руду
ловит горн раскаленным ртом —
я не умру, пока не дойду,
и не умру потом.*

Даниил Мелинц

*Война является актом насилия, и
применению его нет предела; каждый из
борющихся предписывает закон другому;
происходит соревнование, которое теоретически
должно было бы довести обоих противников до
крайностей.*

Карл фон Клаузевиц

*Автор благодарит за оказанную помощь
Александра Бурдакова, Ирину Гейнц, Марину
Ивановскую, Даниила Мелинца (Rodent), Кирилла
Назаренко, Ирину Погребецкую (Ira66), Эвелину
Сигалевич (Raene), Елену Цыганову (Яртур),*

*Михаила Черниковского, Игоря Шауба, Татьяну
Щапову, а также Донну Анну (Lliothar) и Yaneck del
Moscu.*

Часть первая

«Суд»¹

Счастье и несчастье человека в такой же степени зависят от его нрава, как и от судьбы.
Франсуа де Ларошфуко

Глава 1

Дриксен. Метхенберг

400 год К.С. 9-й день Летних Скал

1

Новостей про Олафа еще не было и быть не могло, но Руппи себя не обманывал – адмирала цур зее признают виновным, и приговор будет, в соответствии с законами кесарии,

¹ **Высший аркан Таро «Суд» (Le Jugement)** символизирует перемены, окончание – как плохого, так и хорошего, конец, в котором есть зерно начала, надежды и освобождения. Времени на раздумья больше нет, нужно действовать. Это знак возрождения, возвращения к давним делам, когда произошли перемены к лучшему. **Перевернутая карта (ПК)** означает нерешительность в принятии решений, разрыв отношений, возможно, разлуку. Она не оставляет человеку времени на раздумья, а заставляет его двигаться дальше.

смертным. Отец Луциан считал так же. Епископ и лейтенант сходились и в том, что регент с принцессой сделают хорошую мину при плохой игре, соблюдая то, что оставят от закона: казнь назначат на седьмой день от оглашения приговора, а осужденного переведут из Морского дома в замок Печальных Лебедей. Здесь ясность кончалась и начинался туман. Преступников благородного звания казнили в Липовом парке на поле Зигфрида. Адмиралу цур зее, барону и кавалеру шести орденов, надлежало умереть там, но с Фридриха стало бы отправить Ледяного на площадь Ратуши, как простолюдина. Это было бы наглостью и глупостью, только Фридрих, став регентом, вряд ли поумнел, а значит, приходилось брать в расчет обе возможности.

О том, что казнь устроят прямо в тюремном дворе, лейтенант запретил себе думать раз и навсегда. Фридрих должен сохранить лицо! Должен, раздери его все кошки мира! Руперт едва не проорал это вслух, но сдержался, только сжал четки. Бронзовая львиная головка впилась в ладонь, возвращая к тому, что нужно делать немедленно.

Создатель, как просто сказать: «Отобьем адмирала» – и как трудно сочинить даже самый общий план, а ведь они еще толком и не начали! Хорошо хоть в аббатстве раскопали приличную карту. Руппи просиживал над ней днями и ночами, планируя бегство из Эйнрехта, высчитывая время, намечая пути покороче. Еще в столице лейтенант облюбовал для погрузки Щербатую Габи, небольшую гавань на полпу-

ти между Метхенберг и Ротфогелем; теперь он утвердился в своем выборе окончательно и даже слегка возгордился: адъютант адмирала цур зее неплохо изучил побережье! Севернее Габи берег вполне удобен, шлюпка пристанет легко, да и к Эйнрехту ближе, а несколько часов в их положении могут решить все. Слегка беспокоили береговые тропы, которые дорогой не назвал бы даже бергер. Что ж, если карета не пройдет, придется немного проехать верхом, только бы Олафу это оказалось по силам...

Тряхануло – закрытая орденская повозка свернула на улицу Паршивой Кильки, куда выходил черный ход любимого кабачка Канмахера. Дед Зеппа и хозяин, тоже отставной боцман, уже ждали. Канмахер ловко подхватил тяжеленный латаный мешок – деньги на первые расходы и задаток капитану – и скрылся в доме. Брат Ротгер степенно вылез – не выпрыгнул! – из повозки с одной лишь кружкой для сбора пожертвований. На него никто не смотрел, голуби и те были заняты крошками, брошенными подпирающим стену бездельником. Бесшумно закрылась на совесть смазанная дверь, с урчаньем сунулся под ноги откормленный хозяйский котяра.

– Два десятка у нас в кармане. – Канмахер казался довольным, и, закатные твари, за эту неделю он помолодел лет на десять! – Люди проверенные. Нужно еще столько же.

– Хорошо. Но... Не будет ли лучше, если все деньги останутся у вас?

– Соображаете, лейтенант! Не волнуйтесь. Я же сказал:

люди надежные, больше, чем на дороге, не возьмут. Вот за оружие задаток нужен...

– Не нужен. Оружие отсюда лучше не тащить, купим прямо в столице. Я знаю у кого.

– Ну, знаете так знаете!.. Тогда посудина остается. Сговоримся со шкипером – Добряк сам все устроит, но деньги, как повелось, вперед.

– Ясное дело.

На всякий случай из кабачка выходили порознь, чтобы встретиться в таком же заведении, с такой же задней комнаткой для «своих», только в соседнем квартале. Первым отправился Канмахер с золотом, следом за стариком вперевалку шагал давешний «бездельник» – Рыжий Зюсс. Руппи глядел в сутуловатую спину, не в силах отойти от окна, и в носу предательски щипало. Раньше такого не случалось, раньше будущий адмирал цур зее Руперт фок Фельсенбург «всякие чувства» не одобрял.

– Ваше платье, господин лейтенант!

– Спасибо.

Сейчас не время оплакивать павших, они уже пали, а Ледяной в опасности, и время не терпит, только... Как же больно вновь топтать улицы, которыми еще осенью ходил с друзьями, – и понимать, чувствовать: их уже *нет* и никогда не будет... А ты остался и теперь живешь за всех.

Руппи потерял глаза, хотел посетовать на дым, не стал, молча взялся за принесенную хозяином одежду – со шкипером

надлежало разговаривать дворянину из провинции.

— Удачи, господин лейтенант. И... поосторожнее там! Выжиги еще тот!

— Я осторожен...

Ему здóрово повезло: и Канмахер, и пара его старых друзей оказались людьми трезвомыслящими. Спасти Олафа они согласились сразу же, после чего перешли к делу. По-боцмански перешли, не по-лейтенантски. Когда старики кончили перечислять то, что им представлялось важным, Руппи малость загрустил. До этого он не вдавался в детали будущей операции, теперь — пришлось.

Сколько нужно народу, где набирать, кому верить, а на кого полагаться нельзя?

Как, не вызывая подозрений, вывезти всю компанию из Метхенберг и как доставить в столицу?

Как их устроить там, чтобы было тихо и безопасно? Собирать людей в одном месте, чтобы были под рукой? Прятать по разным углам? И где эти самые углы искать?

Нужно осмотреть город, выбрать места для засады, составить план, объяснить участникам нападения, что делать и как. Нужно подготовить пути для бегства, обеспечить сменных лошадей и, самое главное, найти корабль. А еще нужны оружие и снаряжение.

И еще... и еще...

Руппи не успел перебрать в памяти и четверти того, что висело над головой, а кабачок, в котором ждал найденный

Канмахером шкипер, уже распахивал двери. Неужели так сразу получится нанять корабль? А почему бы и нет?!

2

Добряк Юхан был зол, как сотня крабов при встрече с сотней тещ. Он подсчитывал убытки, вторую неделю подсчитывал! Убытки от непринятых фрахтов. Убытки от налогов. Убытки от пошедших под хвост селедкам взяток. Убытки от войны с ее блокадами и конфискациями, а теперь еще и убыток от дури. Само собой, чужой – себе шкипер дури не позволял, но он регентом не был, а этот миножий пащенок был...

Столичные новости застигли Юхана, когда он честь по чести готовился к праздникам. Проскочив в Метхенберг на хвосте зимних штормов, доставив ардорский груз и вдобавок выиграв два спора, Ключкатор не мелочился. Накормил от пуза в «Бородатом Карле» ораву бездельников, внес достойный вклад на помин душ угробленных под Хексберг, особо отметив поганца-интенданта, и купил подарки родичам, даже самым дальним. Он все сделал честно, но удача окрысилась не то чтоб лично на Добряка, но на всю кесарию, потому как хуже придурка у штурвала только придурок на троне. Шкипер почти жалел, что по весне отказался от парочки вкусных фрахтов. «Почти» – потому что соваться в Ардору и вообще на юг не хотелось, хоть умри. Судьба, она такая – три раза из одной миски накормит, на четвертый тебя самого

сожрет и не хрюкнет, а трижды Добряку уже повезло, значит, пора под корягу, пережить.

Юхан собирался, отгуляв Торстеновы дни, заняться наконец килеванием, заменить кое-что из рангоута и приглядеться к оставшейся без болвана-сыночка госпоже Браунбард с ее коптильнями, но тут Готфридахватила кондрашка, а дружки регента на пару с Ледяным угодили под суд. Того и гляди примутся ловить свидетелей, а где у нас свидетели, господа селедки? А свидетели кто у фрошеров, кто у крабьей тещи, один «Селезень» в порту торчит, как нос на морде. И что прикажете делать, если возьмут за жабры и поволокут в суд? Утопишь Ледяного – в Метхенберг можешь не возвращаться, цапнешь Бермессера – того хуже: Фридрих за своего прихвостня хоть кого заключет. Башка у притырка петушина, будет кукарекать и клеваться, пока в суп не угодит, и кабы он один!

В том, что дело кончится супом, Юхан не сомневался и в кастрюлю отнюдь не стремился, потому и согласился поговорить с наладившимся в Седые земли молодчиком. Дело на первый взгляд не обнадеживало, но старый Карл, и раньше подкидывавший Добряку фрахты, по праву слыл человеком солидным, совсем уж ерунду сватать бы не стал, и Юхан отправился на встречу.

Молодчик, небогатый дворянин из Фельсенбурга, оказался высоким лохматым парнем с настороженными светлыми глазами и быстрыми движениями. И начал он по-быстрому.

– Мне сказали, господин Клюгкатер, что вы – человек удачливый и серьезный...

– Кто сказал? – осадил разогнавшегося сухопутчика Добряк. Говорить сразу о деле с людьми незнакомыми он не любил. Незнакомый мог оказаться пройдохой или, того хуже, дураком, а с дураками Юхан дел не вел. Покойный интендант в счет не шел – Добряк его не выбирал, блюющая скотина на «Селезне» оказалась по милости кесаря, тоже, к слову сказать, презренного болвана.

– Мне посоветовали спросить старого Карла. – Молодчик смотрел прямо, и взгляд у него был хороший. – Я спросил. Карл назвал вас и ваш корабль, я сходил, посмотрел – красавец! Господин Канмахер, с ним меня тоже познакомил Карл, говорит, ваша «птица» еще и умница, и название мне понравилось... «Хитрый селезень» вывернется там, где «Глупый лев» утонет.

– В Метхенберг «Глупых львов» отродясь не водилось, – хмыкнул Юхан. Сухопутчик начинал нравиться. Кораблики – не люди, у них имя почти судьба, только не до всех это доходит. – Вы мне вот что скажите, сударь, – что вы в Седых землях забыли? И как вас называть?

– Называйте Ротгером, а в Седых землях я забыл золото. Как и вы.

– Золото, говорите? – Дворянин, и о деньгах! Либо не дурак, либо врет, но тогда все равно не дурак. – И где это мы его забыли?

– Там же, где Мартин Фельсенбург. Слышали о таком?

– Все слышали, а охотиться кто станет? Мои ребята зверье бить не обучены.

– Зверя будут бить охотники, – улыбнулся Ротгер. – Скажем, десятка три. Влезем?

– Влезть-то влезете...

Добряк охотником не был, но понять, что Ротгер о седо-земельской охоте не вчера услышал, мог. Молодчик знал, за чем и куда суется, хорошо знал, и руки у него были подходящие – не моряцкие грабли и не вялые ручонки, как у некоторых... Затея становилась все привлекательней; она не просто позволяла под благовидным предлогом поднять паруса, но и сулила какие-никакие барыши. На особо денежного гостя не тянул, но рассчитаться можно и на обратном пути, мехами. А то и сговориться с охотниками годика на четыре. Возить им харч и снасть и забирать добычу, а кому продавать, найдем. Главное – поживей убраться из Метхенберг. Пока Фридрих не выдумал очередную гадость и пока не вспомнили, что хексбергскую драку видели не только Бермессеровы хвосты.

– Я рассчитываю на вашу сдержанность, капитан. Не хотелось бы, чтобы негоцианты раньше времени провели о нашей затее.

– Крупные барыши болтовни не любят, – согласился Юхан, – хотя, бывает, и на болтовне заработаешь. Впрочем, такое раз в жизни выпадает.

Ротгер пожал плечами. Ему явно никогда не платили за болтовню; ему вообще вряд ли раньше платили, но голова у парня варила. Ишь как «Утенка» облизал, и ведь ясно, что подходы к шкиперу подбирает, а все равно приятно.

– Когда выйти думаете? – осведомился Добряк и «нечаянно» зевнул. Он уже почти решился, только подумывал, как бы поторопить партнера, но ответ огорошил. Этот Ротгер собирался отчалить через месяц-полтора! Через месяц! А такие дела за месяц не делают, такие дела готовят загодя, если только... Если только кое под кем тоже не загорелось. Ну и кого тогда, господа селедки, пошлют в порт насчет кораблика разнюхать?

– Экий вы шустрый... – протянул враз подобравшийся Юхан. – Спешить – крабью тещу тешить. Путь опасный, в море сейчас беспокойно... Парни мои при деньгах еще, да и подустали. Шутка ли, в такую погоду да из Ардоры... Ребята, почитай, всю дорогу с мачт не слезали, ни часа передышки!

– И за Страббе?

За Страббе они, само собой, отдохнули, но откуда об этом знать охотничку с гор? Неоткуда ему знать...

– А что за Страббе? – переспросил Юхан, вцепившись взглядом в собеседника. – Шквал был за Страббе, чуть не булькнули!

– Надо же, – посочувствовал Ротгер, и Юхан понял – врет! Вот сейчас и врет, как поп вдове, только другой оказии поди дождись, а убираться надо, в этом Добряк не сомневался. Вот

как тогда, у Хексберг, чувствовал, что надо свернуть на юг, и не прогадал, так и теперь.

3

Попался! И как глупо... Этот Юхан слова вяжет не хуже, чем узлы, но играть надо до конца. Шкипер слишком часто зевает, чтобы это было правдой, ему *нужно* исчезнуть из Метхенберг, пока не поволокли в свидетели, исчезнуть под приличным предлогом и желательно без убытков, но вот полезет ли Добряк в змеиное гнездо? Ведьмы его разберут, такого...

— Я мечтал об этой охоте всю жизнь, — улыбнулся Руппи, — но мог рассчитывать разве что пристать к чужой экспедиции, а тут неожиданно повезло... Меня отыскал наш сосед, я не стану называть его имя. Он не из тех, кто готов ждать. Сейчас он хочет поохотиться в Седых землях, и мне поручено найти корабль и собрать охотников. Это богатый человек, достаточно богатый, чтобы уплатить задаток.

Какой-то вельможа, которому приспичило скрыться, вспомнил про обедневшего соседа-моряка, свихнувшегося на северной охоте... Хорошо, что он загодя придумал вторую сказку, которая оказалась бы правдой, будь Фельсенбург и Штарквинды не столь сильны. Бабушка может позволить себе отсиживаться в родовых владениях и принимать у себя союзников послабее, но не всех же!

– Он едет с нами, этот сосед?

– Да, ему наскучил дом и особенно жена... Мы будем обсуждать условия или Седые земли для «Хитрого селезня» слишком далеки?

– Не дальше Агмарена! Но месяц – это мало. Идти на север нужно под другими парусами, а если еще и зимовать...

Они еще не ударили по рукам, но Руппи понял – есть! В Седые земли Добряк пойдет, именно в Седые, и будет там зимовать, а к следующей весне от Фридриха мало что останется.

– Господин Карл считает, что человек с вашим опытом сможет за месяц закупить все необходимое. Господин Йозев Канмахер, он бывший боцман, вам поможет. Давайте посмотрим, что нужно...

– Мы еще не договорились.

– Разумеется. Но закупить припасы – еще не отплыть. Если что, я заплачу вам как посреднику и буду искать другой корабль. Так выйдет быстрее.

– Найдете вы, как же... После Хексберг лоханка с одной мачтой уже линеал! Значит, закупаем? Чего и сколько?

– Все, что нужно для обустройства лагеря и зимовки «Селезня» и моих охотников. Я примерно прикинул...

Как же к месту оказались расчеты! Они не просто облегчили разговор, они убедили. Именно они и убедили, что «сосед» Ротгера в самом деле наладился за Седое море, причем надолго. Юхан вгрызся в цифры, как краб в утопленника, цё-

ны он знал, а вот потребности... Через час шкипер уверился в добросовестности нанимателя, а Руппи охрип, но вторую линию обороны удержал, до конца его не раскусили. Добряк согласился добыть всё необходимое, выговорив себе полуторную посредническую долю за срочность. Руппи торговался упорно. Сперва потому, что тратил чужие деньги, потом – потому что понял: торговля укрепляет договор. Мошенники не цепляются за каждый золотой, мошенники сулят золотые горы, и Руппи жадничал как мог. Потом настал черед Канмахера с его мешком. Нужная сумма – наследник Фельсенбургов угадал с точностью до сотни – была отсчитана и проверена как на зуб, так и кислотой, принесенной ждущим уже своей доли Карлом. Пожали руки. Выпили из помятой шкиперской фляги, договорились, что о точном сроке отплытия сообщат отдельно, и распрощались. Собиралась гроза, было душно. Руппи рванул воротник, понимая, что больше всего хочет оказаться на корабле. Гроза, шквал, буря – это не страшно, страшно заживо гнить на берегу.

– Вот же ж штилюга подлючий! – буркнул шагавший рядом Канмахер. – Хоть бы к вечеру прóбило.

– Раньше... – неожиданно поправил Руппи. – Дождь будет раньше. Как вам шкипер?

– Крабья теща его знает! О Добряке разное говорят, но о том, чтобы слово нарушил, – нет... Человек опытный, себе на уме. Проныра, восьмерых гоганов обставит, но моряк милостью Создателя... И удачлив, собака такая! Из Хексберг

вынута живым и с прибылью уметь надо. А вам-то он как?

– Мне? – переспросил Руппи и вытер отвратительно липкий лоб. – Мне он понравился.

Глава 2

Талиг. Оллария. Придда. Тарма 400 год К.С. 20-й день Летних Скал

1

Ворота Роз в самом деле стали таковыми; тонула в цветах и Мытная площадь, и прилегающие к ней улицы. Чтобы проводить мертвую королеву, в Олларии и ее окрестностях ободрали все сады и разорили все оранжереи. Так кончается жизнь и начинается житие, или его начинают дальновидные наследники, только с Катариной все вышло само собой. Случайность, подлость, ошибка, и вот оно – кровь на полу и цветочная топь под ногами... Арлетта поправила выбившуюся из-под траурной вуали прядь и тоскливо вздохнула: после королевы осталось слишком много того, что требовалось либо доделать, либо понять, так что данные Бертраму клятвы не задерживаться пошли прахом.

Карваль по-прежнему что-то инспектировал, исправно присылая донесения, и провожать Катарину выпало Пуэну. Графиня Савиньяк немного подумала и решила не искать раков в степи. Сопровождающие гроб отправлялись напрямиком в объятия Бертрама и имели все шансы застрять в Эпинэ, да-

же не будь карантина. Позволить себе подобное Карваль не мог; не мог он, не уронив свеженькое генеральство, и увильнуть от высочайшей чести; оставалось одно – отлучиться по делам, что и было сделано. Очень просто и очень толково. Арлетта восхитилась и тут же выкинула маленького хитреца из головы. Явится – поговорим, а явится Карваль, надо полагать, недели через две. Готовым немедленно взяться за дела и с важными – действительно важными – новостями о беженцах и ноймарах.

Еще четыре розы – малиновые, полностью распутившиеся – попытались улечься поверх цветочной кучи, не удержались и скатились вниз, увлекая за собой ароматный обвал. Вызвавшая его Краклиха в голос возрыдала и собралась что-то сказать, но гвардейский офицер взял красотку под локоть и отвел в сторону, освобождая место следующей даме. Эта не плакала, и в руках у нее алели маки. Невысокий человечек в черном держался на четверть шага позади спутницы, его лицо было безупречно-скорбным. Арлетта заметила эту пару на первой же церемонии, куда допустили посторонних. Невероятно красивая женщина в изысканном туалете, позабывшая о своей красоте, и отменно вежливый коротышка. Барон и баронесса Капуль-Гизайли. Те самые...

Недобрые, непохожие на жеманных предшественников цветы выпали из разжавшихся пальцев. Барон со сдержанным достоинством поклонился, баронесса прошла вперед. Она не просто не пыталась привлечь внимание, она ничего и

никого не замечала... Божественная Марианна. Звезда Оллари. Какое-то время она светила Марселю, потом перешла к Ли и наконец влюбила в себя Робера. Или влюбилась сама?

Барон надел шляпу, торжественно колыхнулись подвитые черные перья, но даже в шляпе он был ниже жены. Зачем Ли понадобилась эта женщина? Зрелость и темные волосы его никогда не влекли...

Снова всхлипы и заломленные руки. Капуль-Гизайли скрылись за страдающими Карлионами, решившими вновь встать среди баронов. Выкинуть бы, но на Мытную пускали всех. Горожане пришли проводить свою королеву, а не любоваться на балаган, хотя изгнание Краклов и Карлионов их бы только порадовало. Блюдолизов и ничтожеств не любят нигде и никогда, но они живут и нелюбимыми, раздери их кошки! Живут и возлагают цветочки на чужие гробы.

2

На столе фок Варзов не валялось ни яблочных огрызков, ни грифелей, на нем не было даже карты. Только курьерский футляр, пара стаканов и серебряная морисская фляга, немало повидавшая за годы маршальских странствий. Сам маршал в расстегнутом – второй день стояла чудовищная духота – мундире откинулся на спинку стула, исподлобья глядя на спехом выдернутого из седла Жермона. Значит, пока он две недели играл в догонялки с дриксами, что-то случилось.

Доннервальд или хуже? Но, судя по лагерным физиономиям, никаких разгромов...

– Садись, – разлепил губы маршал Запада и глубоко вздохнул. Очень глубоко. На обратном пути надо натравить на старика Лизоба, пусть поищет что-нибудь от сердца. – О своих похождениях доложишь позже... Толку вышло мало, но и беды особой нет. Звал не за этим. Прибыл гонец от Рудольфа.

Значит, не Доннервальд. Конечно, не Доннервальд, сидеть с таким лицом из-за крепости, которую, по сути, уже списали, Вольфганг не станет.

– Кто убит?

– Ясновидящим стал, не иначе! – Фок Варзов с ненавистью отпихнул украшенный регентским «Победителем» футляр.

Выходит, Катарина родила и придется вечером ей писать, только вряд ли письмо выйдет путное.

– Свои бумаги я забрал. – Командующий смотрел на черно-белую коробку, как смотрят в костер. – Что осталось – твое. От Рудольфа, Арлетты и теперешнего Эпинэ... По-хорошему тебе надо сейчас в Ариго, но хорошего не предвидится, да и поздно уже. Ты так сестре и не написал?

– Сегодня обязательно...

– Уже нет. Катарину убили. Глупо и подловато, как и все, что делают эти субчики. Слава Создателю, ребенка спасли. Мальчишка... Назвали Октавием. Хорошо, Рудольф Манри-

ков заходя в бараний рог свернул, а то пошла бы теперь свистопляска. Дошлый законник не чихнет, брякнет, что Фердинанд отрекся только за себя и за Карла... Леворукий, как же мерзко!

– Ее убили из-за этого? Чтобы не было второго наследника? То есть... сына, за которого не отрекались?

– Если бы! Прости, вырвалось...

– Мой маршал. – Жермон сказал слишком тихо, а Вольфганг стал глуховат, пришлось повторить громче. – Мой маршал, могу я прочесть письма?

– Прочтешь у себя. Захочешь поговорить – приходи, хоть бы и ночью. Нет – я без тебя денек обойдусь.

Журчит золотистая струйка, льется в стакан. Катарине можно не писать.

– Будем помнить, Жермон. Будем помнить их всех...

– Будем помнить. – Когда он вбил себе в башку, что умирает, королева вдруг стала сестрой, потом было не до родственников, да и это ее... регентство. – Я думал, это не с ней...

С кем-то другим, более важным для них обоих. Даже не важным – тем, кого знаешь как себя, с кем говорил, пил, умирал и выживал. Фок Варзов Катарине никто, а краше в гроб кладут, это братец будто чужой.

– Арлетта все расписала, лучше не скажешь... Тут другое вылезло. Все, парень, кончай гадать, с чего на тебя отец взъелся. Не взъедался он. Не было ничего такого, слышишь?!

Все подделка, кроме... Кроме твоих орденов и его смерти. Бедолага ждал тебя до последней минуты, а до нас ни до кого не дошло! Бумагам верили, себе – нет. До того докатились, что, приглядевшись к тебе, решили, что Пьер-Луи свихнулся!

– Я...

– Леворукий бы побрал эту геренцию и нашу тупость! – Маршал схватился за стакан, и генерал его не остановил. – Куда не надо – лезем, а тут сожрали, не подавились!

«Кончай гадать...» Хорошо, он кончит, он уже кончил. Странно только, что нет ни обиды, ни радости, ни, наверное, ярости, а ведь должны быть! Должен же он возненавидеть себя за то, что убрался в Торку, не попытавшись объяснить. И тех, кто подделывал отцовские письма, тоже надо ненавидеть, а ему просто хочется понять... Даже не кто, *зачем?* Если Ойген прав и какие-то ублюдки по всему Талигу охотятся на старших в роду, то... Джастина убила не семья!

– Надо рассказать Райнштайнеру, – твердо сказал Ариго. – Я угадал с Бруно, он – с заговором.

– Нечего ему рассказывать... – Фок Варзов вытащил платок и отер лоб. – Хотя вы же друзья... Друг тебе сейчас точно пригодится, а Райнштайнер еще и пить здоров. Я-то свое почти выпил.

– Дело не в дружбе. – Умерла сестра, а он не написал. Умирал отец, а он задирали тенъентов и капитанов, двоих даже убил. Это было просто, проще, чем появиться в Гайярэ. Те-

перь брату и сыну, даже самому негодящему, впору мчаться в церковь и жрать себя поедом, а он думает о Юстиниане Придде... Жуть. – Мой маршал, Ойген считает, что налицо заговор против первых семейств Талига. Началось с Ариго, кончилось Приддами. То есть еще не кончилось.

– Все проще и... гадостней. Ты вечно писал Арлетте и никогда – матери. Был в обиде?

– Нет, просто... – А что, собственно, просто? Они даже не «не ладили». Они жили в одном замке, пока он не уехал в Лаик. Сын и мать... Она была красива, грустна и занята своими книгами и младшими детьми, а он никогда не любил читать, и ему было скучно с братьями. Иорам все время ревел, Ги дулся. Убраться из такого дома стало радостью. Назад унара, а позже гвардейца не тянуло, пока Гайярэ не стал запретным. Тогда – да, тогда он чувствовал себя обделенным, но писать матери и братьям не хотелось тем более.

– Что «просто»? – Вольфганг ждал ответа, тяжело дыша. Он все хуже переносил жару. Если б не разговор о принятии командования, Ариго спросил бы старика о здоровье, а так пришлось мямлить, пытаясь высказать то, чего самому не понять и что держат при себе.

– Графиня Савиньяк волнуется за сыновей, и потом... она всегда ждет писем из Торки. Даже после восстания Борна. Мне есть о чем писать, а она всегда отвечает.

Это были забавные письма с рассказами про соседей и странными историями про птиц и зверей, иногда даже с ри-

сунками. Графиня ни разу не упомянула об отце и Гайярэ. Про маршала Арно она тоже не написала ни слова, только Жермон чувствовал: она *помнит*.

– Закатные твари! – Вольфганг отшвырнул смятый платок. – Хожу вокруг да около, как какой-нибудь Креденьи... Жермон, письма твоего отца подделывал Штанцлер, сожги его наконец Закат, но просила его об этом твоя собственная мать!

3

Бароны, баронессы, просто дворяне... Одетта Маффра рыдает, и это не лицедейство, она и в юности ревела от души. Дурочке это не шло, а она хлюпала покрасневшим носом над каждой дохлой птичкой и над каждой пошлятиной. Мэтр Капотта не рыдает, но и не живет... Сочинил себе беду, как сонет, и сам не понял. Долго ему не протянуть, а может, так только кажется. Некоторые страдают десятилетиями, а мэтр уже пережил свою обожаемую, неплохо так пережил... Вот возьмет, напишет что-нибудь по-настоящему великое и останется в веках. Гением, не нашедшим понимания у занятых всякой ерундой современников.

Все еще гордо сидящая белая голова притягивала взгляд и бесила. Жермон уже получил письмо и прочел. Пока мальчишка доказывал... нет, не невиновность, право считаться человеком, отец умирал от яда и мечтал хотя бы увидеть сы-

на. Не увидел. Умер, так и не поняв, почему тот не едет... Графиня едва не топнула ногой – привычка, от которой столица не избавила, а Эпинэ и не подумала избавлять, – и поняла, что ноги устали, хоть и не так, как спина. Во дворце и в церкви она сидела, но на площади нужно стоять, а люди с цветами все шли. Простые люди, не «краклионы». Теперь розы и лилии ложились прямо на камни, катафалк поедет, как по скошенному лугу.

Арлетта сощурилась, и убранные траурными гирляндами ворота обрели четкость. Красивое все же сооружение, именно таким и должен быть главный въезд в столицу великой державы. Плохо, если от величия останутся только ворота, мосты и дворцы, но этого не будет, пока в Талиге есть «жалкая чернь», «недалекие торгаши», «грубые вояки»...

Месяц со смерти Катарины. Двадцать лет со смерти Пьера-Луи... Оскорбленный Жермон жил и выжил; теперь ему придется жить с виной перед отцом, невольной, но непоправимой. И все равно Арлетта не жалела о своем письме, хотя, успокоившись, написала бы иначе. Ложь во спасение хороша для беременных и больных сердцем. Жермон, слава Создателю, здоров, а матери у него и без того никогда не имелось, так пусть будет хоть отец!

Желание своими руками прибить Капотту, а также воскресить Каролину – чтобы тоже убить – становилось невыносимым, и Арлетта вынудила себя уставиться на кем-то – Робером! – извлеченные из общей кучи и положенные на

освобожденный от иных цветов гроб маки. Сынок Бертрама все понял верно, это она, решив, что Эпинэ не до нежных чувств, села в лужу. Робер любит красотку-баронессу, но что-то у них пошло не так. А верней всего, дурашка наказывается себя за то, что не уследил за кузиной, или, как он выражается, сестрой.

«Сударь, я недостойна вашей любви...», «сударыня, обстоятельства вынуждают меня навеки покинуть Талиг, но моя любовь к вам...» Сколько же их, ослов и ослиц, готовых сгоряча испоганить свою и, того хуже, чужую жизнь, и что с ними, такими, делать? С ними и капоттами с дидерихами, вбивающими в чужие головушки, что приносить себя в жертву правильно, а быть счастливым, наплевав на никому не нужную дурь, нет?!

4

Ариго тщательно, не пропустив ни единой закорючки, изучил все три послания, но перечесть смог лишь письмо родича. Главное было там. То есть главное было сказано Вольфгангом и даже запито, и главное же было расписано Арлеттой от начала и до конца...

– Мой генерал, я хотел доложить о состоянии полка после похода, но, видимо, сейчас не время?

– Леворукий его знает... Я выпил и плохо соображаю, а у вас с Гирке вечно все в порядке... Давно хотел спросить о...

о моей сестре. Вы ведь ее знали.

– Я бывал при дворе и несколько раз удостоивался аудиенции.

– Что вы о ней думаете?

– Простите?

Болван! Не Придд – он сам. Валентин, тот умница, но даже умницы мысли не читают.

– Валентин, у меня была сестра... В последний раз я видел ее девчушкой, а она стала королевой. Я писал, она не отвечала. Она писала, я не отвечал, а теперь... Ровно месяц... Двадцатого Весенних Молний ее убили. Зарезали. Какой она была, раздери тебя кошки?! Какой?!

– Ее величество убита? – Сел. Без спроса... Сидит и смотрит. Вольфганг смотрел, этот туда же.

– Язык проглотил?

– Я не могу сказать о ее величестве ни единого дурного слова.

Дальше дороги нет, даже если не знать о допросах, но Ойген раскопал и это. Подтверди тогда еще граф Васспард и герцогиня Придд то, что хотели дознаватели, Катарина до бегства Манриков не дожила бы, но сын и мать молчали.

– Здесь тебе не Багерлее! Тебя никто не просит выдумывать гадости, но ты ее знал, а я нет! Расскажи...

– Ее величество пять раз удостоивала меня аудиенции наедине до своего заключения и один раз – между бегством временщиков и мятежом Рокслеев. Ее величество была дру-

гом моего покойного брата. Юстиниан беспокоился о ней, даже... когда он приходил последний раз. Я счел своим долгом предложить ее величеству свою службу, но она только однажды попросила меня об услуге. Я должен был передать письмо герцогу Окделлу. Я передал.

Окделл ее и убил... Тот самый Окделл, которого собрался уговаривать малыш Арно. Все повторяется. Все, кроме убитых. Близкие или нет, они уходят навсегда!

– Выпьешь?

– Мой генерал, разрешите выразить вам...

– К Леворукому! Я сестру не знал, и я был в обидах, будто какой-нибудь корнет! Меня вышвырнули из дому, как последнего поганца. Катарине тогда было... Закатные твари, опять забыл!.. Забыл, а сам хотел, чтобы она меня помнила и мне верила! Когда меня у Языка прихватило, думал, ты ей расскажешь про мою доблесть... Чтобы она заплакала. Точно, корнет! Ты бы до такого не докатился... полковник!

– Мой генерал, я не рискну за себя поручиться. Я не был в вашем положении. В нашей семье лишиться наследства могли лишь одним способом.

– Скажи уж прямо, что мне повезло!

– Я могу говорить только за себя. Я был бы счастлив оказаться в армии. При условии, что мои близкие живы и в безопасности.

– «При условии...» Тебе таки надо к бергерам! Можешь не пить, а я буду... Я должен это переварить, чтобы не вы-

лезло, когда станет не до старья! Доннервальд возьмут со дня на день, как наш Язык... И нам всем придется куда-то прыгать... Так выпьешь?

– Да. Мой генерал, при всем моем уважении к барону Райнштайнеру я хочу остаться с вами. Прошу простить мою манеру выражаться. После смерти Юстиниана я слишком много читал, слишком мало говорил и еще меньше доверял. Я надеюсь, в армии это пройдет.

Пройдет ли, нет ли, но списаться уже списалось. У каждой кошки свой хвост, главное, чтоб крысиным не был.

– Ты знаешь, как тебя прозвали?

– Да, мой генерал.

– И верно, между прочим. Зараза ты и есть! Что ж, за твою Торку, Валентин! Чтоб была не хуже моей! И за нашу с тобой войну.

Скрип. Стук. Длинная и широкая тень на стене. Словно на снегу... В Зимний Излом снега были красными. Швырнуть кошку в красный снег – это к войне... К войне всё, а Доннервальд не отстоять. Нет, не отстоять! Нельзя было пускать Бруно за Хербсте, а он переправился. Ловко так, и никакой Пфейтфайер ему не указ, а у Вольфганга мешки под глазами и резервов кот наплакал... Даже не наплакал, собирается.

– Вы пьете без меня? Послушай, Герман, это не свидетельствует о твоих дружеских чувствах. Тем более после того, как ты сообщил маршалу о своих намерениях.

– О намерениях? – не понял Ариго и покосился на пустую

бутылку. Она была одинока, как луна, и генерал точно помнил, что ни о каких намерениях с Вольфгангом не говорил. – Ты что-то путаешь. Бери стакан.

– Охотно. Значит, ты не собирався рассказать мне, что случилось?

– Вот ты о чем... Все очень просто. У меня убили сестру, а из дома меня выставила мать. С помощью Штанцлера, которого тоже прикончили... Вот и все. Выпей за Валентина. Пусть ему повезет в Торке, и пусть у него останутся все... кто еще остался! Леворукий, я же почти не пил!

– У фок Варзов была касера, а здесь я вижу вино, при таком сочетании много не требуется... Я сожалею, Герман. Я очень сожалею, но то, что стало известно, дает пищу для размышлений. Я уже знаю об убийствах в столице, но не о твоих личных делах. Полковник Придд в них посвящен?

– Если ты хочешь его выставить, то не выйдет... Закатные твари, я верю вам обоим... И я хочу за вас выпить! За обоих!

Они выпили, благо вином Жермон запасся, что-то даже пролилось на стол. Генерал отодвинул от красной лужицы регентский футляр и, повинувшись какому-то порыву, вытащил письмо Эпинэ. Двоюродного брата. Единственного близкого родича, не считать же за таковых удравших Борнов!

– Читайте! – велел Ариго двум северным заразам. – Вы его знаете... И того, второго, тоже... Я *хочу*, чтобы вы прочли!

Заразы не спорили. Две башки – белокурая и каштановая – склонились над письмом. Ариго перечитывать не стал, он

и так помнил:

«Вы меня видели, но вряд ли узнаете, — писал кузен, которого Жермон пристрелил бы у Ренквахи и не чихнул. — Мне следовало либо написать раньше, либо не писать вообще. Вы всегда хранили верность присяге, я ее нарушил. Не по убеждениям и не по слабости, а потому что так решил дед, хотя это меня никоим образом не оправдывает. Я не жду ответа и тем более не претендую на Вашу дружбу. Я пишу Вам только потому, что Вы имеете право знать, как умерла Ваша сестра...»

Хорошо, что они не встретились у Ренквахи, и хорошо, что этот Робер жив. Арлетта надеется, что они станут друзьями. Вряд ли. Слишком много за каждым своего, нестерпимого для другого, но пусть живет... Ждать, когда Ойген с Валентином оторвутся от бумаг, становилось неважно, и Жермон вытаскивал письмо регента. Последний из трех листов. Рудольф всегда писал коротко и по существу, не изменил он себе и сейчас.

«Взятие Доннервальда — вопрос времени, после чего тебе станет не до прошлого. Тем не менее я подписал и огласил указ, объявляющий письма твоего отца подделкой. Это все, что следует знать посторонним. Как регент я обязываю тебя хранить тайну рождения твоей единоутробной сестры. Не буду повторять графиню Савиньяк, но ты должен знать, что самое малое с начала восстания в Старой Эпинэ и до своего последнего дня Катарина Оллар действо-

вала безупречно. Талиг слишком многим ей обязан, а наше нынешнее положение слишком неустойчиво, чтобы я позволил кому бы то ни было бросить тень на память королевы. Я рассчитываю на твое понимание.

Я знаю, как это тебе неприятно, но моя обязанность – прояснить твое собственное положение. Любая огласка, а следовательно, изменение твоего статуса невозможны, но, даже будь иначе, ты являешься графом Ариго по закону. Согласно Кодексу Франциска, брак твоей матери и твоего отца не состоялся, так как эсператистский брак Каролины Борн перед венчанием не был открыто отринут. Соответственно, твои права определяются статьей о незаконнорожденных. В отсутствие иных наследников ты можешь претендовать на титул и собственность, а твои заслуги перед короной и очевидное желание твоего отца делают это право неоспоримым...»

Зашелестело: Ойген или Валентин давали понять, что прочли. Про Окделла, не про... Каролину Борн и ментора. Рудольф с женой, фок Варзов, Арлетта, Валмон... Если отыщется Алва, он тоже узнает, и всё. Капотта будет молчать, и никто и никогда не увидит его рядом с детьми, потому что их больше нет. Страшная старость, страшная и пустая.

– Нам уйти?

– Допить эти проклятые бутылки, пока они не скисли!

– Тогда нужно принести хлеба и мяса, – постановил Ойген. – Я займусь этим. Ты переживаешь больше, чем хочешь

показать, но переживать не значит портить желудок.

Ойген этим займется. И этим тоже! О Леворукий и все твари его...

Глава 3

Нижняя Кагета. Замок Хисранда

400 год К.С. 21-й день Летних Скал

1

Это было хуже дожихи. Это было в четыре, в шестнадцать, в шестьдесят четыре раза хуже дожихи, потому что Зоя была одна, а казаронов – множество. Мало того, за каждым казароном катилась свита. Крутила усы, бряцала оружием, благоухала только что слопанным обедом и чем придется. Усугубляя суматоху, сновали слуги – разносили вино, фрукты и сласти, над которыми жужжащими тучками вились мухи и осы. Гайифец насекомых не терпел, как и пропитавших чертоги курений, напоминавших одновременно о клириках и морисках. Маршалу отчаянно хотелось сунуть нос хотя бы в пороховницу, заткнуть уши и закрыть глаза, но когда это командующему имперским корпусом удавалось избежать местного гостеприимства?!

Незнание языков превращало вырывающиеся из общего гула слова в лай, фыркание, гогот, визг. Верный Курподай не единожды выражал готовность переводить, Капрас вежливо благодарил, но до сих пор не удосужился воспользоваться

помощью. Это становилось неприличным, и гайифец указал на двух красивых казаронов, окруженных немалой толпой.

Казарон в летах что-то со страстью втолковывал более молодому, тот время от времени отвечал, всякий раз отступая на полшага. Старший, напротив, продвигался вперед, размахивая перед собой указательным пальцем, на котором блеснул огромный камень.

– Они оба из рода Шаримлетай, – объяснил Курподай. – Более молодой – Вариф-ло-Капрунчп, после Дарамы он стал очень богат. С ним говорит его двоюродный дядя по матери Поррехт-ло-Капабуна. Он трижды овдовел, и у него в прошлом месяце родился сын.

– Его каза... – Леворукий знает, как сказать, не казаронша же. – Его супруга умерла родами?

– Нет, она благополучно разродилась, умерли предыдущие жены. Теперь Поррехт-ло-Капабуна просит родича одолжить ему восемь тысяч на ремонт подъемного моста, так как замку угрожают набеги подручных Лисенка. Вариф-ло-Капрунчп деньги дать отказывается, ведь у него возникли многочисленные траты. Кроме того, он уже одалживал родичу большие деньги на похороны предыдущей супруги, последующую свадьбу и ремонт моста, но Поррехт-ло-Капабуна их истратил на празднования в честь рождения сына. Счастливый отец возражает. Он просил Варифа-ло-Капрунчпа стать одним из шестнадцати вторых отцов ребенка, и тот согласился, следовательно, упомянутые деньги являются да-

ром новорожденному. Который теперь из-за невозможности поднять мост подвергается угрозе вместе со своей матерью, одиннадцатью единокровными сестрами и девятью братьями. Вариф-ло-Капрунчп...

– Спасибо, – прервал переводчика Капрас, – я понял.

Дядюшка-транжира вымогает деньги у племянника... Как же это по-казаронски, и как же это надоело! Туча казаронов пятый день клубилась в одном из доставшихся Хаммаилу замков Адгемара. Капрас по совету Ламброса задержался на два дня, надеясь пропустить хотя бы пиры, он мог пропустить еще столько же – ни казара, ни толку на съезде пока не наблюдалось. Туча, впрочем, не скучала. Разве может скучать казарон среди других казаронов, жареных баранов и винных бочек? Карло тоже не скучал – он злился на весь свет и Хаммаила, то ли набивающего себе цену, то ли получающего наставления от дражайшей супруги, в свою очередь живущей умом гайифской родни. То, что какая-то Антисса знает, что творится в Паоне, а маршал живет чуть ли не зимними приказами, вызывало желание кого-нибудь придушить. Если не дальнего Забардзакиса, то хотя бы ближайшего казарона. Капрас сдерживался, как сдерживался всю жизнь, но кипящая вокруг бессмыслица доводила до зубовного скрежета.

– Я не могу надолго оставлять корпус, – брюзгливо сообщил Карло Курподаю, предусмотрительно уступая дорогу оранжевому носатому смерчу, с саблей в руке преследовавшему меланхоличную золоченую гору. – Почему бы казару

не запретить во время съезда кровопролитие?

– Это обидит гостей, а Пургат-ло-Прахонджак из рода Параскиси никого не убивает. Он опасен только окрестным собакам. Я понимаю вашу озабоченность, маршал, во время войны полководец должен быть во главе своей армии, а не проводить время на чужих пирах. Боюсь, не-кагету тяжело принимать наши обычаи всерьез. Вы, имперцы, люди дела, а многие из нас – люди хвастовства и пустых разговоров.

Капрас ограничился поднятием бровей. Он не настолько доверял Курподаю, чтобы делиться с ним мнением о Военной коллегии Гайифы, но по части переливания из пустого в порожнее Доверенный стратег его величества Забардзакис обставил бы дюжину казаронов, благо те предпочитали молоть языками, а не составлять инструкции и циркуляры.

– Маршал чем-то озабочен? – Курподай заговорщицки понизил голос. – Никто из нас не сомневается в победе гайифского оружия...

– Я не вижу здесь тех, кто достаточно разбирается в военном деле. Достаточно для того, чтобы оценить силы как империи, так и морисков. И я не уверен, что моему императору не потребуются все имеющиеся в его распоряжении войска.

Говорить в таком тоне было ошибкой, но окружающее гоготанье и бряцанье бесило все сильнее. Сидеть в Кагете, когда дома творится Леворукий знает что! Одна радость – уроды из Военной коллегии обнаружили, что враги бывают не только на бумаге и ведут оные враги себя отнюдь не так, как

им предписывал Забардзакис... Четверть маршальской души гаденько радовалась посрамлению настольных стратегов, но три четверти переживали из-за творящегося на побережье.

— ...ства Дивина пока неизвестна, — пропело над ухом, и Капрас сухо кивнул. Он зря сорвался, но с другой стороны... Пусть знают, что корпус может в любой момент сняться и уйти. Вдруг да допрет, что разжигать войну с Лисенком не ко времени. Может, хоть до кого-то допрет?!

Прокатившийся по увешанному чудовищным оружием залу ураган звуков позволил многозначительно пожать плечами и проорать, что некоторые вещи лучше обсуждать в тишине. Курподай понимающе кивнул, а вокруг трубило, стучало, гудело, звенело и завывало. Его величество Хаммаил-ло-Заггаз возвещал о том, что готов почтить возлюбленных подданных своим августейшим присутствием.

2

Дальше оставалось либо продолжать злиться, либо смеяться, но этого-то Капрас себе позволить и не мог. Маршал стоял по правую руку Хаммаила и сохранял величественное спокойствие, а Хаммаил говорил. По-кагетски, что создавало дополнительные трудности: дружественный казар, пользуясь случаем, мог брякнуть что-то от имени Капраса, а в некоторых мозгах не опровергнутое на месте становится

подтвержденным.

Гайифец как мог напрягал слух, выуживая из бурлящего потока знакомые слова и имена. Пока до империи не доходило – Хаммаил яростно поминал Лисенка и надрывно – убитых при набегах казаронов. Вряд ли искренне поминал, ну так на то и политика – интриганов, от души оплакивавших погибших, Капрас еще не встречал. Вот генералы, те убитых, случается, жалеют, только генерала из Хаммаила не выйдет, даже кагетского. В этой суматошной стране воевали по-дурацки, но от души, а ло-Заггаз уродился трусом и ябедником, уместным в паонских приемных, но не в седле и не с саблей, которую даже держать толком не умел.

– Фршт... храштв... пршушт... пхмак! – возгласил казар. – Шмурж... бжахт!

– Грм... пш... бры, – подтвердил удивительно тощий для Кагеты кардинал. – Орстон!

– Мэ... ра... тхон! – откликнулось из казаронских рядов. – Пш... манх!

– Хыррр!

Привычный к обстрелам Капрас увернулся от чего-то оранжевого, пронесшегося совсем рядом и лихо шмякнувшегося о стену.

– ...прымс... хучфа... хып!

Второй снаряд баловавшийся в юности мячом маршал поймал на лету прежде, чем сообразил, что делает. Оранжевое нечто оказалось потертым сапогом с огромной золоче-

ной шпорой. Сомнений не было – добыча не только выглядела как сапог, но и должным образом пахла. Гайифец оглянулся, не зная, куда девать летучую обувь, а вокруг кипело, шумело и бушевало.

Хаммаил вздымал кулаки и топал ногами, как истый кагет, и при этом визжал на гайи. Казару басовито вторила казаронская разноголосица, гремела доспехами стража, усугубляя суматоху, за какими-то кошками выли трубы, метались потревоженные мухи и осы.

– Казнить! – потрясал кулаками Хаммаил. – Повешу! На месте... Это заговор!.. Талига и Бааты!.. На меня... Против меня! Пршт... камрусха... ып!

Не имевший обыкновения орать даже на проворовавшихся интендантов Капрас считал крик слабостью, но в Кагете маршал был чужаком. Если подданные галдят и орут, казар тоже вправе орать, желательно на понятном подданным языке. А вот чего хоть казар, хоть император не вправе, так это получать прилюдно по морде. Пуля, стрела, кинжал, не достигнув цели, возвеличивают, сапоги, тухлые яйца и похабные песенки предвещают катастрофу. А уж союз императора с казаром, в которого швыряют сапогами...

– Хр-р-р-рыф!

Пара статных седых стражников выволокла из толпы босого носатого казарона. Того самого никогда не убивающего Пургата, что гонялся за снулым здоровяком.

Хаммаил что-то гавкнул, и злоумышленника умело швыр-

нули на колени. Рот ему заткнуть не догадались, и рот этот не закрывался. Зато разноцветная казаронская стена притихла и слилась в нечто единое и выжидающее.

Подоспел вездесущий Курподай, встал чуть позади.

– Может, хоть вы объясните, что за... – начал Капрас и понял, что все еще сжимает в руке оружие покушения.

3

Суд был скорым. Подобной прыти от Хаммаила маршал не ожидал. Босого Пургата приговорили к смерти минут за десять. За оскорбление казара и союзной Гайифы. За участие в заговоре в пользу Лисенка и Талига. За покушение на жизнь гороподобного казарона и грабежи на дорогах. За затравленных собаками мирных путников и оскверненный храм. Казароны молчали не то чтоб уважительно, но с пониманием. Приговори по осени Военная коллегия самого Капраса, друзья и соратники молчали бы не хуже: имел глупость проиграть, вернуться и не вывернуться – получай! Капрас, спасибо обожавшему подписывать инструкции Забард-закису, вывернулся, ну так он и не швырял гнилыми грушаками в возомнивших себя стратегами обезьян, хоть и следовало... Маршал хмуро наблюдал, как вопящего смутьяна волокли к двери. Если б хоть одна сволочь встала рядом или хотя бы вякнула... но в Кагете защищают только свои задницы. Как и в Паоне.

Капрас наподдал ногой свалившийся с подноса абрикос, тот лопнул, плюнув желтой мякотью и некстати напомнив про Фельп и тамошние бешеные огурцы. Стража уже выволокла не прекращающего вопить и плевать мятежника, казароны начинали потихоньку гудеть и поглядывать на подносы, а Хаммаил пощипывал отпущенные по случаю возвращения на родину усы и косился на дорогого союзника. Зажужжала привлеченная раздавленным фруктом оса, гайифец отмахнулся и внезапно понял, что стоит перед казаром и порет чушь.

– Ваше величество! От имени моего императора прошу отсрочить казнь и передать преступника в мое распоряжение. Я обязан доложить о сговоре Бааты и Талига во всех подробностях.

Молчит, думает. Ну и отвратная же физиономия. Красивая, холеная и отвратная. Если откажет... Если откажет, проглотим и запомним. Это если откажет...

– Пургат-ло-Прахонджак упрям и лжив, как и все прихвостни Лисенка. Он не станет говорить.

– Не получив доказательств сговора, мой император не даст разрешение на выдвижение вверенного мне корпуса на северо-запад. Я и так превышаю свои полномочия, прикрывая резиденцию, в которой проходит высокое собрание. Гайифа не желает войны.

Раньше надо было думать, раньше! Ввязываясь в фельпскую авантюру и сговариваясь с Адгемаром. Покойный казар

унес сговор в могилу, но Алве и багряноземельскому зверью нужны не доказательства, а повод. Теперь он у них есть, а подавшие этот повод болваны пишут свои поганые циркуляры и требуют осторожности.

– Хорошо, – протянул Хаммаил, – если преступник признается в сговоре с Лисенком, я его передам в руки Гайифы.

Такие упрямцы не признаются, и вообще незачем лезть в дело, которое не касается ни империи, ни корпуса. Кто-то в кого-то чем-то швырнул, но что до того Карло Капрасу? Его дело – выполнять приказ. Или не выполнять, а поднять корпус по тревоге и форсированным маршем гнать в Неванту, где он в самом деле нужен. Или наплевать на Неванту с Коллегией и ввязаться в местные делишки. Само собой, не даром. Даром или почти даром они с Ламбросом уже навалились. Не развяжи мориски войну, самое время было бы подумать о себе, мешали беззащитное Побережье и придурки в Паоне; придурки, которые видят лишь бумаги и слышат лишь себя... Карло маялся среди чужого говора с кубком в руках, а перед глазами вставали то белые прибрежные городки, то муторные столичные рожи.

«Вы слишком много думаете о том, в чем слишком мало понимаете. Руки не спорят с головой...» Именно так вещал Забардзакис накануне фельпской кампании, и Капрас это съел. Съел бы и больше, по крайней мере тогда.

От поганных воспоминаний отвлекло отнюдь не кагетское покашливание, минут десять назад его было бы нипочем не

услышать. Карло обернулся и едва не помянул загадочную «бацуту». Перед ним торчал некто в мундире Иностранной коллегии его величества Дивина, но без ленты с имперским павлином.

– Как приятно увидеть в столь диком сборище лицо просвещенного человека! – пропел он. – Позвольте представиться. Младший конхессер граф Марко Каракис. В прошлом – соученик нашего славного казара, а в настоящем – кузен его трогательной супруги. Прошу простить мою фамильярность, как видите, я в отставке, а вдали от родных мест в каждом соотечественнике поневоле видишь брата.

– Если жизнь на чужбине вам в тягость, не нужно было выходить в отставку и покидать отечество. По крайней мере в его нынешнем положении.

– Ах, если бы вы смогли объяснить это Антиссе! Бедняжка не может обойтись без родственной поддержки, и семья пожертвовала мной. Вы приедете к нам в Гурпо?

– Вряд ли я смогу в такое время оставить свой корпус ради личных дел.

– Я так и думал, но не мог не попытать счастья. Позвольте полюбопытствовать, на что вам этот пустоголовый Пургат? Дорогому Хаммаилу свойственна излишняя горячность и некоторая мнительность. Заговорщики не бросаются обую, заговорщики подсыпают яд. Вряд ли ваш казарон расстался с сапогами по приказу Лисенка, и еще более вряд ли он привлечет внимание Иностранной коллегии. Вы не пред-

ставляете, что сейчас творится в Паоне...

– Мое дело – доложить, – буркнул доведенный паонским аргументом до кипения маршал, но кузен и соученик не унимался.

– Желаю вам успешного доклада. – Каракис улыбнулся и понизил голос: – Признаться, меня больше волнует сын Адгемара. Он, в отличие от глупца Пургата, опасен по-настоящему. Хотелось бы верить, что хотя бы это собрание надежно защищено...

Капрас не понял ни этого намека, ни следующих. Пока маршалу удавалось увязывать военную прямоту и краткость с вежливостью, но Каракис не отставал. Теперь его занимало, почему для размещения отрядов прикрытия избраны те поселения и замки, а не эти и наилучший ли это выбор для защиты Гурпо. Вот, скажем, Пирхаллуп, замок прибывшего с маршалом казарона, который, кажется, знает гайи? Чем он, разумеется, замок, а не казарон, столь привлекателен? В ответ пришлось полюбопытствовать, сколь хорошо отставной дипломат сведущ в делах военных, а выяснив, посоветовать не забивать голову незнакомыми премудростями.

– Места дислокации, – Капрас взял с подноса шедшего мимо слуги что-то липкое, но очень вкусное, – выбраны исходя из правил военной науки и моего опыта.

– Тогда я спокоен и постараюсь успокоить кузину. Мы понимаем, как вы заняты, превращая левкрийскую глину если не в золото, то в сталь, но все же нам стоит сойтись поближе.

– Да, – пустил в ход последние крохи вежливости Карло, – безусловно.

– Тем более мы со дня на день ждем прибавления в семье... О, кажется, я выразился несколько двусмысленно. В Гурпо приезжают мать и дядя Антиссы. Он, если вы помните, долго служил в Военной коллегии и не чужд стратегии. У вас найдется о чем поговорить... А вот и наш Хаммаил. Он – славный малый и примерный муж, но при поданных ему приходится быть казаром, а казар говорит с казаронами без родни за спиной, так что до встречи. Надеюсь, скорой. Готов поспорить, вы получите вашего смутьяна, но обувать его придется за счет империи.

– Все уладилось. – Улыбка Хаммаила была столь же сладкой и мягкой, как раздавленный абрикос. Мухи и осы пришли бы в восторг. – Пургат-ло-Прахонджак из рода Парасксиди дает показания о сговоре с Баатой. Он ваш.

То ли казар не знал носатого казарона, то ли, наоборот, знал слишком хорошо, только болван признался, повинился и сразу же стал противен, но пришлось выражать свое удовлетворение и выслушивать ответные расшаркивания. В этой стране не умеют не только воевать, но и сохранять лицо, а смелость растет из фанфаронства. В этой стране с пятнадцатью тысячами паршивых пехотинцев можно добиться многого, особенно сейчас.

– Дорогой маршал, наше небольшое дело благополучно улажено. Теперь я должен досказать своим бездельникам то,

что намеревался.

– Само собой, ваше величество.

Откуда вылетела очередная оса, маршал не заметил, но прихлопнул полосатую дрянь с удивившим его самого наслаждением.

Глава 4

Талиг. Оллария

400 год К.С. 21-й день Летних Скал

1

Робер был дома. Сидел за столом, ковырялся в клубничном десерте, разговаривал и при этом стоял у широко распахнутых ворот, через которые много лет назад в Олларию въехала перепуганная светловолосая девочка. Будущая королева... Вчера сестра отправилась в свой Гайярэ. Ее провожали Пуэн, старый ментор, пара сотен южан и несколько монахов. Сэц-Ариж, загодя выехавший к Кольцу с письмом графини Савиньяк, прислал курьера – мертвую королеву пропустят домой, а возвращаться ее спутникам в Олларию или нет, пусть решает Проэмперадор Юга. Или Эчеверрия, или кто угодно...

– Двор нам больше не нужен. – Арлетта, спасибо ей, не порывалась выказывать сочувствие, предпочитая заниматься делами. – Оставшиеся дамы – это не только дорого и уютно, но и по большей части глупо.

Эпинэ кивнул и прикрыл руками глаза. Черный и серый от траура птичник был ужасен в своем однообразии. Навязчи-

вом, громком, вездесущем. «Я никогда не забуду этот ужасный день» – одна и та же фраза раздавалась со всех сторон, выныривая из всхлипываний и вздохов. Приходилось отвечать хотя бы кивком, и Робер отвечал, только дамы и девицы не отставали. Старшие норовили ухватить под локоть, младшие изящно спотыкались, и все подносили к глазам вышитые платочки, но Эпинэ не верил ни слезам, ни подвернувшимся каблучкам. Те, кому было больно, не брали Проэмперадора Оллари и графиню Савиньяк в кольцо, не намекали, не просили, а молча дожидались конца церемонии и исчезали. Как Марианна.

– И кто бы это мог шуршать? – Арлетта задумчиво протянула руку за спину, вытащила его крысейшество, рассмотрела со всех сторон и водрузила на стол. – Кажется, я все-таки не боюсь крыс... Ты обратил внимание, как интересно разъезжались послы?

Не обратил, потому что подбирал слова для Капуль-Гизайлей, думая, что те все же подойдут. Барон и баронесса присутствовали на всех церемониях, но к Проэмператору не приближались. Закутанная в черное Марианна смотрела только на гроб; кажется, она вообще не произнесла ни единого слова. Коко раскланивался со знакомыми и незнакомыми, при этом тщательно избегая Эпинэ. Робер этого и добивался, только все равно не отрывал глаз от вуали Марианны и черной шляпы барона, пока их не скрыли приживалы старухи Фукиано.

– Я плохо разбираюсь в послых, – признался Робер, с сомнением глядя на забравшегося в отвергнутую клубнику Клемента.

– Посол Гайифы уехал с одним лишь йернцем. – Графиня говорила тоном проверившего склады интенданта. – Агари-ец откровенно навязался ардорцу и улаппцу, которые в вос-торге явно не были. Бордон с кагетом вцепились в алата и фельпца. Мелкие господа с Померанцевого моря очень не хотят принимать у себя морисков, так не хотят, что рвут старые союзы, даже не пытаясь делать хорошую мину.

– Наверное... Жаль, на севере мориски нам не помощники.

– На севере мы поможем себе сами. Главное – выдержать летнюю кампанию, но это не наше с тобой дело. Ты решил, что делать с прошением Рокслей?

– Нет... Наверное, регент... Регенты...

– Рудольфу и Рокэ есть чем заняться. Проэмперадор Ол-ларию ты, и ты должен не только кормить, защищать и хоро-нить, но и судить.

– Для всех Катари умерла родами.

– Слухи ползут. Дамы, слуги, гвардейцы – все они люди, а люди болтливы, только дело не в сплетнях. Есть преступники, есть закон, и есть ты. Твоего решения ждут все, кто знает правду, а их немало. В том числе и таких, от кого следует ждать пакостей.

– Я понимаю... Закатные твари, тетка Маран вечно твер-

дила «я понимаю, я понимаю...». Ее повесили, а потом сожгли Сэ!

– Закон запрещает вешать женщин. Даже убийц.

– Но убивала не эта коза, а Дикон! Фрейлину, Катари, Штанцлера... А до этого были яд и приговор Алве!..

Он все же не выдержал, заорал, но графиня предпочла не заметить.

– Я вспомнила о другой убийце. Плахи эта тварь избежала; надеюсь, она хотя бы угодила в Закат. Это уже не наше дело, в отличие от Рокслей, без которой Катарина осталась бы жива. Я была фрейлиной, с тех пор во дворце ничего не изменилось. Пойми, за спиной едва ли не любой беды стоят мелочи. Гаденькие, голодные... Вроде мух, что откладывают лошадям под кожу личинки, только лошади живут и с этим, а люди – не всегда.

– Хотел бы согласиться, но не могу... – Они никогда *так* не говорили с Жозиной! Да и с отцом, и с дедом... – Я решу с Рокслей позже... Посоветуюсь с его высокопреосвященством...

– Вряд ли тут нужен эсператист, но почему и не поговорить с умным священником? Левий знает жизнь, и я склонна ему доверять, хотя предпочла бы, чтоб тебя окружали люди... повыше. Малыши слишком часто пытаются перепрыгнуть высоких, а не перепрыгнуть, так укусить или толкнуть.

Робер воззрился на собеседницу. Она намекала на что-то серьезное, только обсуждать сейчас Левия не хотелось. Как

и Дикона.

– Сударыня, вы, наверное, устали?

2

– Вы, наверное, устали? – попытался удрать в вежливость Робер. – Я никуда не годный хозяин...

– Для военного – годный. – А гладить крысу не так уж и противно. – Устала не я, а ты, но сейчас ты не уснешь, разве что напьешься.

– Я не могу напиваться... Клемент вам в самом деле не мешает?

– Нисколько. – В родственных связях есть свой смысл. Престарелая тетка может отвесить племяннику подзатыльник, но вразумлять подобным образом Проэмперадора, даже если он сын подруги? – Кажется, сюда идут...

– Вы правы. – Ожидание беды – скверная привычка, а Робер только беды и ждет. Совсем как Жозина в последние годы, когда ее счастье кануло в Ренкваху.

– Монсеньор, к вам...

– Я доложу о себе сам! Дорогой друг, я позволил себе... Сударыня, умоляю простить мою наглость, но я не мог, я просто не мог не нанести частный визит герцогу Эпинэ! Возможно, вы слышали обо мне и моем скромном доме. Барон Капуль-Гизайль к вашим услугам с сего дня и навеки!

– Я не претендую на вечность. – Бывают же своевременен-

ные гости! – Я в самом деле о вас слышала. От сыновей и, совсем недавно, от виконта Валме. Как поживает его собака?

– Так, как может поживать живое существо, которое покинули без объяснений. Готти здоров, сыт, ухожен, рядом с ним возлюбленная, но это лишь усугубляет его страдания. Телесные муки порой отвлекают от потерь, но благополучие и праздность делают оные нестерпимыми. Готти воет, сударыня. Чаще всего душевная боль настигает его во время концертов, что наносит ощутимый ущерб...

– Констанс! – Рык Робера прервал баронское журчание. Капуль-Гизайль вздрогнул и широко открыл очень умные глаза. – Констанс... Госпожа Савиньяк извинит нас, если мы пройдем в кабинет.

– Возможно, – светски улыбнулась Арлетта, – но я соглашусь на одиночество не раньше, чем получу ответ на давно занимающий меня вопрос.

– Мы скоро... Я скоро вернусь, – подтвердил худшие опасения Робер. Будь проклято, будь четырежды проклято то, что по недомыслию называют благородством!

– О, я не отберу много времени. – Барон прижал к груди руки с отменно обработанными ноготками. – Собственно говоря, я пришел напомнить дорогому Роберу о нашем доме. Разумеется, известные печальные события исключают обилие гостей и игру, но музыка, легкий ужин и сухое вино уместны в любых обстоятельствах...

– Господин Капуль-Гизайль, я же просил!..

– Ваш отказ нас убьет, просто убьет! Мой новый концерт, перепела... Нет, это немыслимо! Вас могла бы извинить война и, возможно, государственные дела, но я наводил справки. Вы свободны до завтрашнего полудня, а в случае необходимости вас всегда разыщут.

– Меня уже отыскиали... в случае необходимости. В вашем доме! Я должен был ехать к сестре, а я... Господин барон, все, что я имел вам сказать, я... Лэйе Аstrapэ, вы же прочли письмо!

Сейчас взвояет, хлопнет дверью и сбежит... Если позволить.

– Это становится скучным. – Таким голосом юная Одетта Мафра говорила с *мужчинами*. – Робер, ты ведь не знаток старых обычаев?

– Нет! – Моргает, пытается сообразить, не укусил ли матьину подругу Клемент или кто-нибудь еще.

– Тогда я спрошу барона как знатока. Вы знаток, я знаю... Почему мужчины дают такие странные зарюки? Я говорю об обещании съесть что-либо несъедобное – шляпы там, сапоги, седла...

Занятно, что пришла в голову последняя глупость Арно, не иначе материнское сердце... А, не все ли равно что, главное, не дать одному навзрыд рычать, а второму – откланяться.

– О, – немедленно принял помощь барон, – эта привычка довольно любопытна! Лично я вижу в ней влияние Холты.

Эта страна, а в молодости мне удалось там побывать, очень своеобразна и по-своему разумна. Там чтят духов Степи, и, по мнению холтийцев, эти духи наложили на канов заклатье. Если кан задумает обмануть Степь, на него найдет помрачение и он на глазах своих подданных съест собственный пояс. Холтийские правители решили не искушать судьбу и отказались от поясов как таковых. Не спрашивайте, не перешло ли заклатье за неимением поясов на иные части гардероба, ответа пока нет. Зато влияние степных верований ощущается и у нас. Ничем иным объяснить столь любимый нашим дворянством зарок я не могу, тем более что он прекрасно вписывается уже в наши традиции. Повсеместная замена бытовавшей ранее клятвы на крови клятвой, имеющей в своей основе столь эфемерное понятие, как честь, сродни отказу канов от поясов. Следующий шаг – переход от клятвы честью к заведомо нелепому зарoku – совершенно естественен...

– В таком случае клятва съесть неэфемерные сапоги – шаг не вперед, а назад, – поддержала разговор Арлетта. Нужно было что-то делать. Срочно! Пока Робер не сорвался проверять какие-нибудь караулы, а баронесса не отправила барона за другим кавалером. Среди тарелок шевельнулось нечто светлое. Крыса! Арлетта ухватила пискнувшую зверушку и сунула барону.

– Надеюсь, вас не затруднит присмотреть за нашим маленьким другом. – Если Капуль-Гизайль не хочет уходить, он примется сюсюкать, а сюсюкающего гостя не выставишь. –

Клемент крайне мил, но за ним нужен глаз да глаз. Герцог, я должна вам срочно кое-что сообщить. Не здесь. В кабинете.

3

Иноходец не представлял, зачем его приглашают, но это позволяло сбежать от бедняги Констанса. Заботливый муж боялся до конца войны отдать Марианну военному, но глубже он не заглядывал. Пока герцог Эпинэ жив и в Олларии, он должен ходить к Капуль-Гизайлям, это же очевидно! Объяснить, что вместе с Эпинэ ходит смерть, обычным людям невозможно. Подобное понимаешь лишь о себе.

Робер бездумно пропустил даму вперед. Он попросит ее передать барону извинения и поедет в казармы. Или в Багерлее? Проземперадор должен быть судьей, никуда не денешься, и хватит тянуть.

– Дурак! – Графиня Савиньяк встала спиной к двери; обойти ее, не оттолкнув, было невозможно. – Собрался решать за двоих?

– Сударыня...

– Не «сударыня», а вдова маршала, если ты вдруг забыл! Не пожелай Арно «губить мою юность», он бы именно это и сделал...

– Что сделал? – не понял Робер.

– Погубил. Юность. Молодость. Жизнь. Потому что мне был нужен только он, Арно Савиньяк! На день, на год, на

сколько выйдет, но только он!.. Вы уходите, воюете, умираете, но решать, быть с вами или нет, нам, хотя какое там решать!.. Если любишь, бросаешь все и бежишь, то есть ждешь, пока не поймешь: хватит ждать, пора помнить... И благодарить за то, что было и что никто не отберет, кроме таких вот... дураков.

Глаза женщины были яростными и юными. На своего Арно она смотрела так же, заставив позабыть обо всем, но Савиньяк мог любить. Мог!

– Сударыня... Всё наоборот! Всё!.. Это не меня убьют...

Робер не думал, что сможет говорить так связно, тем более о таком, но говорил. О братьях, отце и Жозине. О просвистевших мимо пулях. Об Адгемаре, Мильже, Луллаке, Борнах. Об Альдо и Моро. О сестре, которая жила, пока он о ней не вспоминал. Тонущие в гвоздиках мертвецы, девчонка без тени, сжимающиеся стены, чужие жирные маки на рыжей садовой дорожке...

– В это трудно поверить, но это так! Я – кукушонок, я живу, потому что умирают другие. Не хочу, но живу, так вышло. Я не думал, что убью Катари, и убил! Ворон, тот хотел ее спасти, и ему почти удалось, ведь он ее оставил... Сударыня, Марианна должна жить, а я доделаю, что мне осталось, и...

– Я все поняла. – Теперь подруга Жозины была совершенно спокойна. – Скажи, ты видел Леворукого?

Шутит? Сошла с ума? Пытается отвлечь?

– Ты видел Леворукого? Того самого, что у церковников...

Хотя он может быть и праворуким.

– Сударыня, что с вами?

– Ровным счетом ничего. Хорошо... Вспомни, тебя спасал кто-то вроде... Савиньяка, только с зелеными глазами и бергерским мечом?

– Нет. Разумеется, нет!

– А нет, так не равняй себя с Росио... с Алвой! Его в юности спас Леворукий, вот бедняга и шарахается от кого может, и то не ото всех, иначе ему пришлось бы удрать в Седые земли и жить там в дупле. Тогда бы смертей в Талиге точно прибавилось, так что кончай ловить чужих кошек и отправляйся к своей...

– Вы шутите!

– У меня воображения на такие шутки не хватит... Оглянись! Сколько людей теряют всё – любовь, дом, здоровье... Что, все они прокляты? Или ты только герцогов с королями считаешь? Так счастливых королей в сказках и то не бывает: то детей нет, то жена – тварь закатная, то чудище в залог дочку требует... Все мы несчастные, кроме мальчишек вроде Карло Алвасете. Пошел в бой, умер и не заметил; не ты плачешь, а о тебе...

Люди стареют, Робер, люди теряют тех, кого любят, иначе не бывает. Даже прекратись все несчастья и войны, мы будем хоронить родителей и жить дольше собак, лошадей, крысы этой твоей... Выходит, не любить их? А нам что прикажешь? Прятаться от мужчин? Не радоваться? Не рожать, по-

тому что война, потому что вас могут убить... Могут, и что? Шарахаться от счастья, потому что оно кончается? Да стань оно бесконечным, оно б не счастьем было, а... овечьей жвачкой! И не смей убивать его раньше времени, оно не только твое. И вообще...

– Сударыня...

Теперь Арлетта смеялась, словно сказала нечто смешное. Смеялась, то отмахиваясь унизанными кольцами рукой, то утирая глаза, но сумасшедшей она не была. На свой счет Робер был не столь уверен.

– Извини, – выдохнула графиня, – ничего смешного тут нет... Только как же хорошо... что ты не... пшеничное зерно... Представляешь, *что* бы было, откажись семена прорастать, потому что впереди жернова и бочки! Думай пшеница и капуста, как ты, мы бы... Мы бы вымерли с голоду, и некому было б страдать...

– Лэйе Астрапэ!

– Не поняла.

Объяснить Иноходец уже не успел. Распахнулась дверь, и в кабинет вступил Коко.

4

Барон явился удивительно вовремя – тот, кто сочиняет концерты, знает, когда вступать гобою, а когда – скрипкам. Арлетта поправила волосы и сощурилась – так и есть, на

плече Капуль-Гизайля восседала крыса, что вряд ли шло на пользу элегантнейшему воротнику, но визитеру было не до него. И даже не до Робера. Супруг Марианны остолбенел, вперив исполненный восторга и вожделения взор в письменный стол, точнее, в прижимавшую бумаги потускневшую статуэтку.

– Умбератто! – простонал Капуль-Гизайль, все больше напоминая сраженного молнией любви. – Подлинный Умбератто, но где и в каком виде!.. Мой друг, это невыносимо! Вы же не станете... Не станете жарить дичь на вашей лучшей шпаге или возить на Дракко дрова!

– Умбератто? – Арлетта подошла поближе, разглядывая оббившуюся вокруг обломка колонны змедеду. – Похоже на то. Робер, это судьба. Барон нашел на твоём столе Умбератто, значит, этот Умбератто предназначался ему.

– В прибрежных тростниках до сих пор слышат песни и плач найери. – Робер смотрел на статуэтку, страдальчески сдвинув брови. – До сих пор слышат...

– Прекрасно сказано! – Барон сам напоминал работу Умбератто. Эдакая аллегория Вожделения или Противления всесокрушающей страсти из последних сил! – Песни найери родственны плачу, именно это я старался передать своим последним концертом! Всё губит исполнение, хотя я почти добился нужных интонаций... Но Умбератто! Он воплощал в металле то, что можно выразить лишь музыкой. Это прекрасно даже в сравнении со среднегальтарской бронзой.

– Я слышала про вашу коллекцию, – вступила Арлетта. – И хотела бы увидеть ее собственными глазами... Нет-нет, не сегодня! Когда Умбератто займет достойное его место. В доме военного искусству бывает неуютно.

– Но... Эта вещь из особняка Приддов, ее принесли мои люди. Если это такая ценность...

– Это *такая* ценность, – заключила Арлетта, – и ее нужно немедленно отчистить. Барон это сделает лучше кого бы то ни было, а Придд в ближайшее время вряд ли вернется в столицу. Ему можно написать, что его собственность отдана на хранение барону Капуль-Гизайлю.

– Графиня, я назвал бы вас ангелом, если б не знал, кто послужил эсператистам моделью. Это знание делает комплимент двусмысленным... Мой друг, если вы мне доверяете...

Не пытайся барон доставить Робера к супруге до находки, его можно было заподозрить в корысти, хотя корысть там, вне всякого сомнения, имелась, вопрос – какая. Арлетта взяла тяжеленную змеюку и вручила подскочившему барону, не забыв снять с плеча знатока искусств крысу. Восхитительно теплую и живую.

– Господа, вы слишком взволнованы. Оба. Это беспокоит животное. Будет лучше, если вы отправитесь засвидетельствовать свое почтение баронессе.

– Сударыня...

– Прошу меня простить. Робер, ты не будешь против, если я воспользуюсь твоим кабинетом и напишу несколько пи-

сем? Это срочно.

...Они наконец убрались. Не устоявший перед двойным напором Эпинэ и счастливый барон, пожелавший нести тяжеленькое сокровище собственноручно. На столе остались кипа бумаг и крыса, под столом привычно обосновалось одиночество; вот ведь верная тварь, ни одна собака не сравнится! Графиня Савиньяк отыскала приличное перо и открыла чернильницу. Она все равно собиралась писать Ли и Бертраму, вот и напишет. Только уймет Клемента и отыщет платок. И откуда только берутся слезы, какой в них смысл? Тем более когда все почти устроилось...

Глава 5

Талиг. Придда. Оллария

400 год К.С. 21–22- й день Летних Скал

1

– Я вижу, ты доволен. Я не имею в виду наше военное положение, я имею в виду твое положение в седле.

– Доволен, – подтвердил Ариго, понимая, что сейчас последует важный разговор. Ойген был слишком занят своим корпусом, чтобы предложить послеобеденную прогулку просто для удовольствия. – Если хочешь спросить про отца и... про наше семейство, не стесняйся, но там никаких загадок больше нет.

– Мне так не кажется. Я согласен, что допустил ошибку, сосредоточившись исключительно на Манриках и Колиньярах, но твои неприятности остаются камнем, стронувшим обвал, а при обвалах порой обнажаются золотые жилы. Манрик увидел таковую и начал действовать, только я хочу говорить о не столь давних событиях. Ты согласен, что молодой Окделл представляет опасность для тех, кто считает его другом? В первую очередь я имею в виду младшего Арно.

– Откуда Окделлу здесь взяться?

Барон поморщился, словно у него болели зубы, но такие зубы не болят.

– Герман, у меня складывается впечатление, что исходить из здравого смысла в некоторых случаях – ошибка. Я крайне удивлен тем, что Окделлу удалось бежать. Его удаче, а я основываюсь на собранных мною об этом человеке сведениях, можно найти три объяснения. Ему помогли, только я не вижу никого, кто бы на это пошел, кроме Эпинэ, но, исходя из моих представлений уже об Эпинэ, в это не верю. Разве что кузен написал тебе прежде, чем поймали Окделла. Второе объяснение более вероятно. Окделл убит, скорее всего ма-родерами, ведь при нем было значительное количество ценностей. Я не возражал бы, окажись это так, но существует третья возможность – убийца твоей сестры скрылся, выбрав дорогу, на которой его не стали искать, исходя все из того же здравого смысла. Одна из подобных дорог ведет в расположение нашей армии.

– Это чересчур мудрёно. Графиня Савиньяк считает Окделла свихнувшимся на чести и Раканах дурнем.

– Куры неумны, но, удирая от кухарки, могут влететь в любую дверь. Не думаю, что Окделлу позволят долго разгуливать в расположении наших частей, но он может назвать имя виконта Сэ, а виконт Сэ, не зная некоторых обстоятельств, может попытаться ему помочь. Как другу. Кстати, Герман, Окделл мог отправиться на северо-запад вполне осознанно,

имея в виду перейти к Бруно. Перебежать на сторону дриков и гаунау собирался еще его отец. В этом случае доверие виконта Сэ может сыграть с ним дурную шутку. Не думаю, что риск велик, но он есть.

– Есть, – эхом откликнулся Жермон. – Что будем делать?

– Виконт Сэ поступает под твое начало. Я говорил с Давенпортом, он согласен, но предварительно надо прояснить ситуацию вокруг Придда. Ты к нему пристрастен, что вполне объяснимо, но ты умный и честный генерал. Что ты можешь сказать о своем полковнике?

– Кошки его разберут... Парень – отличный офицер, для своего возраста, конечно. При этом у обормота в башке есть... граница, за которой он начинает творить то, что считает нужным. Где эта граница проходит, мне не ясно, так что за Валентином надо присматривать, хотя... Когда меня свалило, он решил, что присматривать нужно за мной.

– И присмотрел. – Райнштайнер не издевался, просто делал выводы. – Сперва я считал возможным поверить данным в присутствии виконта Сэ объяснениям, но сейчас вижу, что Придд недоговаривает. Он, безусловно, заботится о своих людях и своих родственниках, но исполнять фамильный долг можно по-разному. Я склонен считать твоего Заразу не расчетливым подлецом, а человеком с прописанным в костях, но при этом осмысленным представлением о том, кому и чем он обязан. Расчетливый подлец не встанет между выходцем и девушкой. Я осознанно опускаю то, что Придд де-

лал, находясь под твоим началом. Здесь он мог зарабатывать репутацию, там – нет.

– Ты меня убеждаешь? Не надо ломиться в открытую дверь.

– Я тебя убеждаю лишь в том, что нельзя закрывать глаза на молодую запальчивость. Полковник Придд вряд ли способен на поступки, которые мы называем бесчестными, но тенъент Савиньяк обвиняет его именно в таковых. Я прошу твоего содействия в расследовании.

– Нет! – отрезал Жермон. – Сколько можно... расковыривать! Скоро нам всем в огонь, увидят друг друга в деле – помирятся!

– Расковыривать нужно, пока в ране есть гной, а он есть. Пока сын маршала Савиньяка обвиняет сына супрема Придда, он повернется спиной не к нему, а к Окделлу.

– Что ты хочешь от меня?

– Нужно расспросить бывших унаров в присутствии друг друга. Будет очень хорошо, если ты посоветуешь Придду отвечать на мои вопросы откровенно.

Есть вопросы, на которые не ответишь, из каких бы благих побуждений ни спрашивали. Потому что не знаешь ответа. Потому что слишком хорошо знаешь ответ.

Жермон натянул поводья.

– Хорошо. Поговорим после ужина, но только все вместе, и если Валентин не захочет...

– Герман, ты меня удивляешь. Неужели ты думаешь, что

я стану при посторонних говорить о Юстиниане? И что я не позову тебя? Я сегодня еще не спрашивал, как ты себя чувствуешь?

– Отлично.

– Тогда нашу прогулку уместно закончить фехтованием.

2

Робер с трудом высидел бесконечный концерт и еще более бесконечный ужин. Из гостей были лишь Мевен и пара щеголей, кажется, ардорских дипломатов, но хватило и этого. Снявшая траур Марианна смотрела на всех, кроме Робера; барон трещал о малых скульптурах, скулили и возились собаки. За месяц дом успел стать чужим, возвращаться было поздно, возвращаться было не нужно.

Подали восьмислойное желе. Мевен, хоть его никто не просил, откланялся и утащил с собой ардорцев. Коко извинился и тоже исчез в кабинете – его ждал Умбератто. Эвро свернулась кошачьим клубком на коленях хозяйки и уснула, согнать левретку Робер не отваживался, а Марианна не считала нужным. Пустота становилась вязкой, словно Ренквах, и столь же безжалостной.

– Вы хотели меня видеть? – Проклятое «вы» сорвалось с языка, отрезая все дороги, кроме одной. К двери.

– Нет.

– Значит, я неправильно понял Констанса...

– Возможно. Я не знаю, что он вам сказал.

– Он... – А что, собственно, говорил барон? Что не мог не нанести визит и что желает видеть дорогого Робера в гостях, только гостей здесь перебивали сотни. – Барон пригласил меня на концерт.

– Коко гордится своим последним сочинением, но птичницы мало понимают в серьезной музыке. Я предпочитаю романсы, пусть их и считают пошлыми.

– Я прошу передать Констансу мое восхищение. Он так быстро ушел...

– При виде антиков он теряет рассудок. Спасибо, я обязательно передам ваше мнение. Для Коко это очень важно.

Для Коко, не для нее!

– К сожалению, я не могу вернуть ваш жемчуг. Его у меня больше нет, но я пришлю вам рубины.

– Это будет лишним. Статуэтка, которую принес Коко, много дороже.

– К несчастью, я не могу распоряжаться этой вещью, она принадлежит герцогу Придду. Я ему напишу...

– Коко будет вам признателен.

– Благодарю вас за маки. Не думал, что их можно найти в Олларии. Именно такие...

– Это было нетрудно. Они растут у нас в садике.

– Я не знал...

– Когда вы здесь бывали, маки еще не зацвели. Это поздний сорт.

– Сорт?

– Они только кажутся дикими. Не стоит верить тому, что кажется.

– Я хотел бы увидеть, как они растут.

– Вы опоздали. Позавчера Коко приказал срезать все.

И здесь Коко! Сколько раз нужно убедиться, что твои полгода истекли, и плевать, кто виноват. Ты больше не нужен, изволь подняться и выйти. Если сможешь, без прощальных речей.

– У вас был трудный день, баронесса, у меня тоже. Разрешите...

– Это невероятно! – Дверь только открывалась, а барон уже говорил. – Невероятно! Мой друг, я в полной растерянности. Я нашел письмо; оно на первый взгляд не имеет адресата, но вы должны прочесть его первым. Именно вы!

– Коко, – Марианна даже не шевельнулась, зато Эвро насторожилась и уселась, как готовый пуститься вскачь заяц, – герцог Эпинэ устал, не нужно его задерживать.

– Но это очень важно! – Барон уже водружал на стол найери. Отчищенный кончик хвоста загадочно мерцал, подчеркивая удручающее состояние всего остального. – В ней тайник... Удивительная работа, я едва его не пропустил, а вот и письмо. Оно запечатано. Разумеется, я не мог себе позволить...

– Зря. Впрочем, я отошлю это письмо Придду.

– Но оно от Придда! По крайней мере, судя по печати...

Возможно, оно касается Умбератто. Нет, вы должны про-
честь!

– Хорошо. Давайте.

«Сим подтверждается, что находящийся в тайнике фигурки работы Умбератто, именуемой «Память песней», документ – подлинное письмо Блани Ракан, урожденной графини Маран, собственноручно написанное оной дамой в Агарисе и отосланное ею вдове герцога Эктора Придда герцогине Гертруде. Руководствуясь чувством приличия, я вкладываю в тайник наиболее пристойную из одиннадцати находящихся в моем распоряжении сходных по содержанию эпистол, дабы нашедший передал оную потомку означенной Блани, известному ныне под именем Альдо Ракана. В случае, если документ постигнет участь содержимого найденной в гробнице Франциска икатулки, оставшиеся десять писем окажутся в распоряжении столь достойных доверия лиц, как Его Высокопреосвященство Левий, герцог Ноймаринен, командующий Северной армией граф Савиньяк, нынешний дуайен Посольской палаты граф Глауберозе, посол дружественной Талигу Кагеты доблестный казарон Бурраз-ло-Ваухсар и великий герцог Ургота Фома.

В прибрежных тростниках до сих пор слышат песни и плач найери, они помнят многое, и они будут

говорить.

Валентин, герцог Придд

400 год К.С.

Ночь с 18-го на 19-й день Зимних Скал

Р.С. В случае, если упомянутый выше потомок Блани исполнится смирения и покинет пределы Талига, равно как и в том случае, если он наложит на себя руки от стыда и печали или же иным путем лишится возможности приносить вред, письма останутся там, где они находятся ныне. Полагаю, впрочем, первые два предположения маловероятными и упоминаю о них лишь из уважения к последней воле герцогини Гертруды, завещавшей предать эпистолы Блани огласке лишь при крайней на то необходимости».

Почерк был Роберу знаком, то есть оба почерка. Первый Робер видел лишь дважды, но запомнил на всю жизнь, как и ночь, когда отбили Алву, второй... «Поучения королевы Бланш», почитаемые Альдо как величайшее сокровище, теперь хранились у мэтра Инголса вместе с другими бумагами. При желании можно было взять и сравнить, только зачем? Мерзкое, полное базарной злобы письмо написала королева. Та самая. Жена Эрнани Последнего. Любовница маршала и мать его ребенка, сбежавшая в Агарис. Уж не тайну ли Раканов раскрыл свихнувшийся астролог...

– Я был прав! – с гордостью объявил нависавший над Робером барон. – Это Умбератто, но какое восхитительное название! «Память песней»... Герцог, с вашего разрешения я

его присвою! Я никак не мог подобрать название концерту, который вы слушали, и вдруг такое открытие... Это судьба, мой друг! Та самая судьба, которой придают столь большое значение дикие народы...

– При чем здесь судьба и при чем здесь я?

– У вас дурное настроение. Конечно, бранящаяся женщина всегда удручает, но утешимся тем, что эта вульгарная Бланш мертва. Нет, я не могу ждать! Я немедленно впишу название... Пожалуй, в переводе на гальтарский оно будет звучать еще лучше. Как вы думаете?

– Вероятно, – быстро сказала Марианна, и Коко убрался. Роберу следовало выйти вместе с бароном, но, задержавшись, уйти трудней, чем сразу.

– Сударыня, о чем вы думаете?

– О ненависти... Маршал не любил королеву, он хотел стать регентом, и только... Она все поняла, потому и ненавидела герцогиню и ее детей. Любимые нелюбимых не ненавидят, а жалеют. Победители любят жалеть.

– Вы так думаете?

– Я могу только думать. *Знают* те, кого любят или любил. Я не из их числа... Я никого не жалею.

Будь Робер каким-нибудь Валме, он бы нашел что ответить, а не стоял столбом. Зазвенело – за спиной что-то разбилось. Робер торопливо оглянулся. На ковре среди золотистых осколков белела лилия. Не пытайся бежать от песни, слушай, чувствуй, и ты воскреснешь...

– Что ты сказал?

Разве он что-то говорил?

– Я не уйду, Марианна. Не смогу...

Бессильные слова царапали горло не хуже рыбьих костей, но она поняла. И простила.

3

– Устраивайтесь, господа. Генерал Райнштайнер сейчас будет. Что нового?

– Старый Ульрих-Бертольд кричит и топает ногами. Ему не понравился поход и то, что он оказался малоудачным. Нас он тоже ругает, но меньше, чем дриксов и новые времена. – Йоганн улыбнулся так открыто, что Жермон удержался от встречной улыбки лишь потому, что думал об Ойгене. – Мой генерал, можем мы пользоваться случаем и выражать вам свое сочувствие и свои поздравления...

– Йоганн!.. Мой генерал, мой брат хотел сказать...

– Я понял, что он хотел сказать. – Это было неприлично, но на сей раз сдержать улыбку не удалось. – Я потерял сестру и восстановил репутацию, но главное для нас сейчас война. Арно, ты уже знаешь, что с согласия Давенпорта переходишь в авангард?

– Да, мой генерал.

– Пойдешь ко мне порученцем. Не прижимай уши, в тылу держать не стану.

– Мой генерал, я принесу больше пользы в конной разведке.

– Думать, а потом проверять, что надумал, можно и при штабе. Ойген, либо ты опоздал, либо мои часы спешат.

– Я задержался и приношу свои извинения. Господа, – глаза Райнштайнера поочередно обдали льдом троих тенъентов и полковника, – садитесь. Сперва вам придется отвечать на мои вопросы, затем узнать некую новость, которую вам придется держать при себе впредь до соответствующих распоряжений. Преждевременное разглашение полученных сведений является государственной изменой. Вы меня поняли? Прошу отвечать по очереди.

– Да, – быстро сказал Арно.

– Я все понимал, – отчеканил Йоганн.

– Да, я понял.

– Да, мой генерал.

– Очень хорошо.

Валентин был невозмутим как бергер, а бергеры честно готовились выслушать начальство. Арно тоже готовился и пытался казаться спокойным, а казался упрямым. Если б с ним поговорила мать, было бы проще...

– Господа, сперва нам предстоит прояснить некоторые обстоятельства. Тенъент Савиньяк, правильно ли мы с генералом Ариго понимаем: вы считаете, что в Лаик под именем Сузы-Музы скрывался господин Придд?

– Да. Я счита...

– У вас имеются доказательства?

– Не те, которые примут законники.

– Тем не менее обоснуйте свое мнение.

– Шутки были слишком хорошо продуманы для большинства из нас, но только не для Придда. В этом доме привыкли действовать исподтишка и прятаться за других. Не у всех из нас есть старшие братья, которые могут рассказать про Лаик, у Придда брат был. Титул графа Медузы подходит ему больше, чем остальным. В Олларии Придд пользовался подлинной печатью Сузы-Музы, а господин Борн – нет. В Лаик граф назвался «благородным и голодным». Борн подписывался «благородный и свободный».

– Откуда вы это узнали?

– От тенъента Вардена. Сейчас он у Давенпорта. Вардена взял в королевскую охрану Ли... граф Савиньяк, после мятежа Рокслеев тенъент остался во дворце, но...

– И что Варден говорит о Придде? – перебил упрямца Жермон.

– Персона герцога Придда меня не интересует! – взвился Арно. – Я...

– Вы уже получили замечание на сей счет, – не преминул вернуть поводья в свои руки Райнштайнер. – Но мы собрались выяснить личность «графа» из Лаик. Тенъент, вы можете что-то добавить?

– Нет!

– Господа Катершванц, что думаете вы?

– Я хочу верить, что это не Валентин, – Норберт в самом деле этого хотел, – но я не знал про печать. Я хочу понять...

– А я нет! – брякнул Йоганн и покраснел. – Суза-Муза в Лаик был свинья, Валентин нет. И еще он не трус... Я не говорил с Фарденом, я говорил с теми, кто шел от Печального Языка. Один человек не может быть таким и таким, значит, это разные люди. И потом, один человек не мог вешать потекс, а Придд в Лаик всегда ходил один...

– Полковник Придд, я не прошу вас отвечать, я приказываю. Вы знаете, кто действовал в Лаик под именем графа Медузы?

– Отвечайте, Валентин, – подтвердил приказ Жермон. – Пора с этим покончить...

– Слушаюсь. В Лаик под именем Сузы-Музы действовало несколько человек.

– Вы были в их числе?

– Да.

– Кто еще?

– Не берусь утверждать. Раньше я думал про господ Колиньяра, Салину и Савиньяка, но ошибся самое малое в отношении последнего. Позже я услышал про подмену шпаги капитана вертелом и пришел к выводу, что Сузе-Музе кто-то помогал.

– Что делали лично вы?

– Дважды выходил ночью из своей комнаты.

– И всё?

– Я предпочел бы не отвечать.

– Вы в армии. Потрудитесь ответить. Когда вы выходили?

– В первый раз – на третью ночь после появления Сузы-Музы.

– Полковник Придд, если вы думаете, что я устану задавать вопросы, вы ошибаетесь. Либо вы расскажете все по порядку, либо я стану спрашивать, пока не получу необходимые мне ответы. Итак, что вы делали оба раза и что видели?

– Закатные твари! – Жермон не выдержал и налил себе полный стакан. – Можно подумать, у нас нет более важных дел! Не знаю, как в Лаик сейчас, но меня вышвырнули из Олларии, когда в ней болтались шестеро моих однокорытников, и что-то никто не бросился меня спасать...

– Сколько из твоих однокорытников остались твоими друзьями? – Ойген тоже счел уместным подойти к столу, но вино предпочел воду. – Сколько, Герман?

– Какое это имеет значение?

– Никакого, но ты помнишь, сколько их было, до сих пор.

– Мало ли какая чушь держится в голове. Валентин, за какими кошками ты выходил?

– Я осматривал здание.

– Сейчас я начну жалеть манриковских дознавателей... Ты можешь сказать, как было, чтобы от тебя отстали раз и навсегда?! Не однокорытники, так хотя бы мы!

– Постой, Герман. Осматривая здание, вы кого-то встретили?

– Я почти столкнулся с Эстебаном Колиньяром, но он меня не заметил. Второй раз я не встретил никого.

– Тогда вы тоже осматривали здание?

– В этом не было необходимости. Я зашел к капитану Арамоне и оставил у него на столе почетный диплом дурака, труса, пьяницы и невежды, а также уведомление о кончине Сузы-Музы.

– Арамона вас не заметил?

– Я рассчитывал, что он пьян и спит, но его не было, иначе я слышал бы храп. Отсутствие капитана меня удивило, тем не менее я сделал то, что намеревался.

– Вы приближались к Старой галерее?

– Я принес туда ужин.

– Что было в корзине?

– Это был мешок.

– Что было в мешке?

– Свечи, огниво, хлеб, сыр, ветчина, пироги и вино.

– Какое?

– Арамона пил дорогую тинту. Бутылки хранились в особом погребе. Я взял одну, но открывать не стал.

– Это была тинта! – хлопнул в ладоши Йоганн. – Отличная тинта, хотя Берто и Паоло хотели своей южной кислятины.

– Господа, – прервал бергерские восторги Ойген, – есть ли у вас сомнения в том, что рассказал полковник Придд?

Арно молчал, Йоганн со счастливой улыбкой проорал: «Нет!», Норберт свел брови, сразу став похожим на своего

склочного родича.

– Я не сомневаюсь, что Валентин доказывал нашу невиновность, но я хочу знать про печать, подкинутые Ричарду улики и про то, как вешали штаны капитана Арамона.

– Да, – поддержал близнеца Йоганн, – хроссе потекс, как ее цепляли?

– Полковник, вы можете ответить на эти вопросы?

– О панталонах я не могу сказать ничего.

– Хорошо. Скажите, откуда у вас печать?

– Я ее нашел. Как справедливо напомнил господин Савиньяк, я – Придд. Лаик мне не казалась дружественным местом. Я в первую же ночь тщательно обыскал свою комнату и обнаружил отмычки, печать с гербом тогда еще неизвестного мне Сузы-Музы, набор грифелей для рисования и настойку кошачьего корня. Мне не хотелось оставлять эти вещи у себя, но и выбрасывать их я счел преждевременным. На следующий день я выбрал в саду дерево с подходящим дуплом и перенес находки туда. Когда появился Суза-Муза, я решил, что кто-то заранее решил обвинить в его проделках меня. Это казалось бессмысленным, но на всякий случай я забрал из тайника отмычку и вскоре ею воспользовался. Встретив Колиньяра, я уверился в своем предположении – я имею в виду то, что мне отведена роль виновного, – и постарался не подать Арамоне ни единого повода.

– Подбросив улики в комнату Окделла?

– Подобная мысль мне в голову не пришла. Теперь я ду-

маю, что одинаковые улики были подброшены в несколько комнат. Я их нашел, Окделл нет.

– Какова дальнейшая судьба найденной вами печати?

– В Лаик я воспользовался ею только раз, при изготовлении диплома, о котором я говорил, но, когда уезжал, взял на память. У меня возникла не слишком разумная привычка носить печать с собой. Позже, во время допроса, мне показалось, что эта вещь знакома Колиньяру.

– Он о ней спрашивал?

– Нет, и это было странным, ведь он спрашивал даже о засушенных цветах моей матери.

– Вы получили печать назад или изготовили копию?

– Приказом его величества Фердинанда мне были возвращены все изъятые у меня вещи и бумаги.

– Полковник Придд, когда и как вам пришла мысль сыграть роль Сузы-Музы вновь?

– Незадолго до разоблачения Удо Борна. Я подумал, что новому Сузе-Музе может потребоваться алиби. У меня имелись некоторые предположения о том, кто это мог быть. Я решил действовать, когда этот человек будет на глазах у господина Альдо, но все случилось слишком быстро.

– Кого вы подозревали?

– Я полагал, что это виконт Темплтон. Удо Борна я подозревал в меньшей степени, так как отношение этой семьи к Олларам общеизвестно.

– Почему вы подозревали именно Темплтона?

– Подпись и печать подлинного Сузы-Музы выглядели иначе. Это доказывало, что второй Суза-Муза не присутствовал при событиях в Лаик, но знал о них из первых рук. Он находился при дворе, более того, имел доступ к книге дежурств. Я предположил, что это кто-то, в чьи обязанности входит делать в ней записи.

– Вы исключили тех, кто был в Лаик, то есть герцога Окделла. Почему?

– Из-за его преданности узурпатору и неспособности к притворству.

– Теньент Савиньяк, – Райнштайнер слегка возвысил голос, – вам есть что возразить или добавить?

– Нет. В том, что касается Сузы-Музы, я ошибался. В главном нас рассудит война.

– И шляпа, – подсказал Норберт. – Один умный спорщик заказывал себе шляпы из теста для лапши, но это очень неудобно в дождь!

– Я не люблю лапшу! – отрезал Арно. – Господин генерал, разрешите идти?

– Нет. Теперь, когда недоразумение разрешилось, я должен сообщить троем из вас достаточно неприятную новость. Вы уже знаете о смерти ее величества и о том, что герцог Ноймаринен вновь исполняет обязанности регента. Для армии этого достаточно, но вы находитесь на особом положении и должны знать больше. Ее величество и ее фрейлина были убиты вашим бывшим соучеником Ричардом Окдел-

лом. Убийца скрылся.

– Это не есть похоже! – сказал Йоганн.

– Я не верю, – отрезал Арно.

– В это трудно поверить, – поддержал Норберт. – Это даже не измена...

– Мужчина может убивать свою женщину, если она изменяет, предатель может убивать королеву, но не вместе... И не Ричард!

– Полковник, вы видели Окделла в Олларии. Ответьте вашим товарищам.

– Окделл в то время называл ее величество не иначе как госпожа Оллар, хотя и испытывал к ней определенные чувства, которые полагал возвышенными. Мне казалось, он придерживался рыцарского кодекса во всем, что не противоречило его самолюбию и интересам господина Альдо. То, что после смерти последнего Окделл остался в Олларии и поступил на службу к ее величеству, вызывает у меня недоумение. Я не могу исключить, что он счел своим долгом таким образом прервать династию Олларов, но поверить в это не могу.

– Ты не веришь? – Арно казался уже съевшим шляпу. – Ты?!

– В *это* – нет.

– Тем не менее, – не дал уйти в сторону Ойген, – ошибка исключена, поэтому я обязан задать последний вопрос. Что вы скажете об Окделле как о бойце? Вы ведь с ним дрались?

– Да, – подтвердил Придд. – Мы оба были ранены, я – в

бедро, Окделл – в руку, но я считаю себя проигравшим. Окделл стал опасным соперником. Его господин, в данном случае я имею в виду герцога Алва, отменно поставил своему оруженосцу руку, но не голову и не терпение.

– Благодарю вас. Можете идти.

Ушли. Тихо и на этот раз вместе. Это было трудно объяснить, но Жермон видел – их если и не четверо, то двое и двое.

– Сейчас они потрясены, но уже к вечеру начнут спорить о том, кто вешал штаны и подменял шпаги. – Райнштайнер тщательно прикрыл дверь и уселся у стола. – Хотелось бы верить, что эти молодые люди способны понять, где кошка, а где ее тень.

– Может быть... Только это судилище... Ну зачем ты его затеял? Мы могли расспросить Валентина, а потом надрать уши Арно...

– Если б мы просто доказали, что Придд не мерзавец, враждебность бы уцелела. Люди не любят вспоминать о своих ошибках и редко начинают относиться хорошо к тому, о ком говорили плохо. Сейчас они думают не о своей ошибке, а о возможной встрече с Окделлом. Думают вместе. У них есть общая тайна, они скоро будут вместе воевать. Они станут друзьями, а ты хотел именно этого. Дальше не наше дело, наше с тобой дело – это война. Я вижу, что ты утомлен, но отдыхать не время. Взят Доннервальд.

– Только город или и цитадель?

– Город был взят шестнадцатого, цитадель двумя днями позже.

– Так ты задержался из-за этого? Доннервальд взят, а ты расспрашивал об унарских выходках! И кто ты после этого?!

– Тот же, кем был всегда. Как и ты. Ты слишком порывист и не умеешь убирать из головы то, чем заниматься преждевременно. Мы сможем говорить о Доннервальде со знанием дела, когда вернется разведка. Фок Варзов ждет ее к полуночи и к полуночи же собирает высших офицеров. У нас имелось время. Было разумно потратить его на прояснение вещей, которые в противном случае пришлось бы отложить или до конца кампании, или навсегда, если кто-либо погибнет. Именно поэтому я настоял на том, чтобы разговор состоялся сегодня.

– Постой! – Жермон уставился на бергера как на роту выходцев. – Ты хочешь сказать, что знал про Доннервальд уже в обед?!

– Почему *хочу* сказать? Я это уже сказал.

Глава 6

Южная Гаунау. Талиг. Надоры

400 год К.С. 22-й день Летних Скал

1

Не будь Бергмарк, горная Гаунау по праву считалась бы царством эдельвейсов, но вариты и агмы умудрились не поделить даже цветы – странные земные звездочки, глядящие в глаза близкому небу. Мать про них что-нибудь бы да сочинила, но мать сейчас любовалась шиповником. Если любовалась... О братьях Проэмперадор Севера не тревожился совершенно, но дом в последний месяц вспоминал часто. Валмоны вступили в игру, а где Бертрам, там и дядюшка Гектор, и мать... Втроем старики заменят хорошую армию, только армии имеют обыкновение драться. И нести потери...

– Мой маршал, авангард добрался до перевалов. Полковник Лауэншельд предлагает остановиться на дневку в Таркшайде, чтобы подтянулась артиллерия и обозы. По его словам, это последнее большое поселение по эту сторону границы.

– У вас есть основания этому не верить?

– Нет...

– Мы днюем в Таркшайде. Красивые места, капитан...

Давенпорт тщательно оглядел серебристый от эдельвейсов склон, словно собираясь нанести его на карту. Капитан ждал приказа и готовился оскорбляться и скрывать свои чувства. Из живущих в ожидании обид и подначек выходят разве что полковники, да и те не из лучших.

Савиньяк убрал зрительную трубу.

– Горы, в отличие от людей, неповторимы, – процитировал он кого-то умного, чье имя вылетело из головы, и добавил уже от себя: – Они не боятся, что их не оценят или поцарапают... Свободны.

В должной мере оскорбившийся Давенпорт прищепил безответную лошадь и умчался к Лауэншельду. Лионель вздохнул полной грудью, решил не отказывать себе в удовольствии и тоже пустил Грато галопом. На время марша разумней было определить мориска в обоз и взять себе горную лохматку, но постоянно поступать разумно способен только бергер. Когда не видит гаунау.

Неизбежные разлуки Савиньяк воспринимал с привычным бессердечием, но расставаться с Грато без веских на то причин не собирался, тем более что лошадям стало легче. Требовать от людей и животных невозможного можно и нужно, но лишь в случае необходимости, а промедление больше не было смерти подобно, напротив. Хайнрих желал, чтобы талигойцы очистили Гаунау как можно быстрее. Лионель это понимал и отнюдь не лез из кожи вон, дабы пора-

довать Медвежье Величество. Этого от Проземперадора требовали не только политика, но и здравый смысл. Четыре месяца в походе вовсю давали себя знать – армия была далеко не столь бодра, как при выступлении из Надора. Иссяк после заключения перемирия и азарт, что поддерживал во время «догонялок», которыми было не стыдно похвастать хоть перед Рокэ, хоть перед предками-маршалами.

Пока гаунау висели на плечах, люди держались, сейчас им следовало отдохнуть... И армия отдыхала, делая в день по две хорны вместо пяти и получая восемь часов на сон. Отдыхал и маршал. Собственно, только в дороге Лионель последние лет пять и отдыхал. Когда все, что от тебя зависело, сделано, новое еще не началось и ты слишком мало знаешь, чтобы строить жизнеспособные планы, можно наслаждаться конским бегом и почти свободой. Наслаждаться так, как это еще не удавалось ни одному бездельнику.

Грато радостно несясь пестрым лугом, срезая дорожную петлю, а по узкой дороге ползла артиллерия. Эрмали таки умудрился остаться с прибытком, сохранив легкие трофейные пушки и даже парочку средних... Вторжение в Гаунау было затеей рискованной, очень рискованной. Риск более чем оправдался, жалование армии и то третий месяц «платил» добрый город Альте-Вюнцель, но второй раз затевать подобное, да еще с марша, – нет, не стоит искушать судьбу. Катастрофы в Придде не ожидается, у ноймаров – тем более, так что в Бергмарк можно и задержаться. Привести по-

трепаные полки в порядок, позаботиться о раненых, обсудить с маркграфом дела военные и дела безумные, а потом отправить Айхенвальда с Хейлом к Рудольфу и забыть, что ты справишься с Бруно лучше фок Варзов и лучше самого регента. Коней на переправе не меняют, коней меняют на берегу.

Бьющая в лицо свежесть, стук копыт, зеленеющие склоны, дальние вершины, эдельвейсы и покой... Именно покой, потому что загадывать о будущем, не зная, что творится за перевалами, – глупость, достойная трепетного Давенпорта. Можно отдыхать, можно просто отдыхать, только почему он опять думает о матери? И о том, что все его нынешние удачи и победы не перевесят прошлогодней ошибки. Последней ошибки Сильвестра, за которую в ответе не только покойник, но и они с Рокэ и Рудольфом. Нельзя было покидать кардинала в Оллории. Живого кардинала при живых Манриках...

2

Огурцы Ричард, кажется, возненавидел на всю жизнь. Ранние огурцы, которые лупоглазый чесночник, чьего имени Дикон не знал и знать не желал, пихал в рот тем, кого бил. Можно было послать неумеху к кошкам, но обзаводиться бородой юноша не собирался. Перед дриксенцами должен предстать талигойский герцог, а не опустивший-

ся бродяга. Ричард из последних сил терпел и брадобрея, и красную фасоль с чесноком. Привыкают ко всему. К Лаик, адуанам, кэналлийским разбойникам... Даже к бакранам с их хаблами, грязью и угощением из бараньих глаз привыкнуть можно, только не к плену! Плен можно лишь терпеть, делая вид, что тебе нет дела до убогих и при этом невыносимых унижений.

Рокэ пришлось проще, как и святому Алану, вокруг них была не обнаглевшая солдатня, а настоящие враги. Немного помогал старый сон, в котором Рамиро-Вешатель говорил о том, как просто не замечать королей и как трудно не думать о клопах в твоей постели. Сон оказался вещим, но даже им поделиться было не с кем, а время шло, стирая боль чудовищных открытий. Перебравшийся на северный берег Лукка отряд чего-то или кого-то ждал, а вокруг наливалось земляникой северное лето. Чесночники водили купать коней, валялись на солнце, кто-то приволок в лагерь зайчонка, тот два дня сидел в торбе, на третий обнаглел и принялся скакать между телег. Сбежать косою не пытался, Ричард тоже, но бездействие давалось со все бóльшим трудом. Последнее лето Круга Скал близилось к вершине, и тратить его на плен было преступлением.

– Готово! – возвестил брадобрей и сунул юноше то, что считал полотенцем. – Как огурчик!

Ричард пожал плечами и стер остатки пены.

– Огурец заberi, – хмыкнул цирюльник. – С солью –

милое дело...

Грызть огурцы ни с солью, ни просто так Дикон не собирался, мокрый овощ отправился в канаву, над которой началось что-то желтое. Кажется, калужницы.

– Вот ведь, – долетело сзади, – разбросался!.. надорский.

– И то, – согласился еще какой-то урод. – Гонор не щетина, не сбреешь.

Гонор... Гонор – это в «Острой шпоре», может быть, в Нохе, а в плену либо остаешься рыцарем, либо превращаешься в тряпку. Ричард выбрал первое, хотя осадить чесночников смог бы и Наль. Хуан с его головорезами были посерьезней, держать эту свору на цепи было по силам разве что Ворону. Злоба кэналийцев, пожалуй, могла испугать, фамильярность Роберовых олухов лишь бесила. С охранниками Ричард разговаривал только в случае крайней необходимости, а растянувшееся до невыносимости время коротал, составляя в уме письмо кесарю и выискивая в памяти все, что может пригодиться в будущих войнах.

Прямо из-под ног порскнул позабывший о страхе зайчишка, возившийся с упряжью солдат хохотнул и свистнул в два пальца, словно голубям. Ричард обогнул стоящую под рябинами телегу и выбрался к обрыву. Он любил это место. Внизу плескалась мутная речонка, не удостоившаяся нанесения на лаикские карты. Склон был глинистым, почти отвесным, но в него умудрилось вцепиться облезлое мертвое дерево. Юноша прихлопнул кого-то вроде комара и уселся на теплую

траву. Сбежать от чесночников было легче легкого, и Ричард сбежал бы, не удерживай его здравый смысл – солдаты явно кого-то ждали, а кого они могли ждать, кроме Иноходца? Не то чтоб Дикон горел желанием встречи, разговор предстоял не из легких, но отказаться от него было бы не по-товарищески. Кроме того, Робер мог привести Сону и уж точно не отправил бы сына Эгмонта к союзникам без сапог и оружия. Это если Эпинэ хотел попрощаться, но у него могли быть и иные намерения.

При всех своих недостатках Иноходец оставался внуком Анри-Гийома и другом Альдо, что ему делать в Талиге, даже если его соизволят «простить»? Прислужники Олларов прощают герцога Эпинэ! Повелителя Молний. Человека, прошедшего Ренкваху, Барсовы Врата, Дараму... «Ха!» – как говорил Свин. Даже не смешно.

Эпинэ не мог оставить вцепившуюся в него кузину, кроме того, его заморочили все эти инголсы, но он человек Чести, а месяц – достаточный срок, чтобы одуматься. Сперва Робер не хотел встречи, и Ричард его понимал, потом что-то произошло, и Иноходец отправил вслед Дювье гонца с приказом остановиться и ждать. Будь иначе, они бы уже обогнули ненадежные Надоры, хотя, вернее всего, солдатам изначально велели проводить герцога Окделла до Лукка и присоединиться к ноймарам Эрвина. Во всяком случае, бо́льшая часть обоза осталась на том берегу, Дювье переправил лишь четыре телеги, при которых был десяток человек. Судя

по всему, из родового замка Эпинэ... Робер им верит больше, чем другим, хотя из нынешних южан хороших солдат не выйдет. Нынешние южане либо разбойники вроде кэналлийцев и адуанов, либо забывшие свое место бездельники. Много б они навоевали, даже с Робером, без Люра и без сюзерена! Хотя мысль отделиться от Олларов была здоровой. Не для Внутренней Эпинэ, разумеется, там это дело безнадежное, а вот Надор... Королевство Надорэа, союзное Дриксен, Гаунау и Кадане, защищенное Лукком, Ренквахой и силой Скал, – это посерьезней выдумок Карваля! Северный союз заставит с собой считаться не только захромавший Талиг, но и Гайифу, а Щит Скал вынудит варитов признать первенство Надорэа.

Если ноймары и бергеры окажутся достаточно умны, они встанут на нужную сторону, нет – что ж, тем хуже для них. Впрочем, говорить с северянами следует, лишь завладев Щитом, не раньше, и говорить лучше всего с Эрвином, он человек неглупый и верный, а псы Лита должны служить его потомкам...

– Вот он! – долетело сбоку. – На бережку! Эй, не сверзись там...

Дик уже привычно не ответил. Объявится Иноходец, пусть со своими красавцами и разговаривает... Хотя представлять перед кесарем с подобным эскортом неприлично, хорошо хоть не все дриксенцы понимают талиг.

До Бергмарк, несись они так же, как носились до перемирия, талигойцы добрались бы меньше чем за три недели, но сейчас на пятки никто не наступал, да и хозяева предпочитали, чтобы гости двигались одной колонной, не растягиваясь на ходу и не удивляя местные власти внезапными появлениями.

В попадавшихся на пути городах и городках о приближении чужой армии предупреждали заблаговременно, дня за два-три. Гаунау, в соответствии с полученным приказом, готовились ее принять, обеспечить чем нужно и, с благодарностью поминая короля и высшие силы, выпроводить. Со своей стороны, Савиньяк ручался за приличное поведение своих солдат и слово держал. Чарльз хорошо помнил восьмерых, повешенных в начале марша. Одного из них, драгуна, лихо дравшегося у Ор-Гаролис и избившего не пожелавшего отдать приглянувшееся седло шорника, Давенпорт узнал и смолчал, а мародер... Мародер насвистывал, а потом пожелал товарищам не менять раньше времени одного Савиньяка на всех закатных тварей и сам надел себе на шею петлю...

Мимо прошла вся армия, урок был усвоен, чему немало способствовали взгляды, которыми местные провожали больше не снимавшего родовых цветов командующего. Солдатам льстило, что их маршала держат за Леворукого, хотя

это добавляло не только уверенности, но и страха. Вот Хейла, того просто любили... А гаунау любили своего Хайнриха. И боялись.

Чарльз видел медвежьего короля трижды. Этого хватило, чтобы убедиться: враг ему нравится больше собственного начальства. Признаваться в подобном открытии не тянуло, и Давенпорт сосредоточился на Лауэншельде, благо Реддинг, которому следовало заботиться о сопровождающих армию гаунаских офицерах, этим откровенно тяготился. Чарльз «фульгата» понимал: сухость к дружескому общению не располагает. Нет, гаунау не дичились, не смотрели на талигойцев зверем, хотя в присутствии бергеров и напрягались – бергеры, впрочем, тоже, – но медведь с кошкой может говорить лишь о делах, а дела улаживались быстро. В конце концов Лауэншельда предоставили Чарльзу. Сперва по молчаливому уговору, потом маршал заметил, что это поручение проходит по разряду особых и потому является прямой обязанностью капитана Давенпорта. Чарльз как-то сдержался, а гаунау общество младшего по званию, похоже, устраивало. Любезней полковник не стал, но молчать неделями, путешествуя бок о бок, трудно. Они стали говорить. Обо всем, но больше о войне. Про дриков – кто был вполне себе, а кто – удрал, открыв фланг союзников. Про обход у Гемутлих и отбитые дриксенские пушки: «они теперь уже наш трофей, Фридрих потерял – мы нашли»... Про то, как король оставил уже двинувшуюся армию. Все вышло стремительно, а

потом они смотрели на исчезнувший под обломками проход, в котором навсегда скрылись разведчики, и пытались прятать страх в шутках. Немудреных солдатских шутках о жизни и смерти, о том, что родные горы съели слишком прятких чужаков, а чужаки, уходя от рычащего завала, тоже прятали страх и тоже пытались смеяться и не думать о тех, кто только что шагал рядом и кого слизнули обвалы. Лауэншельд признался, что ему было не по себе, в ответ Чарльз рассказал об орущих над обреченными гнездами птицах и бегущем зверье.

Подобная болтовня ни к чему не обязывала, но чужое становилось менее чужим. Гаунау тоже чувствовали нечто подобное.

– Это не самая трудная миссия, с которой я выезжал, – признался третьего дня полковник, – и не самая невыносимая. Избавление от вредоносного родственника – большая услуга, и ваш маршал оказал эту услугу моему королю.

Здесь уже начиналась дипломатия, и Давенпорт не ответил. Лауэншельд понял, и понял правильно.

– Я не считаю нужным гладить ежа, – объяснил он. – Вы знаете мнение своего начальника о военных талантах уже, к счастью, не нашего командующего. Вы наблюдали и сами таланты. После этого не назвать Фридриха безмозглым гуском – значит оскорбить себя. Мы не хотим считать его поражения своими. Мы воюем достойно.

Это следовало подтвердить, и Чарльз подтвердил, умол-

чав, что после Ор-Гаролис Савиньяк сделал ставку именно на раздрай в стане противника. И это сработало у Альте-Вюнцель, где маршал дал на спешно укрепленных позициях «правильное» оборонительное сражение. Офицеры свиты бились об заклад, когда в штабе Фридриха после неудачных первых атак вспыхнут ссоры, Савиньяк свитских, само собой, не слушал. Он выбрал время для контратаки по своему собственному разумению и ударил в стык между дриксами и гаунау, стараясь вбить клин между союзниками как можно глубже. Яростные атаки Хейла заставили дриксов удирать со всех ног, оторвавшись от гаунау, чем талигойцы и воспользовались. Удар по обнажившемуся флангу стоил «бурым» ощутимых потерь и по сути решил судьбу сражения.

– Вы очень любезны в своем молчании. – В голосе полковника слышалась едва заметная насмешка. – Но сейчас ваши воспоминания вряд ли расстроят меня сильнее, чем мои собственные глаза – тогда.

– Принц Фридрих оказал Талигу большую услугу, – повторил Чарльз обросшую за время похода бородой шутку. – Нам его очень не хватает.

– Принц Фридрих ныне способствует успехам талигойского оружия в Дриксен. Насколько, по вашему мнению, вероятно, что Бергмарк присоединится к перемирию?

– Трудно сказать...

Айхенвальд не желает воевать до конца года, и Вайспферт

тоже. Маркграф, конечно, человек просвещенный, но он живет в горах, имеющих собственное мнение, и правит людьми, которые верят старым сказкам. Горы хотят тишины, хотят птичьих криков и шороха ветвей, а не выстрелов. Не надо их злить, они и так раздражены до предела...

– Похоже, вам в самом деле трудно говорить. По крайней мере, когда у вас нет приказа и вам ничего не снится. К нам направляются ваши закатные коты и мой офицер. Это может оказаться важным.

«Фульгаты» вежливо придержали коней, пропуская вперед гаунау в запыленном мундире. Приехавший был одних лет с Чарльзом и достаточно любопытен, чтоб во все глаза разглядывать талигойцев, пока Лауэншельд вскрывал доставленный пакет. Надо будет угостить гонца обедом, хотя кто кого здесь угощает, решить трудно. Полковник аккуратно сложил письмо.

– Его величество прибывает в Таркшайде лично, – возвестил он. – Я имею честь передать вашему командующему и его свите приглашение на прощальный ужин.

Глава 7

Дриксен. Эйнрехт. Талиг. Тарма 400 год К.С. 23-й день Летних Скал

1

В Фельсенбурге в любой миг могла распахнуться любая дверь, являя счастливую или встревоженную маму, глазастых сестриц, Михаэля, вечно готового разреваться и умчаться за защитой, которая не замедлила бы нагряться... Когда при малейшей неосторожности получаешь полный бортовой укоров и расспросов, учишься владеть собой и ждать. Чтобы не сорваться при тех, от кого скрывать нечего, нужно стать кошкой. Равнодушной раскосой тварью, которая если не охотится и не ест, то спит. Руппи пытался, но кошка из него была не лучше, чем из гончих дядюшки Мартина. Нетерпение и тревога росли и крепили, а вестей из Метхенберг все не было. Как и дел. Все, что от него требовалось, лейтенант с помощью старого Файермана уже провернул. Купил оружие, торговал лошадей, договорился с продавцом о временной конюшне, смотался в Мундирное предместье, осмотрел постоялый двор, где предполагалось разместить моряков, покрутился поблизости, ничего подозри-

тельного не обнаружил, заплатил хозяину за месяц вперед и полез на стену. В милом и добром доме среди милых и добрых людей, уверенных, что встревоженных лейтенантов нужно прежде всего кормить. Фасолевым супом с окороком. Шпигованной свининой. Фаршированной грибами курицей. Телячьей печенкой. Тушеной цветной капустой, клецками, творожными запеканками, вишневыми пирогами и снова супом... Как ни странно, это помогало... на время.

Руппи поглощал стряпню Габи – облюбованная бухта тоже звалась Габи, Щербатая Габи, и это что-то да означало! – благодарил, чинно усаживался с книгой в кресле и через пять минут оказывался у окна, за которым не происходило ничего. С Вечерним колоколом из лавки возвращался мастер Мартин, пил с гостем То-Самое-Вино из Тех-Самых-Кубков и делился новостями. Преимущественно гадкими. Сплетни об Олафе добрались до предместий. В кесарских казармах водворилась гвардия Фридриха. Ощипанные в Кадане вояки жаждут отыгаться хоть на воронах. Регент собирает распущенные Готфридом полки. Зануда Гельбебакке смещен, комендантом Эйнрехта стал фок Ило. В своей постели неожиданно скончался шаутбенахт Мезериц. Якобы несварение. Якобы накануне к Мезерицу приходил темноволосый и светлоглазый молодой человек. Якобы они пили кэналлийское, принесенное гостем... Якобы шаутбенахт отказался лжесвидетельствовать в пользу Кальдмеера. Якобы, якобы, якобы... – Габи!.. Где эта дурища?! Куда она задевала Тот-Са-

мый-Кошель?!

– Да вы ж его брали... Как есть брали...

– Тогда где он? Где, я спрашиваю?! Ничего не найдешь... Создатель и все его курицы, это не дом, это трясина! Зыбучий песок!..

– Мастер Март...

– Кыш! Сам найду!

Старый оружейник ввалился в гостиную и встал посреди комнаты, глядя на лицемерно схватившегося за книгу Руппи. Мастер Мартин мог в самом деле потерять кошелек, платок, часы, спутать башмаки, поругаться с соседом, но Руппи понял – началось. И поднялся, словно ему предстоял доклад.

– Суд начнется девятого. – Оружейник залез в карман, что-то вытащил, бросил около кресла и подмигнул. – Ничего, успеете. Привет вам от Зиглинды. Рыжий такой привет, малость кривой...

– Зюсс!

– Зачем мне знать, как зовут покупателя. Купил Те-Самые-Ольстры, расплатился, и до свиданья. Какое мне дело, что он к Святому Людвигу на послеобеденную службу наладился... Габи!

– Да нет его нигде... Может, в лавке обронули?

– Сдурела? Чтобы я уронил и не заметил! Ищи! Хорошенько ищи... В зале глянь.

– Как скажете...

– Габи! Вина! Того-Самого.

– Так кошелек же...

– Подождет твой кошелек! Такое дело, господин Фельсенбург. Где раки, а где и жабы... Кто-то вспомнил, что дура Барбара адмиралу твоему хоть и бывшая, а родня. Приходили, спрашивали, где она да что... Капрала нашего я знаю, малый он славный, хоть и невеликого ума, это он про суд проболтался, но был с ним хорь из комендантских. Я, само собой, все как есть рассказал. И про Барбару, и про Штефана, и про то, что внучка первенца рождает... Хорек записал, а потом давай про молодца со светлыми глазами вроде как выпрашивать, а на самом деле – воду мутить... Про убийства, про поджог...

– Не первый раз, мастер Мартин.

– Не первый... Суп они из лопаты варят. Вот и пихают в варево все, что в голову взбредет. Еще приставят к дому топтуна. Не для дела, для отбреха... Сейчас чисто вроде. Разливай!

– Я все равно со своими останусь. Моряки на суше – это... непросто. Тем более что кабак за стенкой. Спасибо вам, мастер Мартин. Если б не вы...

– Не я, другой нашелся бы... Олаф – дельный человек, не может такого быть, чтоб никто ему плеча не подставил. За удачу!

– За удачу! Мастер...

– Знаю, что мастер. Хотел и сделал. Габии!..

– Мы тоже хотим. И сделаем...

– Кто б сомневался! Уходите черным ходом. Быстро уходите да с оглядкой. На задворках чужого сразу заметишь, да и не полезет чужой туда – собаки. Краб ваш со всем, что положено, на Той-Самой-Конюшне будет. Габи!.. Каким ты местом смотрела?! Это что? Вот это?! За креслом...

– Ой! Так не было же там ничего...

– Не было?! Ах ты ж!..

Руппи не мешкал, в чем был, в том и вышел. Стиснутая высокими заборами щель просматривалась насквозь, и в ней никто не караулил. Разомлевшие псы помалкивали, высунутыми языками висело подсыхающее белье. Тихо, жарко и... грустно. Одни разлуки дарят весну, другие кормят осень. Эта разлука не дарила, а отбирала, скорее всего навсегда. Потому Руппи, не сделав даже десятка шагов, и бросился назад, хоть это была дурная примета. До отвращения дурная.

Старый оружейник поднял бровь, на мгновенье напомнив регента Талига. Наваждение разрушил достойный боцмана кулак, с грохотом опустившийся на столешницу. Хорошо хоть не захлопали крыльями фазаны с Того-Самого-Кубка. Руппи хмыкнул совершенно нелепым и неприличным образом, и тут в груди что-то кольнуло, знакомо и гадостно.

– Мастер Мартин, – твердо сказал лейтенант. – Вы должны покинуть Эйнрехт. И... если у вас есть друзья, заставьте их тоже уехать.

– Вы собираетесь нас всех поджарить?..

– Не мы... Мастер Мартин, вы *должны* уехать. Понимае-

2

Ночной разговор у командующего незаметно перешел в лагерную беготню. О том, что он не завтракал, Жермон вспомнил только в обед, когда нарвался на караулящего кого-то Арно. Теньент был при всем параде, каковой включал и шляпу, вот тут командующий авангардом и вспомнил, что не ел, а вспомнить — значит проголодаться. Раздумья о том, где лучше перекусить, у Лецке или у Баваара, вышли короткими все из-за того же Савиньяка.

— Мой генерал! — лихо отпарентовал тот. — Разрешите...

Жермон разрешил. Оказалось, Арно рвется в дело. Желательно немедленно и всего лучше в разведку. Это требовало внушения, но читать нотации Ариго не умел, а рявкать на сына маршала Арно не выходило.

— Выступим — буду гонять тебя к Баваару. Ты с ним знаком, если не ошибаюсь?

— Да, мой генерал. — Паршивец стал краток, и Жермон понимал почему. Пребывая в «глубочайшем равнодушии» к Придду, умный Арно принялся искать мышей по всем норах, завязав среди прочего знакомство с вернувшимися от Печального Языка земляками. Те с готовностью поведали пусть и младшему, но Савиньяку о боях на переправе, не забыв и о выходках «Заразы», в чем особенно усердствовал

Баваар со своими молодцами.

– Ладно, – сменил гнев на милость Ариго. – Ты обедал?

– Нет...

– Тогда пошли к Лецке!

– Господина генерала к командующему! – Маршальский порученец выскочил, словно разрисованный розанами котяра из шкатулки-шутки, доложил, моргнул красными глазами и помчался дальше.

Арно проследил за исчезающим офицером и повернулся к начальству. На языке у «разведчика» явно что-то вертелось.

– Ну?

– Мой генерал... С час назад к резиденции маршала подъехали всадники из полка Гаузера. Я узнал младшего Оттажа... Они, если вы помните, наши соседи по Сэ. К началу кампании Жорж состоял при коменданте Мариенбурга. Сегодня я с ним не разговаривал, но если он все там же и если вас срочно вызывают...

– Молодец, соображаешь! – Когда эту башку не туманит предвзятость, она подтверждает, что ее владелец – Савиньяк. Пусть и младший. – Что ж, обедать тебе за двоих. Леворукый, так и знал, одной «радостью» из Доннервальда не обойдется...

Вызова и, скорее всего, рейда к Хербсте Жермон начал ждать, едва покинув маршальский кабинет, потому и носился по лагерю, будто посоленный, но про Мариенбург как-то не вспоминалось, и если Бруно, ежа б ему под подушку,

опять начитался Павсания...

– Командующий ждет, – хрипло сообщил дежурный адъютант.

– Знаю.

Ариго не удивился б, увидев старика больным и невыспавшимся, но Вольфганг за ночь умудрился помолодеть. Врачам бы такое вряд ли понравилось...

– Садись! – велел маршал. – Спал?

– Спал. – Он в самом деле урвал часа три, больше не выходило, нужно было проверить все, что только можно. Жермон придирался, как сам Ульрих-Бертольд, но корпус не подкачал.

– А хоть бы и не спал. – Фок Варзов опирался руками о стол, на котором красовался привычный пейзаж – бумаги, карты, яблоки. Походный уют... Для одиноких вояк самое то. – Райнштайнер говорит, ты совершенно здоров. Не врет?

– Я в полном, абсолютно полном порядке. Готов отправляться хоть на Эйрехт.

– Рановато нам на Эйрехт... Но отправишься ты далеко и, что важнее, быстро. Маллэ прибавил нам забот. – Вольфганг потряс распечатанным письмом. – Вернее, «гуси» прибавили. Неделю назад атаковали Ойленфурт с его переправой. И с того берега, и с нашего, эти от Языка твоего заявились. Взять барьер с ходу не взяли, что там сейчас – неизвестно. Маллэ докладывает о пятнадцати тысячах, но оговаривается, что «предположительно».

Жермон самым бесцеремонным образом присвистнул. Фок Варзов в ответ фыркнул и вгрызся в яблоко, давая время переварить очередной сюрприз. Дриксы множились, как лягушки по весне. Не менее шестидесяти тысяч с Бруно, гарнизоны по всему северному берегу и дальше, на границе... Кто-то должен стоять и в Печальном Языке, а теперь еще пятнадцать тысяч! Откуда, Леворукий их поberi, и кто такие?!

– Фельдмаршал рискнул согнать к Ойленфурту всех, кто оставался за рекой?

– Как бы не хуже! Боюсь, кесарь наплевал на стоны негодянов и оголил побережье. Метхенберг и Ротфогель Альмейда без приличного десанта не возьмет, а остальное решили не защищать. Если так, «гусей» хватит и на Мариенбург, и на переправы, и на генеральное сражение. Это и нужно проверить. Со дня на день Бруно займется уже нами, и мне нужно – *нужно!* – видеть, какое у меня поле для маневра.

– Значит, прогуляюсь. – Малыш Арно догадался правильно, хотя тут догадаешься! – До Мариенбурга.

– Возьмешь только кавалерию, важна скорость. Твое дело – не просто сосчитать дриков, но и разобраться, что они затевают. Готовятся взять нас в клещи? Будут сидеть на месте? Повернут в глубь Марагоны? Я стану тянуть время, не давая Бруно решительных сражений, и хочу знать, что творится у меня на западе. Нового сюрприза нам не нужно.

Нам-то не нужно, только старого быка поди разгадай!

– Я забираю все конные полки авангарда?

– Да. У тебя будет три тысячи. Должно хватить.

– Кто командует у дриков, неизвестно?

– Нет. Это ты у нас «гусей» насквозь видишь, тебе и карты в руки. Посыльных гони, как только узнаешь хоть что-то. Мне каждая мелочь важна.

– Будете таскать Бруно от Доннервальда до Языка и обратно? – Ну и чего вылез? Показать, что ты такой умный? Так ведь не тенъент. Давно уже... – Я никого насквозь не вижу – ни «гусей», ни тем более вас, но с докладом Маллэ разберусь.

Варзов повертел в руках огрызок и аккуратно присоединил к собратьям.

– Разбирайся. А мы будем изматывать господина фельд-маршала. Он настроен решительно, ну да посмотрим... Всё. Иди готовься.

– Мы выступим вечером.

Вольфганг немного подумал и кивнул. Нет, он решительно помолодел!

– Считаешь, что готов, – выступай. Юнцы наши как, всё шипят друг на друга?

– Не видел. Арно просится в разведку.

– Обойдется. Савиньяка на цепи удержит только Леворукый, но ты попробуй... Ради графини. Приказ для Маллэ тебе подготовят, перед выходом заберешь. Тогда и выпьем. На дорожку.

Когда Жермон выходил, маршал смотрел на карту и жевал яблоко.

3

В церкви как раз закончилась служба, и Руппи похвалил себя за точный расчет времени. Вереница прихожан неспешно тянулась из главных дверей – отдав должное Создателю, люди возвращались к насущным делам. Красивая полная горожанка с еще худенькой белокурой дочкой, трое почтенных негоциантов, остроносая ведьма с четками... Смотрит так, будто хочет зажарить в Закате весь мир, а не весь, так хотя бы хорошенькую служанку и увивающихся за ней подмастерьев... От бабы несло такой злобой, что Руппи невольно отступил на шаг, на шаривая рукой несуществующий эфес, споткнулся и увидел тех, кого ждал. В добротной городской одежде их можно было принять то ли за небедствующих мастеровых, то ли за торговых из тех, что помельче. Наследника Фельсенбургов они не замечали и замечать не собирались. Руппи старательно почесал переносицу и взял курс на ближайший кабачок, даже не думая оборачиваться на, без сомнения, ощутившего внезапную жажду Зюсса.

В кабачке под ноги сунулось что-то меховое. Почти привыкший к кошачьему обожанию лейтенант отодвинул надоеду, спросил темного и уселся в углу. К пиву он тоже начал привыкать, чему немало способствовала рухнувшая на

Эйнрехт жара. Кружка показывала дно, когда хозяина с его бочонками заслонило знакомое плечо.

– Наконец-то! Я думал, вы дня три назад будете.

– Так, госп... Ротгер, мы ж понадежней хотим, чтоб без ерунды какой. С обозом рыбным пришли, все чин по чину, никто и не глянул. Это Карл договаривался, и приятелю его, рыбнику, на охрану не тратиться, и нам удобно. На «селед-киных складах» переоделись – и сразу по вашу душу.

– Допивай и пошли. Поговорим на постоялом дворе. Место надежное.

– Если не наерундим. Вы допивайте, я еще малехо посижу. Наш старший вас догонит, однорукий который, ему сразу город подавай смотреть. А я допью, шепну своим пару слов и в Метхенберг, за остальными. Скажите только, куда ребят гнать?

– На «Суконку»... К суконным складам в Мундирном предместье. Постоялый двор «Жаба в мундире» у кесарской мануфактуры. Хозяину скажете, что от мастера Ротгера, он даст ключ. На задах, рядом с конюшней, у него есть пристройка. В ярмарку туда набиваются кто попроще, лишь бы ночь под крышей и спать не на голой земле. Стóбит недорого, зато влезает столько, что хозяин не в убытке. Сейчас там пусто, я за месяц вперед заплатил. Ночлег и кормежка... Да, хозяина зовут Олаф, такое вот совпадение.

– Это к удаче! Наш старший Грольше прозывается. Он из абордажников, даром что без клешни, других без обеих оста-

вит. С ним пока четверо, всем хороши, только зовут, спятить можно: Вердер, Польшер, Гульдер и на закуску Штуба. Ну, бывайте...

– И ты бывай.

Спокойно. Не бежим. Дымная улица, Узкая, поворот, спуск к Эйне. Постоять на бережку, побездельничать, камушки покидать. Разгар лета, светло, зелено, птичек, правда, в городе не слышать, это тебе не Фельсенбург, но все равно неплохо.

– Дозвольте спросить, сударь, это что? На том берегу за мостом. Торчит которое...

– Торквиниусклостер.

– Жуть! – припечатал Грольше.

Широкоплечий, с рубленным лицом уроженца северных баронств, он казался – нет, не толстым, но поджарости пребывающего в постоянном движении волка тоже не наблюдалось. Отошел от дел? Опять же рука...

– Чего валандаться, сударь, давайте прогуляемся, городишко поглядим. Место новое, тут я еще не... не бывал, короче. А ребята пусть обустраиваются. Штуба у нас по интендантской части дока. Точно говорю.

– Идем, – сдержал неуместное воодушевление Руппи. – Начнем с ратуши, там поблизости перекусим и дальше... Зюсс говорит, ты из абордажников?

– Бывший боцманмат абордажной команды фрегата его величества «Зимний гром», полтора десятка лет под паруса-

ми. Потом вот, нарвался... Жилы так порезаны, что лекаря ничего поделать не смогли. Пятый год на приколе.

– Где ж так не повезло?

– В Полночном. Пиратов гоняли, за Флавион забрались. Каданцы всегда любили караваны пощипать...

Каданцы... Зепп тоже гонял пиратов, пока не подфартило попасть на Западный флот, да еще на флагман. «Подфартило»... Именно так он говорил. Все офицеры «Ноордкроне» считали себя счастливыми... Все!

– Каданские «выдры» на пакости горазды. Мой друг ходил там же, рассказывал.

– Так дело их такое, разбойничье. Корабли мелкие, пушек мало, только и остается, что хитростью да нахальством. Друг ваш, прошу прощенья, не внук Йозева?

– Он...

– Да замолвит за него словечко Торстен... А вот господин адмирал – уже наше дело. Меня ж не просто так выкинули, а списали с пенсионом. Капитан постарался, Пауль Бюнц... Сразу не вышло, завернули в столичных канцеляриях, так он через братца своего, а тот – к адмиралу цур зее... В общем, сударь, не сомневайтесь, за Ледяного я – хоть и красивый он, этот ваш городишко, – все тут на рога поставлю... Точно говорю!

– А тебе в городе драться приходилось? Не у кабака, а всерьез?

– Ну, драться-то дело нехитрое, тут другое, сударь... Вы ж

небось тоже понимаете. Как подкрасться, как уйти... Люди опять же. На палубе либо свои, либо чужие, а тут ведь народ будет, зеваки всякие. Мы ж не кошки мариьярские, чтоб всех подряд...

Все дальше от реки, все больше народу на улицах, день идет к концу, горожане от дневных трудов переходят к вечерним радостям, у кого какие есть. Чаше попадаются шумные компании, больше крика, гомона, брани... И чего делят? Вот уж точно: в Липовом парке рычат, на Суконной – кусаются. С таким регентом вечером не знаешь, с чем утром проснешься, а неизвестности никто не любит, вот и дергаются.

– Время не раннее, сударь.

– Что?

– Говорю, перекусить бы, а то к вечеру трактирщики восемь шкур драть начнут.

– Забудь. Не про «перекусить», про деньги. Сделаем кружок – и на Пивную. Перехватим свиных колбасок. Смотри внимательно, если решат... устроить все на Ратушной, этот перекресток не объехать.

– Понял. Щелка-то эта куда ведет?

– Не «щелка», а Собачья Щель, переулок такой. Ведет к Пивной, а Пивная – к ратуше. Там дома прежних отцов города, им лет по триста... Людвиг Гордый поклялся их не трогать, вот и не трогают.

– А знаете, сударь, местечко-то славное. У нас может кое-что получиться... Ребята подъедут крепкие, с ними – вый-

дет. Точно говорю. Давайте-ка еще разок прошвырнемся вот до того «утюга»... А потом уж по колбаскам!

Колбаски... Что-то в них есть, в этих колбасках. В Зюссеколь он их так и не попробовал... Зюссеколь, Рихард с Максимилианом, капитан Роткопф... Вряд ли их задержали в столице, не было нужды. Сняли показания и выставили назад, в армию. Теперь эти показания сгорели, но такие свидетели Фридриху без надобности, а вот Бруно знает о покушении из первых рук и преспокойно воюет. Суд над оружейником принца не касается!

– Сударь, что такое?

– Вспомнилось тут... про колбаски. Так чем тебе нравится этот переулочек, боцманмат?

– Своей шириной, сударь, и крышами.

Глава 8

Гаунау. Таркшайде. ТАЛИГ. Оллария 400 год К.С. 24-й день Летних Скал

1

Надевая коричневое с золотом, Хайнрих, может, и соби-
рался походить на медведя, но походил на роскошный осен-
ний дуб. Такие Лионель видел у алатской границы и еще, по-
жалуй, не доезжая Кольца Эрнани со стороны Придды.

– Не знаю, чем думали ваши предки, выбирая себе герб! –
поморщился «дуб», в свою очередь тщательно осмотрев
Проэмперадора Севера. – Олень... Фи! Дичь... Вы в Тарк-
шайде больший гость, чем я. Прошу садиться.

– Лучше не соответствовать гербу, чем должности, –
усмехнулся Лионель и понял, что отодвигает тяжеленный
стул левой. Леворукость начинала входить в привычку, са-
мое время убираться.

– У меня выбора между гербом и собой нет. – Хайнрих с
видимым удовольствием вытянул ноги к холодному по слу-
чаю лета очагу. – Я медведь со всех сторон. Вас удивило мое
появление?

– Разве что тактически, но это естественное последствие,

если можно так выразиться, удивления стратегического. Вы предлагаете крайне странное перемирие, а после его заключения неожиданно догоняете меня на границе с небольшим эскортом. Но король Гаунау не склонен к легкомыслию; раз он счел нужным оставить столицу и лично проследить за уходом талигойской армии, значит, у него имеются серьезные резоны.

– Ваши курьеры вернулись из Бергмарк вместе с бергерским генералом. Что из сообщенного им не является секретом?

– Командующий гарнизоном Ветровой Гривы подтверждает, что бои на перевале уже почти месяц как прекратились. Маркграф получил мое письмо и прислал свои распоряжения. Бергмарк к приему армии готов. Собственно говоря, большая ее часть уже на той стороне.

– Будет уместно, если посланец маркграфа в вашем присутствии подтвердит, что агмы до конца года не станут резать моих убравших оружие подданных.

– Да, это будет уместно. Особенно если они услышат ответное заверение.

– А куда они денутся? Через неделю вы обсудите с маркграфом все, начиная с войны и политики и заканчивая варварскими поверьями, которые, как выясняется, напрямую влияют и на войну, и на политику. Сейчас вы к нужному мне разговору с агмом не готовы. Это и есть одна из причин, по которым мне пришлось провертеть в поясе новую дыру. Мой

конь радуется, мой лекарь утверждает, что это полезно, но я не согласен: жир еще ни одного медведя не уморил.

– Я не обнаружил в вашем величестве вызывающих опасения перемен.

– Вы обнаружите их в другом месте. У нас будет серьезная беседа под бокал хорошего вина, а потом тяжелая ночь среди наших людей. Мы должны пить и шутить вместе с ними, иначе поход оставит дурной осадок, а его быть не должно, ведь мы честно победили. Вы уходите – это моя победа. Я вас отпускаю – это победа ваша.

О да, шутить Хайнрих умел. Любезное предложение проследовать в Ноймаринен Прозэмперадор Севера оценил по достоинству: общей границы у гаунау с ноймарами не имелось, и подобный марш означал вторжение в кесарию. «Медведю» было интересно понаблюдать, что из этого выйдет; «олень» счел, что всякого риска хорошо в меру.

– Конечно, мы заслужили веселье. Двое победителей и один ускокавший в Эйрехт побежденный... – Савиньяк пригубил бокал. Король вряд ли лукавил, называя вино хорошим, просто он равнял хорошее со сладким. – За выбор, который всегда остается. Даже когда его нет.

2

На письме регента восседал Клемент. Как его крысейшество отыскивает среди разложенных на столе бумаг самую

важную, Робер не понимал, но Клемент безошибочно устранился только на ней. Порой Иноходцу казалось, что крыс ухмыляется, а кокетничать и дуться хвостonosец умел лучше любой красотки.

– Ну и сиди! – отмахнулся успевший с утра просмотреть послание Эпинэ. – Безобразник эдакий! Кто съел отчет Карваля? Графиня?

Безобразник потерял усы и занялся хвостом, всем своим видом показывая, что он не доносчик. Робер плюхнулся в кресло и ухватил ближайший футляр. Возиться с бумагами у Капуль-Гизайлей Проэмперадор Оллари не мог, хоть и пытался. Он винил музыку, доносящиеся из кухни умопомрачительные запахи, собачью возню, а дело было в Марианне. Думать о ком-то, когда она за стеной и можно войти, что-то сказать, взять за руку...

Разочарованный Клемент со сварливым шуршанием покинул документ и полез на плечо. Эпинэ не глядя тронул ставшую совсем белой шкурку, пробежал первые строки и присвистнул. Чего-чего, а послания Валме он не ждал, не в таких они с виконтом были отношениях. Бывший граф Ченизу придерживался схожего мнения.

«Мой дорогой Эпинэ, мы (к счастью для нас обоих) не связаны ни дружескими, ни деловыми узами, но я не сомневаюсь, что в известном Вам доме Вас приучили к обращению «мой дорогой», а от прочих обращений за хорну веет либо геренцией, либо таверной. Итак, мой

дорогой Эпинэ, я пишу Вам из Черной Алати, но моя, и не только моя, дорога лежит на восток. В края козлов, орлов и недоразумений.

Не сочтите за двусмысленность, но писать Вам много легче, чем некоторым дамам. Не исключая, что это прискорбное для меня обстоятельство и делает мою эпистолу столь нелепой. Водя пером по бумаге, я надеюсь, что это поможет мне найти слова для иных адресатов, прекрасных и нежных. Увы, грубость походных буден оказывается сильнее. Единственное, на что меняхватило, – это на рондо, которое в равной степени принадлежит Вам, барону, Готти и прелестнейшей из дам Оллариш. Заметьте, сколь тонко я, не греша против истины, усыпляю Вашу ревность, одновременно преклоняя колено пред теми, кого имел счастье встретить в иных краях.

Сверкает Розжа. Золото со злостью
Влекут всегда. Опасен зыбкий мостик
Меж нынешней непрошеной войной
И полной снов и бреда стариной,
Что может стать клинок сокрывшей тростью,

А может, раздробив невеждам кости,
Обрушиться предсказанной бедой,
Что дрогнувшие назовут судьбой.
Сверкает Розжа...

Вы, кажется, в плену терзаний? Бросьте!
Уныние в лохмотьях и коросте —
Дурной союзник и судья дурной.

*Жизнь – это бал! Пора б взглянуть, друг мой,
Какие демоны к нам напросились в гости.
Сверкает Рожка...*

Особо прошу отметить честность, с которой я избежал столь опасных для поэта ловушек. Искушение для сохранения размера именовать известный Вам предмет «златая Рожка» (а также «гальтарска», «противна», «старинна», «зловеща» и пр.) было мной хоть с трудом, но преодолено. Не думаю, что Вы оцените мою победу по достоинству, но главное не восхваления, а уверенность, что ты не сыграл в поддавки, ведь, играя в поддавки, мы проигрываем себя. Однако вернемся к Рожке. Барон называет ее Ликом Полночи и Полудня и утверждает, что она имеет Закатно-Рассветную пару. Если таковая всплывет в Оллариш, купите ее Коко от моего имени и не забудьте отписать об этом моему родителю – и еще большие не забудьте получить с него деньги.

Что до самой Рожки, то ее падение знаменует нечто дурное. В ту малоприятную ночь, когда мы его с Вами наблюдали, погиб Надор. Следующий раз Рожка сочла уместным свалиться в день смерти коня и, видимо, все-таки человека. На первый взгляд эти события трудно уравнивать, значит, мы чего-то либо не заметили, либо не поняли. В любом случае будьте осторожны, избегайте старых клятв – любых! – возьмите у ваших солдат урок суеверий и приглядывайте за прикормленной Коко философствующей саранчой.

Если господа матерьялисты начнут вести себя несообразно, предоставьте их Готти, а того лучше – пристрелите на месте. Беда нашего времени – не драконы, но ызарги, а по словам богоугоднейшего из известных мне пастырей, лелеющий ызаргов подобен сразу отравителю и клеветнику. Когда-нибудь я напишу об этом рондель, но пока я недостаточно вдохновлен и возвышен, а посему прощаюсь и иду чистить коня, как и пристало варастьискому адуану.

Да хранят Вас Любовь и Готти!

Расположенный к Вам и всему миру, за исключением того, что должно быть исключено, вновь виконт Валме, все еще граф Ченизу и всегда офицер для особых поручений при особе Первого маршала Талига».

Робер перечитал стихи и засмеялся. Само собой, он немедленно пойдет и проверит рожу, собак и философов. Этого письма ему и не хватало, чтобы понять: Марианна в самом деле его, и только его, а с тайнами и недомолвками пора заканчивать. Второе письмо, вернее записку, Эпинэ едва не оставил до лучших времен в футляре, но все-таки развернул. Она была более чем короткой.

«Герцог Эпинэ. Сим подтверждаю Ваше маршальское звание и назначаю Вас Прозэмперадором Оллариш со дня моего вступления в должность регента согласно законам Талига.

Рокэ Алва. Утро 1-го дня Летних Скал. Замок Лагаши».

Расставшийся с полковым мундиром Хайнрих выглядел как истинный король, и Чарльз внезапно подумал про Фердинанда, всеми забытого и сброшенного со счетов. По заслугам – не будь король таким тюфяком, вожжи не пришлось бы раз за разом перехватывать, и все равно во всеобщем равнодушии проступало что-то недоброе. Алва, регент, «наш», как все чаще называли Савиньяка, – вот они, вожди, за которыми идут, бегут, лезут на стену, даже если рядом лестница, а законного короля словно бы и не существует. Решают и побеждают другие. Ради Талига? Возможно, но не ради того, кому присягали.

Пусть Прозэмперадор наделен правом войны и мира, но ушедший в Кадану обычным маршалом Савиньяк это право себе, по большому счету, присвоил, как и объявивший себя регентом Рудольф. Конечно, так проще – приказы из Оллари, даже не случись мятежа, добирались бы до здешних скал месяц-полтора, если бы вообще добирались, и все же командующий мог бы выйти в талигойском мундире. Кого тут пугать алым и черным? «Фульгатов»? Горных куропаток? Завтра арьергард перейдет перевал и присоединится к основной армии, деревень по пути не предвидится, а гаунаские егеря на талигойцев и так успели налюбоваться.

– Вы зря тревожитесь. – Лауэншельд был при всех рега-

лиях, но это не раздражало. — Нас остановит не только приказ, но и Излом. Как и агмов. Мы не станем обнимать друг друга, но сталь останется в коже.

— Да, господин полковник. — Чарльз не для того держался всю дорогу, чтобы разоткровенничаться в последний день. В Бергмарк обещан отдых, и там он наконец переговорит с маршалом и потребует перевода в Придду. Северная кампания окончена, а каданцев как-нибудь допугают без Давенпорта.

— Хороший денек! — Свежевыбритый Уилер подмигнул Чарльзу и щелкнул каблуками перед Лауэншельдом. — Вечером прошу к нашему столу. Мне вконец надоело таскать бочонки, желаю переходить горы налегке.

Фок Лауэншельд неспешно наклонил большую голову.

— Благодарю за приглашение. Если мой король отпустит меня, а господин маршал — господина Давенпорта, мы будем у стола полковника Реддинга. Хотя бы для того, чтобы пригласить его к столу моего полка.

Уилер довольно фыркнул, Хайнрих и Савиньяк прекратили глазеть в трубы на дальние вершины. Запел горн, и почти сразу же появились бергеры. Бирюзовые мундиры и флаг с золотым кораблем отчего-то напоминали не о морях, а о скачке по настороженному ущелью и еще о снах, слава Создателю, наконец-то оставивших капитана в покое. Фок Лауэншельд еще раз наклонил голову и направился к своему королю; не получавший никаких указаний Давенпорт пошел

рядом, не представляя, что его ждет, но его не ждало ничего – маршал на всякую мелочь отвлекаться не пожелал.

К горну присоединился барабан. Не столь многочисленные гаунассские офицеры выстроились справа от Хайнриха, талигойцы сгрудились за продолжавшим изображать Леворукого Савиньяком. Высоченный бергер в генеральском мундире выплыл из-за вековой сосны, с каменной физиономией продефилировал мимо извечных врагов и протянул руку талигойцу.

– Граф Савиньяк, вы хотели меня видеть?

– Да, барон. Прошу вас повторить во всеуслышание то, что вы сообщили мне касательно заключенного мной как Проземперадором Севера перемирия.

– Охотно. – Генерал был выше Хайнриха почти на голову и словно высечен из ледяной глыбы. – Маркграф считает принятое решение верным. Войска отведены за Айсфойршлосс. На Ветровой Гриве оставлены только наблюдатели. Пока горят ложные маяки, Бергмарк обнажит оружие лишь в ответ на удар. Порукой тому наша кровь и наши горы.

– Завтра Горный корпус начнет отход к Таркшайде, где и останется, пока не погаснут ложные маяки. Я не оскорблю *тех, кто нас слышал над текущей водой*, клятвопреступлением и не нарушу данное Талигу слово. Гаунау всегда ответит на удар ударом, но сейчас наш клинок в ножнах.

– Талиг исполнит клятву. – Рука Савиньяка резко легла на эфес шпаги. – Ручаюсь кровью.

Нашел, что и где говорить! Чарльз присутствовал при подписании перемирия и слышал почти то же самое, но тогда вышло как-то спокойней. Конские копыта обтекала вода, плясали солнечные блики, а странные слова терялись в куче подробностей – кто куда пойдет, кто кого будет сопровождать, сколько потребуется фуража, мяса, хлеба... Сейчас осталась лишь суть договора, непонятная, как мертвое дерево в теснине. И тревога тоже осталась, та самая, из снов. Давенпорт запрокинул голову – в безмятежной синеве кружила хищная птица. Ни она, ни сгрудившиеся внизу люди и лошади не чувствовали ничего дурного, да и сам Чарльз... В ту уже далекую ночь перед обвалом он знал, что должен разбудить маршала, сейчас просто стало неуютно, а почему – офицер для особых поручений при особе Проэмператора сообразить не мог.

– А ну кончай орлам под хвост пялиться! – гаркнул в ухо Уилер. – Жрать пора! Мы тут вчера кабаний выводок взяли. За компанию с «медведями». Неплохо вышло!

– Дело хорошее, – кивнул Давенпорт и покосился на гаунау. Лауэншельд торчал возле Хайнриха, а Савиньяк о капитане Давенпорте до завтра вряд ли вспомнит. На всякий случай Чарльз прикрыл глаза, пытаясь уловить что-то вразумительное. Ничего. Только муторная тяжесть, будто с похмелья, которым скрутило не тело, а душу. А, глупости, просто он устал. Не от дороги и не от войны – от Савиньяка.

– Капитан Давенпорт!

– Мой маршал?

– Мы сможем обойтись сегодня без землетрясений?

Леворукий бы побрал этого... Леворукого с его шутками!

Или... Отрешенное лицо на горной тропе, поворот в расщелину, не дожидаясь разведчиков, да и сейчас... Неужели Савиньяк *тоже*?..

– Мой маршал, что вы имеете в виду?

– Меня интересуют ваши предчувствия.

– У меня нет никаких предчувствий. Нет! Разве что... Это не обвал, не то... что было в Надоре. И не оползни... Я ничего не понимаю, просто все... отвратительно!

– Попробуйте выпить, некоторым это помогает. Уилер, надеюсь, утром вы сможете сесть в седло, несмотря на прощание с тюрегвизе.

– Были бы ноги с задом, голова приложится! Мой маршал, «фульгаты» будут счастливы принять вас у своих костров...

– Хорошо, – сощурился Савиньяк, провожая взглядом настырного орла. – Давенпорт, если вы в костре что-то разглядите, немедленно дайте мне знать. Немедленно! Это приказ.

Глава 9
Талиг. Надоры. Граница
Гаунау и Бергмарк
400 год К.С. Ночь с 24-
го дня Летних Скал
на 1-й день Летних Ветров

1

Выбирать между белым и черным, между честью и подлостью привычно и просто – Окделлы веками выбирают честь, Придды – подлость, но бывает, что выбор не столь очевиден. Тогда к цели можно идти разными дорогами, и каждая чем-то хороша, а чем-то неудобна.

Ричард потянулся и перевернулся на спину. Меж униженными юным рябиновым бисером ветками синело небо. Ни облачка, ни птицы... В древности по птичьему полету и закатным облакам читали будущее, но откуда голубям и даже орлу знать, что ждет человека? Орлан разбился, а ворон опять летает, если, конечно, орланом был Альдо, но если не Ракан, то кто?! Кэртиана посылает знамения тем, к кому они относятся, а птичью схватку видели двое. Повелитель Вет-

ров и Повелитель Скал. Хозяин уходящего Круга и господин Круга грядущего... Сколько всего стряслось с тех пор, как насмерть сцепившиеся птицы рухнули в красные от ягод кусты, а оба свидетеля живы. Выходит, их с Вороном война впереди? Война, где победителей не будет, если не считать ызаргов, приддов и карвалей... Или Кэртиана не предсказывала, а предупреждала о бессмысленности подобного боя? Похоже, именно так. Это были память и правда об Алане и Рамиро, но они с Рокэ не поняли, да и кто бы на их месте понял? Все казалось таким очевидным, но нет ничего туманней очевидности...

Юноша перевернулся на живот, глядя за речонку, на освещенные уходящим солнцем верхушки. Ближе всего отсюда было до Бергмарк, но в Бергмарк сына Эгмонта не ждет ничего, кроме очередного предательства. Приходится выбирать между Дриксен, Гаунау и Ноймаринен. Последнее казалось невозможным, но невозможное слишком часто ведет к победе, чтобы отбросить его, не обдумав. Взять Барсовы Врата считалось невозможным. Так же как одержать верх у Дарамы и Святой Мартины, как войти в Олларию... Ползай Ворон и Альдо на брюхе перед тем, что люди недалекие зовут здравым смыслом, они бы не побеждали. Победу делают из того, из чего ее можно сделать, хоть бы и из утопленных младенцев. Дикон принял бы эту очевидность раньше, если б не эсператистские бредни матушки и не лживая коронованная дрянь...

Память разбередила еще не остывшую ярость, и Ричард рывком сел, сжимая кулаки. Удар клинком Алана – это еще не месть! Месть, вернее возмездие, – это сорванная маска, это правда о дриксенском шляпнике и его незаконной дочери-шлюхе. Придды, Ворон, Феншо, Эстебан... Святой Алан, сколько же их!.. Место Катарины было в Багерлее, и не важно, кто ее туда упрятал.

– Дрянь! – вслух сказал Дикон и потер виски, пытаясь отбросить прошлое. Его нужно отбросить, чтобы идти дальше и вести за собой других. Рокслея, Эпинэ, отцовских союзников... Надорэа станет независимой, но действовать надо стремительно и осторожно, пока Скалы не сменил Ветер, а Ворон занят дриксенским фельдмаршалом.

Будущее рождается от настоящего, и поэтому надо решать, с чего начинать. Быстро решать и к тому же – за двоих, если не за троих. Иноходцы потому и иноходцы, что хороши лишь под седлом. Анри-Гийом с упорством, достойным лучшего применения, хранил верность дриксенской королеве, его дети и внуки пошли за Эгмонтом Окделлом, а Роберу пришлось терять всадников четырежды, хотя последняя потеря лишь на пользу. Эпинэ, надо полагать, это понял, но вряд ли самостоятельно.

Дикон не сомневался, что образумил Иноходца Рокслей. Скалы устоят там, где Волна сбежит, а Молния погаснет. Дэвид не колебался, вынося именем верности приговор Алве; сохранял он достоинство и в Багерлее, и принимая гвардию.

Вот к кому надо было идти после предательства Катарины. К Дэвиду! Вдвоем с вассалом они бы выбрались из города без затруднений, вдвоем проще говорить с союзниками и наводить порядок в Надоре. Дэвид исполнит любой приказ без колебаний, а с Эпинэ могут возникнуть сложности: на севере он чужак, да и к борьбе не готов. Еще в Сакаци Иноходец подбивал Альдо пристать к каким-то морякам, вознамерившимся добраться до Гайифы вокруг Багряных земель. С него и сейчас станется сбежать, Дикон позволить себе подобное не мог.

Чем больше Ричард раздумывал, тем меньше его привлекал союз с кесарией. Дорога в Дриксен вела через две действующие армии; схватка с Вороном требовала от «гусей» полной отдачи, да и сам Готфрид... Слуги похожи на хозяев, а иметь дело с подобием Штанцлера? Увольте! Пусть дриксенцы удерживают Алву в Придде – это все, что от них требуется, и все, на что они годны. Когда зима разгонит армии по квартирам, на северо-востоке возникнет новое королевство. Союзное Гаунау, но не более того. Обменять победу над тысячелетним врагом на экспедиционный корпус – это недорого. Хайнрих не откажется свести счеты с бергерами, которым без Талига долго не продержаться, и поделом! Надор не забыл белобрысую солдатню, ввалившуюся в оставленный мужчинами дом. Надорэа не станет кормить Бергмарк... Если же Хайнрих потребует залог, то корона стóит свадьбы с «медведицей». Честный договор лучше пахнувшей

гиацинтами лжи...

– Эй, Терадь! Гони кабанчика к генералу!

– Сейчас!

К генералу? Не к «Монсеньору»? Значит, кто-то явился, и это не Робер!

Ричард пригладил волосы, поправил воротник и вновь улегся под рябинами, закинув ногу на ногу и прикрыв глаза. Герцог Окделл не служит Талигу и не собирается вскакивать даже ради настоящего генерала, а если явился чесночный недомерок, пусть потрудится прийти сам. Юноша грыз травинку и повторял про себя балладу о рыцаре и бастарде. Настоящую, не изгаженную олларовскими подлипалами. Забавно, что Эрвин ее помнит... С ноймарами можно было бы иметь дело, не будь Рудольф женат на Георгии. Фердинанд не зря вспоминал перед смертью сестру... Последний Оллар был не королем, а куском вонючего сала, но Катарины не заслуживал даже он.

Пролезшие к тронам шлюхи – это и есть талигойская чу-ма! Октавия, Раймонда Карлион, Алиса, Катари... Гадючка рассчитывала на золовку. На жену регента, который слишком занят войной, чтобы интриговать. О, Георгия его от этого освободит! Она сделает все, чтобы Карл оставался Олларом и королем, но герцогиня не знает о Щите Скал...

– Вот он где!.. Дрыхнет! Эй, давай просыпайся! К генералу...

– Какой еще генерал? – Ричард зевнул и потер глаза. – Я

не собираюсь...

– Кончай кочевряжиться! Генерал у нас тут один.

– Оставь, Тераье. – Вышедший из рощицы Карваль не доставал долговязому солдату и до подбородка. – Окделл, я не собираюсь с вами препираться. Извольте встать и пройти в лагерь. Мы выезжаем немедленно.

– Я требую объяснений, – бросил Ричард. – И я не намерен подчиняться... *мелким* ординарам.

– Объяснения вы получите вечером. А сейчас или вы встанете, или вас поднимут и привяжут поперек седла. Как выюк.

2

Тяжелый графин алатского хрусталя показал дно. Король и маршал, дипломатично отказавшись от «сладкой мерзости», «унылой кислятины» и «прекрасного темного пива», сошлись на горькой настойке, с которой Савиньяк познакомился еще под Альте-Вюнцель. Лионель пил, вдыхая запах хвои и армейских костров, и на душе за какими-то кошками делалось светло и грустно, будто на чужой счастливой свадьбе, только в медвежьей берлоге подобное неуместно. Маршал взял себя в руки и заговорил о Кадане, судьба которой его совершенно не занимала. Настолько не занимала, что, вздумай чья-нибудь армия не нынешним летом, так будущим прогуляться заросшими дреком равнинами, не приближаясь к Талигу, Прозэмперадор Севера этого бы просто

не заметил.

Хайнрих понял, то есть, разумеется, не понял и даже не расслышал. Гаунау осушил стакан за благополучное разрешение регента Талига от двойного бремени, крикнул, расстегнул камзол и предложил собеседнику последовать его примеру. Пояс его величество распустил еще раньше, когда было покончено с делами и ужином. Лионель предпочел соблюдать приличия – давали себя знать дядюшкина школа и дворцовые привычки. Хайнрих захохотал, напомнив, что у него дворцовых привычек на двадцать восемь лет больше, и велел подать новый графин. Савиньяк поднес к глазам алатский стакан и по примеру Рокэ посмотрел сквозь него на солнце, что как раз уходило за горы. Горькая золотисто-бурая осень перед глазами и на губах... *Нас ждет осень, одна только осень...* И еще нас ждет ночная попойка, которую нужно выдержать, не рухнув на четвереньки и не заголосив непристойную песню.

– Смотреть на закат – дурная примета, – напомнил Хайнрих.

– Но не смотреть туда, куда смотреть нельзя, – ошибка. Стратегическая.

– Тоже верно. В Агарисе не смотрели и не увидели...

– Теперь кровь черного льва смыта. – Узнав между свинными ребрами и ногой ягненка о том, что натворили родичи Алвы, Лионель не выказал удивления. Сохранить невозмутимость было легко, маршал ждал чего-то подобного, хоть

и не вспоминал об Агарисе, морисках, Гайифе, Сагранне... Держать в голове все имеет смысл, только если ты король или регент. Бедный Рудольф, бедный Рокэ! И Хайнрих, пожалуй, тоже...

– Да уж, смыта! – Гаунау тоже сощурился на садящееся солнце. – Я запомнил имена утопленников. О существовании некоторых людей узнаешь лишь в связи с их кончиной, и это двойная радость. Избавиться от падали, избежав неприятности ее убирать, – что может быть удачнее? Талигу услужила лошадь, Гаунау – олень, хоть и не до конца. В этом должен быть смысл.

Ничего не отвечать, только поставить пустой стакан и взглянуть в лицо собеседнику, приподняв повыше бровь. Без слов спросить о том важном, что еще не прозвучало.

– Я только что вышвырнул из Гаунау четыре ордена. Они мало думали о своем Создателе и пытались испортить мой суп. Сейчас не время Создателя и еще меньше – время серых проныр. Хотел бы я взглянуть на агарисский дым... Мои предки захотели бы большего. Жечь.

Встал и отошел. Уже второй раз... Отлучка пришлась кстати, и Лионель не преминул принять припасенный толченый уголь, выручавший и в Торке, и во дворце. Так же, как проглоченное перед «ужином» – спасибо Бертраму за науку – масло. Нечестной избранную тактику маршал не считал, поскольку пил он вровень с Хайнрихом, а весил куда меньше. Уравнивание сил, только и всего.

Савиньяк провел рукой по коре гигантской сосны, к которой притулился ставший на этот вечер королевским стол. Солнце уже ушло за горы, но дальние ледники светились, будто лепестки рыжих кагетских роз. С нижней поляны доносился нестройный гул – окончание кампании обе свиты потихоньку-полегоньку начали отмечать еще вчера, сейчас отмечание перерастало в общую попойку под наливающимися светом звездами. Пить с явными врагами проще, чем с врагами неявными и тем паче с союзниками, которые могут не так понять, не то услышать, не о том спросить... Манрики, Колиньяры, Гогенлоэ, Креденьи, Сильвестр, Фердинанд, даже Рудольф с дядюшкой и змеюкой Бертрамом... Пить с ними – то же, что подписывать векселя, а «медведи»... При них дышится легко, так легко, что впору назваться Эмилем.

3

Это началось снова. Снова! Чужой взгляд давил, мешая сосредоточиться хоть на чем-то, будто розовеющее небо стало могильной плитой. Отпихнуть растущую тревогу не выходило, ее можно было только скрывать, и Ричард скрывал. Спутники ничего не замечали: лошади не беспокоились, всадники не вертели головами и не проверяли оружие. Дикон достаточно времени провел в походах, чтобы различать, когда солдаты, даже самые посредственные, ждут неприятностей, а когда просто едут за своим командиром, – эти еха-

ли. Двое впереди, затем Карваль и дальше Ричард с прилипшим намертво Дювье. Назад юноша оглянулся лишь однажды, чтобы пересчитать отряд. Коротышка взял с собой десяток кавалеристов, и всё. Ни телег, ни запасных лошадей, выехали на ночь глядя... Дорога не должна быть длинной...

Доставшаяся Ричарду гнедая шла мерной рысью, она не была ни позором, ни сокровищем. Путешествовать на такой и даже представляться союзным офицерам можно, сбежать – вряд ли. Бежать без оружия и денег, не зная дороги, – безумие, но Дикон рискнул бы, если б не вернувшаяся тварь. В лагере она не докучала, но стоило перебраться через речонку, дала о себе знать. Теперь Ричард недоумевал, как он мог забыть этот взгляд, но так случалось и раньше. Стоило соглядатаю отвернуться или задремать, и он тут же исчезал из памяти, зато, вернувшись, отыгрывался за передышку сполна. Ужас сгущался, как сгущается туман, еще немного, и он каплями потечет по лицу и шее. Тихий ужас и какой-то ползучий, что ли... Если б в темнеющих предгорьях что-то выло, рычало, ворочалось, можно было бы поднять тревогу, но тварь просто ждала, а они двигались на северо-восток. К ней. Двенадцать человек уходили в пока невысокие холмы, а вечер был теплым и тихим. Тепло тоже бывает обманом, и еще оно влечет змей.

– Поворот! – крикнули спереди. – Вона... На Краклу!..

– Прямо, – буркнул из-под генеральской шляпы Карваль.

Прямо? От поворота на Краклу?! Они едут в... Надор?!

Но там же... И потом от Кракловой развилки до замка три дня плоскогорьем, где и людей-то почти нет. В Олларию всегда ездили через Роксли и Лебединку. Ричард, само собой, знал про Манлиев тракт, но сам им не пользовался ни разу, потому и перестал узнавать окрестности, едва перешли Лукк. Дорога вильнула, обкусанным пальцем погрозил заката торчащий на перекрестье столб. Страх вился над отрядом, как вороньё, а дура-гнедая весело бежала рядом с конем Дювье.

– Быстрей, – велел Карваль, и Ричард дал гнедой шенкеля. Он не мог больше выносить эту дорогу, этот вечер, эту кобылу, и потом – отношения следует выяснять раз и навсегда. Коротышка – лжец и мерзавец, но шпагу он носит. И вряд ли его обучал хотя бы Робер, не говоря уж о Вороне.

– Сударь, – назвать это ничтожество генералом язык у Ричарда не повернулся, – пора объясниться.

– Еще нет.

– Я настаиваю! – Голоса растягивали сжимающееся кольцо, надолго ли? – Вы предатель, убийца и лжец... Что вы сказали Роберу про Штанцлера? Вы солгали, это очевидно!..

– Быть верным сюзерену – значит действовать к его пользе, а не бегать с докладами о всякой чепухе.

– Будь у меня оружие, вы бы заговорили иначе!

– В свое время оно у вас будет.

– Тогда мы поговорим...

– Несомненно.

Оружие вернут! Это приказ Робера, иначе поганец вел бы себя иначе. Карвалю поперек горла и эта поездка, и приказ, но послушаться он не может. Поднять руку на друга «Монсеньора» на глазах десятка южан – это мог бы Ворон, но не этот... гриб с перьями. Ничего, клинки все расставят по местам.

– Это вы подрезали подпругу Моро!

– Да, и что?

– Вы – убийца, убийца государя!

– Я не приписываю себе чужих заслуг. Я как мог способствовал смерти узурпатора, но убила его собственная глупость. Отправляйтесь к Дювье. Мне неприятно на вас смотреть.

– Взаимно!

– Тогда тем более убирайтесь.

– Сначала вы... Вы – шпион Сильвестра... Втерлись в доверие к Анри-Гийому и доносили... Потом переметнулись к Альдо и все равно остались олларовской шавкой! Святой Алан, Штанцлер знал правду, поэтому вы...

– Дювье, забери Окделла и впредь держи при себе.

– Вам нечего ответить... Ординар!

Когда нечем крыть, отмалчиваются, удирают, натравливают солдат... Карваль, видите ли, выбирает, что докладывать, а что – нет. Ординар решает за герцога! Сейчас он откровенен, ведь Окделл и Эпинэ больше не встретятся. Может, и так, но письмо Робер получит. Через посла Гаунау или Дрик-

сен. Две строчки. Благодарность за свободу и предупреждение о вцепившейся в стремя подлости. Если Иноходец пожелает остаться слепым, ничего не поделаешь...

– Будешь дурить – отберу поводья!

Как же противно! Унизительно и противно.

– Я сказал этому господину все, что хотел. Дальше будет говорить моя шпага.

– Вот ведь! – буркнул чесночник и обернулся. Оглянулся и Ричард, хоть и не собирался. Столб маячил далеко позади. Кавалькада, срезая угол, двигалась через луг напрямиком к щетинистым темным холмам. К полной злобы неизвестности.

4

– Мне нет дела до других. Они меня не радовали, почему я должен радовать их? – заявил кому-то вернувшийся Хайнрих, но кого-то под сосной не было, а был один-единственный талигойский маршал.

– Больше всего ты должен, не имея долгов, – произнес ничего не значащий парадокс Савиньяк и приподнял очередной стакан.

Король плюхнулся на скамью и наподдал что-то достойной монумента ручищей. Лионель подставил ладонь, не давая пущенному по доскам предмету свалиться, и не выдержал – присвистнул. Маршал Талига избавил от падения его

высочество Фридриха. Такого конного и знакомого...

– Я его выкупил. – Довольный Хайнрих походил на разбухшего трактирного кота. – Прощельга Зауф стоит дорого! Вы изрядно потеряли при сделке.

Лионель усмехнулся и сделал вид, что пьет. Он не то чтобы любил сорить деньгами, но брошенное на ветер порой возвращало нечто, ушедшее из дома и из души после гибели отца. Меняя портреты на глазах у офицеров и обалдевшего трактирщика, маршал веселился как мальчишка; правда, другие этого не заметили. Теперь веселился Хайнрих.

– А что случилось с продавшим вас подданным?

– Он трактирщик. Он продал и получил прибыль, вместо того чтобы потерять. Вам был нужен портрет, и вы бы его взяли.

– Если трактирщик умен, он назовет свою харчевню «Король и Леворукий» и огородит стул, на котором сидел король, веревкой. Да, я взял бы портрет и оставил бы за него деньги в любом случае. У каждой войны свое лицо, я хочу иметь его перед глазами.

– Наша война спит. Продайте мне вашу рамку, она по праву принадлежит моему зятю.

– Пожалуй... Из тех, кто в ней побывал, Фридрих достойнейший. Да простит мне ваше величество...

– Еще чего! Сколько вы хотите?

– А как вы намерены с ней поступить?

– Я вернусь в Липпе и отправлю манатки гусака вслед за

ним. Вместе с портретом, и лучше, если тот будет в рамке. С его свинячьими лебедями!..

– Ваше величество, не почтите за праздное любопытство. Вы написали кесарю об успехах племянника?

– Хорош бы я был, позволь этому засранцу порочить моих солдат и моих офицеров! Хватит того, что я отдал ему лучший корпус, а достало бы одного мориска! Армия не может встать на дыбы, иначе это не армия, а сброд. Генералы, мои генералы, подчинились и пошли к Ор-Гаролис. Они не виноваты – ноги за задницу не в ответе! В ответе голова, моя голова. Нужно было думать, прежде чем ставить Фридриха главным. Нужно вообще думать, и я посоветовал кесарю именно это. Если Готфрид доверит Фридриху командовать хотя бы брадобреями, он глуп, как корыто! Ваше здоровье!

Есть! Он угадал с письмом, он угадал со всем, кроме обвала, но такое не просчитаешь.

– Ваше величество, я не трактирщик и не могу торговать реликвиями, но неделимое лучше не делить. Северная Марагона да будет в Талиге, а Фридрих – в рамке. Она ваша, если утром вы о ней вспомните.

– Я еще не так стар, чтобы забывать... Я ушел из молодости, уйдешь и ты, тогда и оценишь все, от войны и до вина! Серые пугали нас, допугались, булькнули... А мы живы и под закат пьем! Мы с тобой враги, и что с того? Хотел бы я знать, кто решил, что раз враг, то сам страх и ужас? Оно ведь даже не с агарисцев пошло. Леворуким еще Манлия вашего

объявляли. Воевать, так с самим Злом во плоти, иначе вроде как неудобно... А что с приличным соседом можно пасеку не поделить и дойдет до драки на века, с этим как? Нет, Зло им подавай! А ты тоже хорош, вырядился в красное. Жаль, Кримхильде тебя не видит... У тебя ведь мать жива?

– Да. Она в Савиньяке. – В Савиньяке ли? К кошкам! Не думать ни о чем, имеет же он право хоть ночь побыть Эмилем!

– Твоя мать – вдова... Я вдовец... Ее здоровье!

Снова горечь. Когда Рокэ уезжал в Фельп, они пили не касеру, а «Кровь». И после Октавианской резни тоже пили, верней, запивали. Тогда все только начиналось, теперь разогналось, не остановить, но сегодня передышка. Передышка, летний вечер, чужие сосны и горько-сладкая земляника, тоже чужая...

– Мать любит отца... До сих пор.

– А ты до сих пор мстишь... Я уважаю тебя, маршал. И я хочу знать, уважаешь ли ты меня? Варвара? Врага?

– Ваше величество, скажем так. Я перестал уважать не варваров...

5

Дорогу загородил двуногий ствол. Тот, о котором рассказывал, вернувшись из Надора, Дювье. Тот, что Дик, никогда не видел, помнил до последнего сучка. Расщепленный чу-

довишной силой дуб пытался дотянуться до рыжего лунного яйца. Ричард сам не понял, как натянул поводья. Лошадь фыркнула и попятилась, она и сама не хотела идти дальше. Из-за трещины? Из-за того, кто ждет в горах? Ждет или дождался?! Закусив губу, Дикон пытался совладать с готовым снести последнюю плотину ужасом. Не будь рядом Карваля, юноша вряд ли сдержал бы крик, но Роберов любимчик никогда не увидит испуганного Окделла!

Оторвав взгляд от изувеченного дуба, Ричард как мог медленно обернулся к предводителю чесночников. Тот, выпрямившись в седле, вглядывался в просвет меж холмами, потом велел:

– Спешиться!

Гордость велела оставаться в седле, но к драке Ричард готов не был, а подчиниться отданному лично тебе приказу еще противней, чем делать то же, что и все. Разве что... Нет, не ускачешь – дороги вперед нет, как и назад. Тропа слишком узкая, даже коня развернуть не успеешь, как эти ублюдки... Да и гнедая... Это тебе не Сона!

Ноги коснулись земли, на мгновение показавшейся трясинной. Кобыла всхрапнула и пошла боком, норовя навалиться плечом на человека. Ей это место нравилось ничуть не больше, чем Дикону, а уж дерево... С земли оно еще больше походило на гиганта, вознамерившегося сорвать с неба низкую красноватую луну. Ржавую луну видел и Нокс, но та не была полной и висела не впереди, а за спиной. Ричард щелчком

поправил крагу на перчатке и зевнул, прикрыв ладонью рот. Его трясло, но чесночники об этом не узнают.

– Дальше не проехать? – хрипло спросил Карваль. – Так, Колен?

– Куда там! – махнул рукой сержант. – Овражины путаются, как змеюки по весне.

– Ты уже видел это дерево?

– Надо думать, только вряд ли оно враскоряку стояло. Я б заметил, да и дыра свежая совсем...

– Вижу, что свежая. Двое при лошадях, остальные – за мной! Дювье, пригляди за Окделлом.

Ричард безглаголиво отстранился и, не дожидаясь окрика, двинулся за сержантом, который вечно насвистывал всякую муть. Фальшиво до омерзения, только самый паршивый свист, самая похабная песня отогнали бы жмущуюся к новорожденному оврагу тишину, но чесночник молчал. Как и земля, тяжелая и, несмотря на лунный свет, ржавая. Луна висела над предгорьями, щупала выцветающими на глазах лапами вывороченные камни, обрисовывала край трещины. Карваль впереди вполголоса выругался и пошел еще быстрее.

Южане сосредоточенно топали за своим вожаком, а вот что они чувствовали? У Литенкете было полсотни людей, и только троим, не считая самого Эрвина, стало на тракте не по себе. Только троим из пятидесяти рожденных рядом со Щитом Скал! А вдруг в Старой Эпинэ хранится реликвия

Молний? Должна же она где-то быть! Ричард принялся подбирать слова для расспросов, потому что иначе оставалось взвыть и броситься назад, сбив с ног Дювье. Юноша словно бы видел себя, замахивающегося на чесночника, себя, хватающего палку, себя, шмыгающего в лохматые заросли... Это было так странно – высунуться в будущее, юркнуть назад и ничего не сделать. Следовало подозревать Карваля, а Дик не верил тропе, ночи, луне, он тысячу раз мог кануть во тьму, а вместо этого ускорял шаг, чудом не наступая на пятки молчащему Тераье. Святой Алан, хоть бы выругался кто, сколько можно идти?

Впереди раздался глухой рев, будто обрушился в водосток подтаявший снег, и Дик с разгона ткнулся в солдатскую спину. Сержант обернулся, его лицо было каким-то желтым, но он не боялся, значит, ничего не замечал, ничего, кроме ночного броска через плоскогорье.

– Овраг тут шальной, – бросил чесночник, – вроде и дождей нет, а корячится... Видать, от трясушки этой.

– Да, – подтвердил спереди Карваль, – Надоры ненадежны.

Тень одинокого дерева перечеркнула трещину, превратив ее в подобие черного меча. Куда они шли, Ричард не представлял и не был уверен, представляет ли это Карваль. Бьющий крыльями страх, будто пыль, вздымал страшные сказки, где разбойники бросали жертву в лесу или на перекрестье заброшенных дорог. Это и стало ответом. Пленника велено

отпустить, вернув оружие, но вряд ли до Робера дошло, что приказ должен быть предельно четким, а Карваль... Мелкая погань всегда сумеет нагадить. Бросить среди трещин и оползней – это ведь тоже отпустить. «Монсеньор, я оставил герцога Окделла за Лукком, как вы и велели...» Очень просто и по-южному подло, но делать нечего. Самое лучшее – остановиться и небрежно бросить мерзавцам, что дальше Повелитель Скал пойдет один. Ричард так бы и поступил, будь это другая ночь и другое место. Какой бы сволочью ни оказался Карваль, одиночество и нечто, подобравшееся совсем близко, еще хуже, хотя...

Дикон уже оставался один и в степи, и в горах, а в Варасте даже чувствовал нечто подобное, и ничего не случилось. Значит, пора прощаться! Решено, он посылает мерзавцев к Леворукому, возвращается в Краклу, ищет гостиницу и ростовщика, закладывает пару перстней...

– Господин Карваль! – окликнул Ричард. – Потрудитесь остановиться.

– Чего еще? – Карваль не откликнулся, откликнулся Дювье. – Ногу свернул, что ли?

– Дальше я пойду сам! – отрезал Дик. – Собаки мне больше не нужны, а с надорскими волками я как-нибудь справлюсь.

– Справитесь? – Карваль резко, словно во время смотра, повернулся. – Это вряд ли. А один вы пойдете, когда окажетесь в своих владениях. Здесь дерево. Легло мостом, выгля-

дит надежно. Терапье, проверь.

Алва перешел бы первым. И Альдо, и даже Эпинэ, а этот...

6

Лауэншельд не забыл поросенка, которым его угощал в день знакомства Реддинг. Долгов полковник не любил, сегодня у него была последняя возможность расплатиться, и личный представитель кесаря вместе с парой офицеров занял позицию среди «фульгатов», собираясь любой ценой доставить талигойцев к своему столу. Увы, операция откладывалась – упустить знаменитую тюрегвизе никто не хотел, а Уилер ждал маршала. Не потому что начальство, а потому что «на счастье».

Сомневающихся в удаче Савиньяка в армии не осталось, расходились в том, стоит ли кто за плечом Проэмперадора, и если стоит, то кто. Чарльз в спорах не участвовал, болтовня про Леворукого его откровенно бесила. Без зазрения совести пущенное в ход суеверие, хоть и шло на пользу, маршала не украшало. Как и прочие кульбиты. Давенпорт понимал, что Савиньяк вылепил успех из безнадежности и наглости, полностью подтвердив собственные, сказанные еще в Надоре слова. «Леворукий» пожертвует всеми без жалости и колебаний. Собой тоже, но любви это не прибавляет, разве что уважения и жалости к раз за разом пьющим здоровье «на-

шего» живым – пока живым! – людям. Разменной монете, которой Проэмперадор расплатится и забудет, как забывают о стоптанных сапогах...

– Слушай, друг. Если у тебя несваренье, так и скажи.

– Нет!

– Чего нет? Несваренья? Тогда что есть? Оно заразное?

– Ничего! – рявкнул Чарльз и устыдился.

Уилер был славным малым, пусть и навязчивым, и потом... Если хочешь перейти в полк, не бросайся на будущих товарищей, ты как-никак талигойский капитан, а не собака. Давенпорт отлепился от сосны, которую почему-то подписал.

– Скоро полночь, – для поддержания разговора Чарльз глянул в полное низких горных звезд небо, – совсем скоро...

– Да придет он! Развяжется с Медведем и придет. Тогда и откроем.

– Я не про то...

– А про что? Что ты ходишь как неподоенный! Где блеск в глазах? Пуговицы не заменят, драй не драй! Или... что-то не так? С горами?!

– Ты им надоел! – Проклятье, он научится держать себя в руках или нет?! Нашел когда беситься...

– Это *ты* кому хочешь надоешь, если не выпьешь. Вино поганое, ну да в авангард сойдет!

– Авангард так авангард! – Чарльз попробовал улыбнуться, и у него вдруг вышло. – Пойдем Реддингу поможем. Я

все-таки при начальстве отираюсь, хоть какой-то толк!

– Отираешься ты! Как еж о морду! Ладно, пошли, пока Шлянгер все не выдул...

Реддинг беседовал с Лауэншельдом, вернее, это раскрасневшийся Лауэншельд беседовал с Реддингом. Полковник все еще воевал. Не с Талигом – с дурным светлым бергерским пивом и Фридрихом, утопившим собственную репутацию и забрызгавшим репутацию гаунау, что «медведю» было как нож острый. Честь мундира требовалось спасать, и Лауэншельд спасал, не щадя отсутствующего принца.

– ...не только уцелевших под Ор-Гаролис своих, – возмущался из-за горки костей полковник, – он именем его величества сорвал с места несколько ближайших гарнизонов...

– И набрал тысяч двадцать пять, – поддержал беседу откровенно веселящийся Реддинг. – Но артиллерии и конницы у вас маловато было... Маловато, чтобы делать то, что делали вы...

– Не мы! – Лауэншельд впервые за время знакомства позволил себе крик. – Фридрих!.. Да, наши генералы были полны решимости восстановить свое доброе имя, но они не желали делать глупости по приказу этого... этого...

– ...надутого болвана! – проревело слева и сзади. Его величество Хайнрих в распахнутом камзоле или чем-то вроде того стоял, уперев руки в бока, и взирал на своего полковника. Рядом алел Савиньяк. Этот, само собой, не расстегнул ни единой пуговицы.

– Сидеть! – рывкнул Хайнрих на вскочивших гаунау. Лионель просто небрежно махнул рукой. Хвала Создателю, правдой...

– Его высочество немало сделал для победы талигойского оружия, – заметил он. – По справедливости его следует наградить, но в Талиге до сих пор нет соответствующего ордена.

– Так введите! Орден... Полезного Дерьма! – предложил Хайнрих. – Он вам еще не раз пригодится!

– Золото и очень темный янтарь, – кивнул маршал. – С мечами для военных и без оных для невоюющих особ. Я скажу об этом регенту и обрисую заслуги его высочества, но янтарь придется закупать у вас. Это не талигойский камень. Уилер, вы не передумали открывать бочонки?

– Мой маршал... Только вас и ждали...

– ...и его величество, – уточнил дипломатичный Реддинг. Хайнрих чего-то хрюкнул. Довольно-таки благодушно. Уилер исчез во тьме, Сэц-Алан и порученец Реддинга принялись сдвигать блюда, высвобождая место для бочонков.

– Я помню эти мундиры. – Савиньяк смотрел на спутников Лауэншельда. – «Седые медведи»... У Ор-Гаролис они держались дольше всех. Примотать к мушкетам ножи – дельная мысль.

– Он! – Хайнрих пальцем указал на длинного капитана. – Штамме. Был капралом, стал офицером. Я побился сам с собой об заклад, спросишь ты про ножи или нет.

– Я спросил. – Савиньяк снял с пальца кольцо. – Благодарю за подсказку, капитан Штамме!

Блеснул рубин, словно злобная тварь приоткрыла глаз и вновь задремала. Егерь застыл, переводя взгляд с короля на Леворукого и обратно.

– Бери! – велел король, и Штамме взял. Кольцо с трудом налезло на мизинец, но ведь его всегда можно продать...

Стукнуло. Поднатужившийся Уилер под громкие крики водрузил на стол первый бочонок. «Фульгаты» весело меняли кружки, трещали костры, ветер сносил дым к перевалу. Менее удачного времени для личной просьбы не найдешь, но Давенпорта будто под ребра пихнули.

– Мой маршал, – отчетливо сказал Чарльз, – прошу отпустить меня из Бергмарк в Придду.

– Вашу судьбу, Давенпорт, решит регент. Скорее всего, Ноймаринен.

Регент... Чтобы кивать на регента, нужно носить талигойский мундир, а не закатные тряпки. Чарльз едва этого не сказал, но Лауэншельд поднял кружку, то есть не Лауэншельд. Полковник лишь повторил жест Хайнриха. Первый тост за гостем, по крайней мере в Гаунау.

– За нас с вами и за кошек с ними!

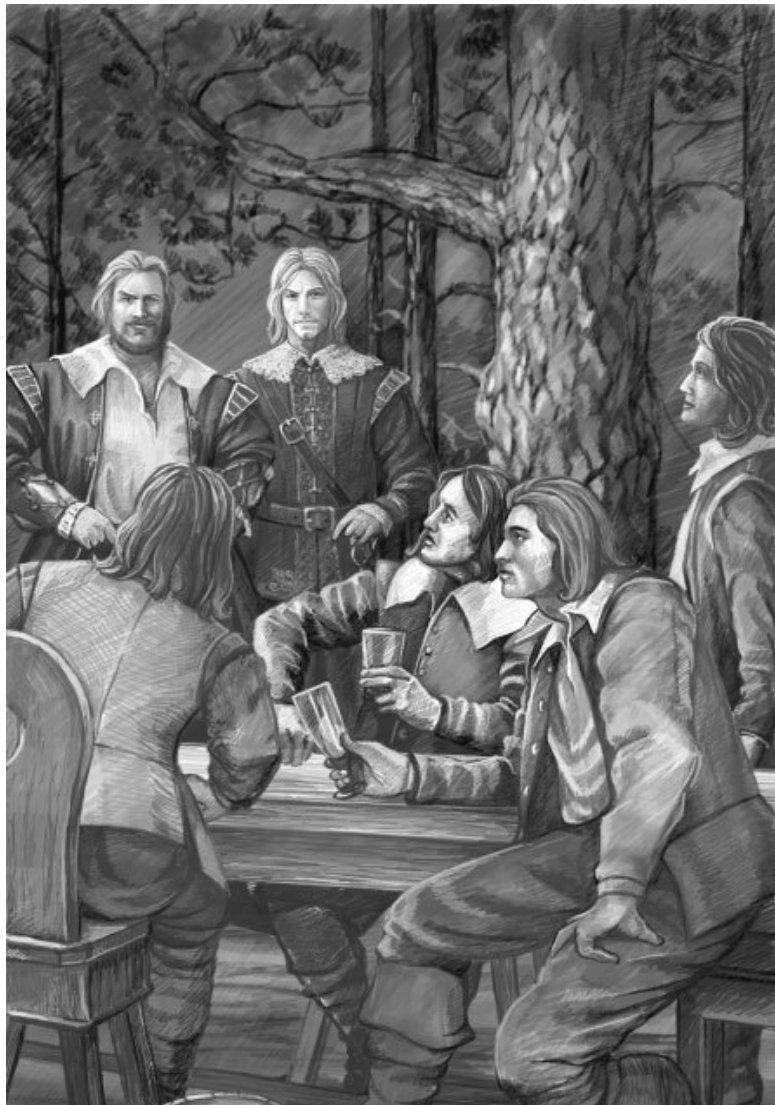
Это был огонь! Чарльз едва не задохнулся, но проглотил. На глазах выступили слезы. Давенпорт неприлично шумно выдохнул и увидел напротив побагровевшие морщащиеся физиономии. Кто-то оглушительно чихнул, кто-то растерян-

но расхохотался, кто-то столь же растерянно помянул Лево-рукого.

– Закат! Вот что это такое... – прохрипел Хайнрих. – Закатное пламя!

– Не Закатное, – маршал отломил кусок хлеба и небрежно обмакнул в мясной сок, – алатское. Алатская кровь как перец, ее много не нужно... Так, Уилер?

Дальше Чарльз не понял. Чужие слова жглись и веселили, как тюрегвизе. Булькнуло – Уилер опять разливал свою жуть, и Давенпорт подставил кружку, все подставили. Становилось всё жарче, будто в полдень на солнцепеке, полную луну перечеркнула ночная птица, грубо хохотнул коричневый валун, то есть Хайнрих. Савиньяк смотрел, внимательно, жестко. Почему он не пьян? Он должен быть пьян, а если кто-то пьет и не пьянеет, он в сговоре с нечистью. Или сам нечисть.

– Давенпорт, – внезапно спросил маршал, – вы так ничего в огне и не разглядели?

Ответить Чарльз опять не успел.

– Только жарко́е, – подал голос Реддинг. – Он видел в огне отменное жаркое... Мы все видели...

У каждого свое проклятье, у Чарльза Давенпорта – опаздывать. Всегда. Во всем... С Октавианской ночи и до ставшего прахом замка!

Новый глоток напомнил о том, что урготы в старину делали с фальшивомонетчиками, но голова стала ясной, словно Чарльз глотнул из родника. Савиньяк ждет ответа, нужно что-то сказать.

– Мой маршал, все спокойно. Я ничего не...

Маршал не слушал, то есть слушал Хайнриха.

– Не забудь завтра про рамку. – Король развязал еще и рубаху. – Тогда я тоже кое-что вспомню... Почему бы и не вспомнить? Любезность за любезность – это так по-нашему, по-варварски!

– А подлость за подлость – это так просвещенно!

Маршал улыбался, Хайнрих хохотал.

7

Старые стены не хотели сдаваться. Замшелые глыбы держались друг за друга, как бы их ни рвали голодные корни и

ни мучила вода, но подползшего оврага они боялись...

— При Раканах эта руина торчала на границе владений Окделлов. — Карваль задрал голову, и Ричард невольно последовал примеру коротышки. — Всё, парни, пришли. Дювье, смотри в оба. Гашон, стань-ка у обрыва. Тератье, к стене...

Сейчас Карваль договорит, и они уйдут. Враги, чесночники, люди уйдут, а он останется между провалом и полудохлой стеной. Даже без лошади. Дикон отдал бы что угодно за эскорт, но просить Карваля?! Коротышка хочет именно этого, потому и устроил ночное представление. Мелкая, подлая месть и неожиданно страшная. Обнаглевший ординар не представляет, каково остаться один на один с вечностью, он просто угадал. С ночью, жующим тропу оврагом, развалинами, только коротышка этого не узнает никогда. Люди Чести не просят, они поворачиваются и уходят, как живут, не оглядываясь и не опуская головы. Главное — не сбиться с шага, не обернуться, а потом... Святой Алан, пусть убиваются прямо сейчас! Стоять под этой луной, скрестив руки, и улыбаться все невозможней, лучше сразу... Собраться, бросить через плечо что-то дерзкое, исчезнуть за грудой настороженных обломков... Только бы Карваль не догадался столкнуть бревно, по которому они перешли овраг!

— ...Занха на лбу написана!

Хриплый, полный злобы выкрик. Черные резкие тени. От стены, от деревьев, от солдат. И вкрадчивый, издевательский шорох осыпающейся земли. Овраг не спит, овраг слушает,

овраг ждет...

– Нетушки, хватит с Монсеньора седых волос!

– Верно говоришь...

– Чтоб еще из-за...

– Какого кота драного мы его тащили?! Надо было...

– Тихо! – Злость человеческая и злость вечная, злость и напряжение... – Что делать *с ним*, ясно. Что Монсеньору знать про это ни к чему, тоже. Только не все так просто, ребята, это вам не Мараны, гори они в Закате!

– Разрублен...

– О как!

– Я знаю, что говорю. Таракан спутался с гоганскими колдунами и надул их. Рыжие ему поверили, потому что за обман на шестнадцатый день прилетает, а как – вы в Надоре нагляделись. Только Таракан оказался поддельным... Видать, прабабка какая еще той шлюхой была, зато Окделл, своим на беду, – настоящий. Тихо, я сказал! По всему выходит, Надор угробил он. Мы сейчас поговорим, а вы послушайте. Ну и смотреть не забывайте. Если что – не церемониться.

– Какое там, капитан! Да мы...

– Помолчи, Колен! На нем клейма ставить негде, хотя какие на дерьме клейма! Будь моя воля, я б голубчика возле Штанцлера уложил, но Окделл не такой, как мы. По нашу душу, что бы мы ни учудили, разве что королевские драгуны заявятся, а знать, старая знать... Леворукий знает, что они такое, но, если надурят, тем, кто рядом, не жить. Эта га-

дось, она же ползет, за *ним* ползет, и Окделл, тварь такая, знает это! Я говорил с ноймаром, что письма Монсеньору привез... Окделл всю дорогу дергался, а уж как назад чесанул...

– Ложь! – Ложь, безумие, бред! Что может знать чесночник о том, чего ждет, чего требует Кэртиана?! – Альдо не имел дела с колдунами... Я...

– Заткнись! – оскалился Дювье. – Выродок...

– Карваль! Верни мне шпагу и говори... Если рискнешь...

– Шпагу ему? Ах ты ж...

– ...нашу Катарину...

– Вояка... против баб!

– В суде еще... Законник свинячий!..

– И какого... мы его в Доре не хлопнули?!

– Молчать! – Лязгнуло. Огрызнулся уставший камень. Лунный свет отскочил от чего-то... Рукоять... Знакомая! Кинжал вонзился в землю у самых ног! Тот самый, что отняли.

– Оружие хочешь? Будь по-твоему!

Какие у них лица! Бледные, ощерившиеся, хуже, чем у выходцев. Звери почуяли кровь... Думают, их взяла? Зря. Окделлы всегда умели охотиться!

– Ты здесь не для дуэли, мозгляк. Ты заигрался с Альдо и разворотил какую-то сволочь. Вашу, надорскую. Похоже, она уймется только с твоей смертью, значит, тебе пора умирать. Лучше, если ты это сделаешь сам, своим кинжалом и

на земле, что была за Окделлами.

– Хоть какой-то толк будет...

– Сделает он, как же!

– Не сделает, помогу. Окделл, я считаю до шестнадцати.

На Создателя ты плевал, обойдешься без молитвы. Раз...

Поднять кинжал, проверить острие.

– Два.

Всех кинжалом не перебить, ну и кошки с ними... Даже с Карвалем! Главное – вырваться, потом он спросит... Со всех! За всё!

– Три. Четыре.

Спокойно! На Винной было две дюжины... И не отребье – дворяне. Стена наполовину обвалилась... С той груды допрыгнуть до верха и сразу же на ту сторону... В темноту... Да, именно так! Сбить Тераье – и на стену! Полшага вправо, чтоб наверняка. Скалы видят... Кэртиана испытывает избранных? Кэртиана предала?

– Семь.

Главное – шпага... Добыть шпагу и пистолеты...

– Восемь!

Упор на правую... Святой Алан, вперед!

Южный ублюдок. Думает, загнал Окделла... Повелителя!

Ну нет! Прыжок! Слева вспыхивает нехорошая звезда. Раздается глухой рокот, похожий и не похожий на рев обвала, налетевшая волна или не волна сбивает с ног, тащит сквозь холод, тьму, странные, резкие звуки, как тащила в Сагранне.

Скалы взорваны. Озеро мертво. Его смерть порождает песню. Песня становится селом, великим, неукротимым, справедливым. Багряные горы пронзают золото облаков, нестерпимо горят ледники, смеются летящие с гор камни, быки вечности, они тоже стремятся вниз, в долину, они исполняют свой долг, исполняют приказ... Горы за спиной колышутся, рушатся, обращаясь в серую мертвую пыль, что забивает рот и глаза. Песня камней делается глуше, отрывистой, но они еще бегут, они есть бег, они есть смерть...

Ричард понимал все меньше, не телом, душой ощущая стремительную мощь движения, которое убыстрялось и убыстрялось. Последней осознанной мыслью было, что он не промахнулся и все это – грохот, яростный бег, жар и холод – на самом деле не более чем дорога, у которой есть начало и нет, не может быть конца.

Часть вторая

«Императрица»²

*Все, что посылает нам судьба, мы оцениваем
в зависимости от расположения духа.
Франсуа де Ларошфуко*

² **Высший аркан Таро «Императрица»/«Хозяйка» (L'Imperatrice)** символизирует прекрасную земную любовь, приносящую плоды (свадьба, дети), соединение внешнего и внутреннего могущества, уравновешенного разумом. Некий процесс, связанный с вами, близок к завершению, надейтесь на успех. **ПК:** стремление к действию, но необходимо ясное его осознание. Домашние хлопоты, материальные затруднения, упадок творческих сил, может означать бесплодие у женщин.

Глава 1

Граница гаунау и бергмарк 400 год К.С. 1-й день Летних Ветров

1

Чарльз не помнил, за что именно его похоронили заживо, но точно знал, кто отдал приказ, – Леворукий. Разодетый в красное и черное, он сидел на сером в яблоках лебеде и крошил изумруды; их требовалось клевать, но от проклятых камешков жгло во рту, на глаза наворачивались слезы, предвещая гибель. Те, кто унился до подачки, издыхали в страшных мученьях. Реддинг, Сэц-Алан, Шлянгер, фок Лауэншельд со своими офицерами... Всех их под заунывные песни уносили в Закат, Давенпорт это видел и вновь не мог ничего поделать, потому что стал каменным обломком. То, что некогда было головой, расколосось, давая дорогу воде. Над новорожденным источником вился пар, в клубах которого бродила короткохвостая лошадь и рассуждала о кабаньей охоте, затем лошадь стала розовой, потому что «крашенные» понесли большие потери от артиллерийского огня. Тут-то Хейл и навалился всей мощью... Дриксы побежали, в центре линии образовалась дыра, только лезть в нее было

нельзя! Чарльз пытался это объяснить, но кто станет слушать какой-то родник?!

В дыре замерцало, оттуда выбежал Уилер, вскочил на розового коня и ускакал по гулкой, как барабан, земле в сплетенные из лебедей и сердец ворота, тоже розовые, Ворота вели в Рассвет, он переливался и блестел, от него тошнило. Давенпорт зажмурился, тут-то его и закопали, забив глотку сухой мелкой пылью... Пыль, вот и все, что осталось от перевалов, которые штурмовали веками, всё становится пылью – серой, холодной, отвратительно мертвой... Защищать ее нет смысла, как и завоевывать! Пыль – это и есть конец всему.

Обрушившийся сверху холод был внезапен. Что-то вспороло курган, под которым лежал Чарльз, и повлекло наверх, к свободе! Капитан облизнул шершавые губы и приоткрыл глаза – в клочковатом тумане медленно кружил огромный гаунау. Вроде бы капрал, вроде бы с ведром... Давенпорт сел. Схватился за голову, по которой, казалось, проскакал кавалерийский полк. Хуже, конная артиллерия! Во рту пересохло, но в горле стояло что-то кисло-студенистое и рвалось наружу.

– Леворукий! – прохрипело рядом. – Леворукий и все его подлые твари... Зачем тут дерево?

Плеснуло, зарычало, опять полилась вода. Чарльз сглотнул несколько раз, мимо один за другим шли гаунау с ведрами, но Давенпорт точно знал, что в плен его не брали.

– Гхде? – провыл хрипатый сосед. – Гх-х-х-где эта дрянь

алатская?!

Чарльзу было плевать где, лишь бы стало тихо, но до страданий Давенпорта никому дела не было. Вокруг кашляли, бурчали, ругались, главным образом по-гаунаски, а вот рядом точно бранился талигоец. Реддинг! Живой и серо-зеленый, как замшелая каменюка.

– Тюрегвизе! – словно выплюнул он. – Это тюрегвизе... Где Уилер?! Убью...

– Уилер ускакал, – брякнул Чарльз и понял, что Уилер на розовом коне был бредом, и не только Уилер... Они не клевали изумруды, они пили тюрегвизе...

– Уехал?!

– Наверное, – вывернулся Давенпорт, выуживая из памяти обрывки разговоров. – Маршал велел ему явиться... С самого утра...

– Сволочь! – начал столь же зеленый, что и Реддинг, Шлянгер и вдруг сменил тон: – Прошу простить... Я про...

– Это мои извинения... – Лауэншельд тоже держался за голову и тоже был мокр до нитки. – Вас следовало... вернуть в расположение... талигойских... Приказ... его величества выполнили бездумно...

– Что еще за... приказ?

– Отливать спящих не в своих палатках офицеров водой... невзирая на звания и заслуги... Солдаты исполняли, не... приняв во внимание, что вы... любезно... согласились воспользоваться гостеприимством моего полка... не являе-

тесь подданными... Проклятье! Моя голова...

— Гостеприимством... — пробормотал Реддинг. — Мы были под соснами... у нас... То есть все равно у вас... Проклятье...

— Мы пошли в гости. — Теперь Давенпорт вспомнил вчерашний вечер, с ночью было хуже. — Нас пригласили, мы пошли... Мы с вами, Сэц-Алан, Уилер, бергеры Вайскопфа. Они не хотели, но вы приказали.

Под соснами пили вино, сладкое... Потом Уилер брякнул на стол первый бочонок, его прикончили и со вторым пошли в гости. К Лауэншельду — у ронсвикцев стыло мясо, к которому до прихода врагов не притрагивались, и темное пиво... Много пива. Море, океан...

— Нужно выпить пива! — Лауэншельд тяжело поднялся на ноги, загородив половину неба. — Мы выпьем пива, и все будет намного лучше. Прошу прощения...

О чем докладывал полковнику бледно-зеленый адъютант, не владевший гаунау Давенпорт не понял, зато понял Реддинг.

— Нет у них пива, — перевел он, — ни капли... Вчера выдули всё. Совсем всё. Сперва у нас, потом — у них...

2

Это никто не назвал бы похмельем. Просто было зябко и тревожно, будто война все еще висела над головой. Впро-

чем, завтрак с Хайнрихом после ужина с ним же с успехом заменял безнадежный бой в окружении. Маршал Савиньяк умилился сравнению и провел гребнем по волосам. От ночи варварской откровенности и варварской же попойки уцелел разве что туман в ущельях и опрометчивых головах, а утро сведет за столом хоть и договорившихся, но врагов, так что прощай, «Леворукий». Свое дело ты сделал, отправляйся к своим кошкам!

Лионель застегнул талигойский мундир и какое-то время разглядывал усыпанных отменными изумрудами лебедей, принимавших в объятья то Алису, то Манрика, то Фридриха. Странный путь от дриксенской королевы до дриксенского же болвана. Круг замыкался, в этом было что-то одновременно забавное и настораживающее.

Презент Лионель завернул в трофейный гвардейский шарф, что, будь он Хайнрихом, немало бы его развеселило...

– Ба! – развеселился Хайнрих. – Гвардия Фридриха не умирает, но удирает, теряя тряпки. Жаль, вы не подобрали подштанники!

Король был свеж и уже благоухал пивом. Лионель положил на стол флягу.

– Мне показалось, алатский напиток пришелся вам по вкусу. Говорят, если он не убивает сразу, то делает сильнее.

– Не откажусь! Я должен был взять в жены алатскую принцессу, но она решила стать бабкой вашего узурпатора... Ларс, расстилай здесь. Эти шкуры я добыл в горах. Отныне

их место – у камина вашей матушки.

– Черные медведи за розовых лебедей... Готовая притча, а моя матушка балуется пером. – мех был темным, темней, чем у алатских медведей, а вот зубы и когти отличались мало. – Варварский обычай позволяет снимать шкуру даже с герба?

– Двое медведей в одной берлоге не уживаются. Я каждый год это доказываю при помощи рогатины. Это удобней и дешевле тайной канцелярии, которую держит мой родич кесарь. То есть держал.

Пауза, которой позавидует сам дядюшка Рафиано. Излом щедр на сюрпризы.

– Его величество Готфрид проникся доверием к своим подданным?

– Напротив. Он стал настолько умен, что захотел придушить племянника. И настолько глуп, что отослал врача и канцлера, и готово. Удар. Талиг ждет большая и дурная война. Фридрих заслужит свое Золотое Дерьмо, но крови будет много. Сперва в Придде, потом в Эйнрехте...

– В Дриксен так любят проигравших?

– Проигравших любят коровы. Толстые коровы, которых доят. Принцесса Гудрун именем Создателя поклялась, что отец назначил Фридриха регентом, а сам Создатель молчалив, как малютка Ольгерд.

– Наследник до сих пор не говорит?

– Не говорит и не будет. Сейчас в Эйнрехте слышно толь-

ко Фридриха и Гудрун.

Огромные руки откупоривают флягу. Тюрегвизе пахнет дымом, полынью и чем-то еще. Видимо, войной. Готфрида нет, есть Фридрих... Для подобной новости лучше бы подошла «пьяная» ночь, но Хайнрих предпочел не «проговориться», а сказать.

– Ваше величество, если рамку дополнить четырьмя коронами, она лишь выиграет.

– У моих ювелиров не будет времени. В Липпе меня встретит гонец. Фридрих станет требовать развода. Он его получит, если признает свою вину. Каплун паршивый, четыре года – и ни единого ребенка! В моем доме женщины умеют рожать, в доме Зильбершванфлоссе единственный мужчина – сестра Готфрида, но ее сыновья уже Штарквинды. Перемирие между Талигом и Дриксен заключат кесарь Иоганн и...

– Регент Талига, – невозмутимо продолжил Лионель.

Хайнрих сдвинул брови.

– Регентство – зло! – изрек он. – Корона не должна расставаться с мечом, особенно в дурной год. У Талига и Дриксен головы нет, у церкви тоже, а лето даже не перевалило за половину. Алва, если он жив, примет корону? Малолетний Карл – это смешно.

– Алва, если он жив, сделает то, что нужно Талигу.

– Талигу нужна голова, но Алву на свободе никто не видел. Следующий – Ноймаринен... но он стар для такого года. Третий в очереди – глава дома Савиньяк.

– Четвертый. Отречение Фердинанда недействительно. – А здесь Медведь тебя поймал. Забыть про сыновей Рудольфа – признать, что им не вытянуть. Ни Людвигу, ни Альберту... И это так и есть.

– Круг Олларов закончился. Варвар бы это признал, но варвары не носят маршальских мундиров.

Хитрый взгляд, очень хитрый, но Савиньяки лояльны Олларам, особенно при чужеземных королях.

– О конце круга Олларов первым заговорил эсператист.

– О конце Олларов сказали сами Оллары. Прошлой осенью. Король может быть победителем дракона, может быть драконом или... зверем попроще, только не каплуном. Около полуночи вы отошли к костру. Что вы видели в огне?

– Ничего. Я что-то упустил?

– Или я увидел то, чего нет. Полнолуние, алатская касера, конец Круга и похода... Этого довольно, чтобы камень показался глиной. Ваш офицер, тот, кто почуял обвал, мог что-то заметить, но он пьян так же безобразно, как и Лауэншельд. Я приказал отливать их водой.

– В Талиге подобное лечат подобным.

– Все подобное находится на нашем столе. Если ваши и мои вояки настолько безмозглы, что пьют касеру после вина, пиво после касеры и ничего не оставляют на утро, пусть умнеют.

– Я сожалею, но выехавший перед рассветом офицер получил приказ обеспечить доставку пива из Бергмарк.

Хайнрих захохотал и открыл флягу с тюрегвизе.

– Ха! – громыхнул он. – Это пиво утвердит наш договор окончательно!

3

Самым страшным, что мог вообразить себе Чарльз, был бы приказ немедленно сесть в седло и куда-то поехать, пусть бы и шагом. Чего боялись Лауэншельд, Реддинг и Сэц-Алан со Шлянгером, капитан знать не мог, но подозревал, что того же самого. Гости Ронсвикского Его Величества полка и любезные хозяева хмуро восседали за столом, на котором громоздилась казавшаяся издевательством *еда*. Жажду Давенпорт кое-как залил холодной водой, но голова трещала и не желала даже ругаться. Стараясь держать глаза открытыми, Чарльз слушал, как Шлянгер с небергерской страстью костерит «алатскую отраву», а длинный гаунау – полковых ординарцев, подчинившихся приказу «выставлять на столы все!». Отдавшего роковой приказ полковника не трогали, а вот уехавшего отравителя...

Уилер выкатил свое кошачье пойло и удрал к маркграфу, даже не прикоснувшись к пиву! Ночью он, как все люди, пел, плясал, стучал кружками по столу, лез на спор на сосну, а потом взял и ушел. Сперва на своих двоих, потом на четырех подкованных, бросив остающихся подыхать... Это возмущало Реддинга, это осуждали бергеры, а гаунау явно не распро-

страняли перемирие с Талигом на виновника всех бед, но тот уже скрылся за перевалом.

– Надо идти! – в шестой или седьмой раз заявил Реддинг и остался сидеть. Ординарец притащил какие-то ягоды. Зеленые с розовым, они приятно кислили, но прояснить голову им было не под силу.

– О! – Шлянгер ткнул пальцем в сторону гор. – Едут, негодяи... Едут и едут... И зачем?

Со стороны перевала по верхней дороге и впрямь что-то ползло. Рассмотреть незваных гостей было вполне возможно, но труба имелась только у Лауэншельда. Избегавший лишних движений полковник не торопился ее вытаскивать, а кавалькада приближалась. Растущие фигурки оказались лазоревыми, лишь впереди бурела парочка гаунау. Всадники вели в поводу низкорослых заводных лошадок и направлялись прямиком к ронсвикцам, о чем Лауэншельд и сообщил. Подчиненные полковника что-то буркнули и замолкли. Шлянгер поморщился, сидевший спиной к дороге Сэц-Алан даже не обернулся, Реддинг закашлялся.

– Бергеры, – зачем-то каркнул Чарльз и понял, что придется ехать. Вот сейчас и придется. Рядом с этими выпавшими и здоровыми... А всадники спешили, возились у временной коновязи, поглядывали на стоявшее почти в зените солнце. Хорошо бы Савиньяк до сих пор спал... Разговор с маршалом, особенно если тот в порядке, бесил заранее. Лучше уж трястись по горной дороге, да и на пограничном

посту должно найтись хоть что-то, кроме воды.

– Господа! – Лауэншельд казался пародией на самого себя. – У нас... гости...

– Поручение маршала Савиньяка. – Омерзительно румяный бергер с омерзительной же ухмылкой обозрел союзников, врагов и соотечественников. – Пиво. Дюжина бочонков. Маршал Савиньяк благодарит Ронсвикский полк за гостеприимство. Маршал Савиньяк разрешает своим офицерам, являющимся гостями ронсвикцев, задержаться в Гаунау на один день.

– Благодарю. – Налитые кровью глаза Лауэншельда уперлись в бирюзового ангела. – Друг мой, прошу за стол. Если у вас, разумеется, нет другого приказа.

Ничего другого у спасителя не было. Только пиво – светлое! – и волчий голод. Бергер с чувством выполненного долга глотал холодное мясо; как оживают спасенные, он не смотрел.

– Господа, вы все еще утверждаете, что светлое пить невозможно?

– Бывают обстоятельства...

– У этих обстоятельств есть имя и фамилия.

– Господа, если вы встретите Уилера, убейте его!

– Взаимно!

– Мы не можем. Его величество подписал перемирие...

– Кто-нибудь помнит, что говорит Золотой Договор о выдаче отравителей?

– Золотой Договор околел... Ваше здоровье!

– Наше здоровье! Наше...

– Здоровье капитана... Друг мой, как ваше имя?

Незнакомый бергер, и сразу «друг»?! Лауэншельда понять можно, благодарность стирает любые преграды. Капитану сложнее. Услышать подобное от гаунау и не подавиться – для этого надо быть... бергером!

Спаситель не давился, но и не отвечал. Одно дело – доставить врагам пиво, другое – позволить за себя пить!

– Капитан, – к Реддингу вернулся не только румянец, но и смекалка, – как вас зовут?

– Норман Вестенхозе, господин полковник.

– Ба! В нашем полку служат двое Вестенхозе!

– Тезки – это к удаче... К большой удаче!

– Разыскать премьер-лейтенанта Вестенхозе. Немедленно.

– А пока за нашего гостя! Нашего сегодняшнего гостя...

– Капитан, пейте! Маркграф одобряет перемирие.

Головная боль отползает, словно туман в ущелье, тошнота уже прошла. Глупо было напиваться, но веселиться – то же, что бежать под гору, раз уж начал – попробуй остановись! Ведь знали же, что после касеры вино валит с ног, а пиво еще слабее вина.

– Самое страшное, – снял с языка мысль уже не столь похожий на выходца Сэц-Алан, – это мешать пиво с касерой!

– Просыпаться в пустыне хуже! В сухой пустыне...

– Самое страшное, – вдруг сказал Чарльз, – это ничего не мочь... Только смотреть...

– Ну так выпьем за то, чтоб мы могли! – очень серьезно произнес Лауэншельд. – Везде и всегда!

Глава 2

Сагранна. Бакрия. Талиг. Придда 400 год К.С. 1-й день Летних Ветров

1

«Это было печально», вернее, обидно. Впервые увидеть бакранских козлов не в летних пятнистых скалах, а скучной осенью на улочках Тронко не лучше, чем сорвать поцелуй под лестницей, когда есть соловьиный сад. Пришедший в голову образ Марселю понравился, но, увы, он совершенно не годился для дам. Виконт задумался, годятся ли для дам сами козлы. А почему бы и нет? Но девушка должна быть худощава и обязательно черноволоса. Блондинка или рыжая на козле покажется вызывающей, а шатенка слишком будничной, разве что вырчат рога. Бакраны надумали раскрашивать своих красавцев, чтобы отличать десятников и сотников, но придуманное для войны часто становится модным. Пусть бакранские офицеры разъезжают на сине- и красно-рогах, дамских скакунов можно и озлаторожить.

— *«Это будет шикарно, ты сидишь на козле и печально и страстно улыбаешься мне...»* — воспел предполагаемую наездницу Марсель и устыдился пришедшей в голову

несуразицы, не только позорной, но и опасной. Сегодня рифмуешь «козле – мне», завтра наденешь белые штаны, а послезавтра изменишь любезному отечеству и не заметишь... Не заметил же он, как перепутал козла и коня. Пусть «ко-не – мне» по форме и пристойно, по сути оно неправильно, несправедливо и нарушает законы гостеприимства. То ли дело...

– *«Это было шикарно, – тихонько пропел Валме, – ты седлала козла и звездой незакатной в моем сердце взошла...»*

– Ась? – насторожился генерал Коннер, сопровождавший Рокэ с алатской границы.

– Пою, – объяснил Марсель. – От избытка чувств. Высокие горы, высокие чувства. Они требуют выхода.

– Это точно, – засмеялся Коннер. Генерал Марселю нравился, еще когда ходил в полковниках. Бывший адун отменно знал Варасту, любил Алву, Талиг и волкодавов и являлся прямой противоположностью покойному Килеану. Был бы варастиец еще не столь доверчив! Валме никогда не отказывался от похвал, но предпочитал, чтобы хвалили именно его, а не сиропные выдумки. Это покойникам все равно, когда их обсыпают сахаром, живые должны защищаться! Марсель пытался – толку-то! Младший Шеманталь с достойным Дидериха талантом расписал похищение Ворона и вопли на бастионе, после чего к Валме прилип ярлык очумелого храбреца. Не спасла даже Рассанна. На переправе виконт честно признался, что терпеть не может паромы. Адунаны проржали

над «шуткой» до самого берега. Хорошо, в горах не утонешь. В горах вообще хорошо.

Валме запрокинул голову, разглядывая дальние золотящиеся снега. Есть красота, хихикать над которой могут лишь полные бестолочи. Сагранна была прекрасна до неистовства. В таких краях и под такими небесами не захочешь, а произойдешь от барса или козла, потому что козлы на скалах – это великолепно!

– Не бакранам на них ездить можно? – не выдержал Валме.

– А как же! Они, конечно, кого попало к рогачам своим не подпустят, но кто Бакре угоден, тот и козлу хорош. Я-то сам не пробовал, не до того, а вот парни, что козлятников понашенски воевать учат, за два года насобачились, о-го-го!

– Я бы тоже попробовал. Если никто не восплачет...

– Вы ж при Монсеньоре, а он для бакранов поглавней их Бакны будет. О, Симон! Ты откуда?

– Так что, господин енерал! – оттарабанил незнакомый и пыльный, как десяток мельников, адуан. – Письмо до господина капитана. Срочно! От южного Примпердора.

Папенька-примпердор расстарался аж на восемь листов. Новостей хватало, по большей части вполне приличных, но к ним, как палач к куаферам, затесалось известие из Оллари. Балбес Окделл зарезал королеву, и Марселю Валме предстояло объявить об этом Ворону.

– Гадство! – с чувством сообщил новоявленный черный

вестник сощурившемся Коннеру. – Не у нас, в Олларии. А докладывать мне.

– А надо? Докладывать то бишь? – усомнился «енерал». – Может, обождать до осени, чего голову Монсеньору пакостями забивать? Или нет?

– Дидерих его знает! Если б мы еще не к ведьме ехали...

– Да уж, жабу их соловей! Нагадают невесть чего, а потом думай, откуда хвост вырос! А с другой стороны глянуть, так с пулей, что *уже* засела в заднице, хоть бы и своей, проще, чем с пулей в чужой пулелейке. А ну как в лоб или в брюхо всадят?

– Скажу, – решил Валме, высылая коня. Серебристые то ли неколючие сосны, то ли некорявые акации ловили солнце, хихикала мелкая безопасная речка, красовались на верхней тропе бакранские всадники. Поход продолжался, а женщина, которую связывали с Алвой, умерла, и как же нелепо! Влюбленный мальчишка с ножом – это как поскользнуться на упавшей сливе, но ведь поскользнулся же шлемоблещущий Касмий! Спасая честь анаксии, Иссерциал превратил сливу в выпущенную гайисскими супостатами змею, но это была слива! И это был Окделл, которого Эпинэ укладывал спать, а он вопил про свою «ковалеру»... Вопил, любил, убил... Считалка какая-то! Иссерциал со сливой, детки со считалками и поганая сказка, так и норовящая пролезть в жизнь.

– Монсеньор! В смысле, господин регент...

– Да? – Ворон придержал лошадь, вынуждая ехавших рядом Шеманталей и морисское чудище продолжить путь без него.

– Что ты думаешь о сказочном дураке, которого Смерть гоняла к королю с новостями?

– Ему нравилось разносить гадости. За что и поплатился.

– Сплетничать нравится многим, – кивнул Марсель, – но мне как-то разонравилось. К несчастью, эта дура меня не спрашивает. Я имею в виду Смерть...

– Ну и кто у кого умер? – поднял бровь Ворон. – Помнится, между конем и самим королем были жена и дети.

– Ты уверен, что у тебя их нет?

– Кто умер?

– Ее величество Катарина.

– Странно...

– Странно?!

– И не вовремя. Ребенок тоже?

– Жив. Назвали Октавием. Симпатично и с намеком. Будешь читать письмо?

– Оно большое?

– Восемь листов.

– Вечером. Вы ведь были знакомы с детства?

– Не слишком близко, но графиня Ариго держала меня за жениха. Меня и Савиньяков. Потом перестала, а чуть более потом умерла Магдала Эпинэ. Папеньку это совпадение весьма занимало. Тебе посочувствовать?

– Мне – нет, Талигу – безусловно.

– Талигу я посочувствую на бастионе, ведь полезем же мы на какой-нибудь бастион... Рокэ, это проклятье или нет?

– Если и проклятье, то не мое. Или я этого еще не понял.

– Катарину убил Окделл. Отец пишет – из мести, но он этого Повелителя не видел. Месть в него просто не влезет.

– Хорошо, – одобрил непонятно что Алва. – Давай письмо.

2

Когда на тебя вот-вот навалятся превосходящими силами, нужно точно знать, что творится за спиной. В этом генерал Ариго был полностью согласен с командующим. Неудивительно, что свой теперь уже чисто конный корпус Жермон вел к Мариенбургу так быстро, как только мог себе позволить, не подвергая излишнему риску лошадей. Генерала подгонял приказ и – в куда большей степени – собственные страхи. Пока шла осада Доннервальда, Бруно не спешил отвлекаться на другие цели и не поддавался на уловки талигоского маршала. Если называть вещи своими именами, «гусь» переигрывал фок Варзов по всем статьям, и старик уже не был столь уверен, что быстро и правильно разгадает намерения дрикса. В отличие от Бруно, раскусившего уже второй маневр фок Варзов, пытавшегося отвлечь врага от добычи.

Варзов знал местность. Знал, где «гуси» могут остано-

виться, если решат ждать противника на выгодной для себя позиции. Но нет – фельдмаршал не остановился, а быстрым маршем двинулся навстречу. Спасибо «фульгатам», предупредили вовремя. Варзов понял, что враг настроен решительно. Численное преимущество, и приличное, было за Бруно, вот он и стремился к сражению, в котором не без оснований рассчитывал на успех. Варзов попробовал обойти противника, увести в сторону, но не получилось: маневр раскусили. Теперь уже Бруно грозил обойти Вольфганга и прижать к Хербсте, что пахло катастрофой... Пришлось талигойцам устраивать себе затяжной марш, возвращаясь на удобные для обороны тармские холмы. Бруно к Тарме не пошел, атаковать там ему было неинтересно, и все вернулось на исходные позиции.

Три недели маневров прошли практически без толку. Осадные работы затормозить не удалось, отвлечь дриков от Доннервальда и утянуть за собой куда подальше – тоже, а уж теперь...

Жермон приподнялся на стременах, из-под руки всматриваясь в чуть холмистую, радостно зеленую даль. Никаких сюрпризов не ожидалось, просто напряжение требовало хоть какого-то действия.

– Мой генерал, труба.

У Жермона имелась собственная труба, не заметить этого Арно не мог. Просто парню захотелось поговорить.

– Давай! – Ариго навел окуляр на видимый безо всяких

приборов то ли холм, то ли курган, намеченный для короткого полуденного отдыха. – Никогда не думал, что в Придде столько курганов... Когда мы уходили от Печального, нарвались на целую россыпь... С подвохом. Будет забавно, если и тут вспугнем каких-нибудь «Забияк».

– Прикажете проверить?

Юный герой, надежда Талига, рвется вперед. Ничего, обойдется.

– Баваар проверит, – безжалостно пресек поползновение Жермон. – Тебе нравится, когда проверяют *тебя*?

– Нет!.. мой генерал.

Ойген сумел бы развить мысль должным образом, сделав ее незабываемой, Ариго подобными талантами не блистал. С Валентином было проще, наверное, потому что Придд был там, где хотел, а вот малыш Арно... Он в самом деле показал себя неплохим разведчиком, Давенпорт ему не мешал, а потом пара генералов и один маршал загнали парня в штаб.

– Мой генерал, разрешите спросить.

– Валяй!

– Я хотел бы узнать, что вы думаете... Не о полковнике Придде, – Арно старательно улыбнулся, – о вашем последнем рейде. Вчера вы заметили, что он вышел пустым.

Решил заняться стратегией. Неплохо. Теньенты должны обсуждать генералов, только тогда они станут таковыми, а Савиньяк-негенерал может быть только маршалом.

– Мы опоздали, Арно, а вот «гуси» сработали быстро. Мы

нашли на месте переправы оставленный лагерь... Так что зря я удивлялся дриксенской запасливости и количеству подготовленных понтонов.

– А другие?

– Что другие?

– Другие ничему не удивлялись? Им как будто так и надо, да? Я же не слепой... Вы не хотели уходить на Язык и не верили, что Бруно будет воевать по Пфейтфайеру!

Так, похоже, малый штаб в лице трех тенъентов и одного полковника не дремлет.

– Бруно воюет по Павсанию, – проверил догадку Ариго.

– Простите! По кому?

– Есть такой стратег, – туманно объяснил Ариго и внезапно хихикнул, вспомнив явившегося в бреду ежа.

Арно сдвинул брови и поправил обреченную шляпу. Значит, Придд молчит. Это Арно соизволил убрать в мешок субординацию и выпустить на волю фамильную дружбу. Как прошлой осенью на дороге в Вальдзее.

– Мой генерал, кто поведет армию, если... если маршал заболит? Вы?

– Фок Варзов здоров, тенъент Савиньяк!

– У него давно плохо с сердцем, и он проигрывает. Мой генерал, я ни с кем об этом не говорю, но я... Я именно что Савиньяк... В нашем доме... невозможно не разбираться в некоторых вещах! Бруно прет вперед, мы пятимся. Нас обманули с переправой, застали врасплох и чуть не разгроми-

ли, хорошо, Ансел подрос. У нас ничего не вышло с Дон-нервальдом, мы же гарнизон... просто бросили. Вас погнали в рейд. Без толку, теперь опять... А если Бруно что-нибудь еще выкинет, а вас при основных силах не будет?

– Не делай из меня Алву.

– Я не делаю! Маршал Алва другой... Он лучший из всех, но его здесь нет. Есть вы. И вы тоже под дудку Бруно не пляшете.

– Пляшу, потому что дриков больше и у них есть резервы. Ты про рейд спрашивал... У нас едва не вышел бой с дриксенским отрядом. «Гуси» подходили с востока и явно нацелились прижать нас к реке. Я заподозрил, что это не все вражеские силы, и от боя уклонился. Раз переправы нет, не будет и прущих через нее, значит, и рисковать смысла нет. Я попятился в Тарму и считаю, что правильно. Как и фок Варзов.

– Вы правы, – уперся большой стратег, – это маршал просчитался... Сейчас другое время. Я не про возраст, Бруно такой же...

– За Бруно вся Дриксен, – устало объявил Жермон. Спорить не тянуло, тянуло ссориться, вернее, орать и затыкать рот.

– Мой генерал...

– Приказать тебе за... молкнуть? – Вот ведь радость – днем затыкать таких вот «умников», а ночью таращиться на карту, пытаясь найти нечто не найденное Вольфгангом. Не

находить, но чувствовать, что оно есть. Есть, кошки его раздери!

– Мой генерал, – другой тон, тенъентский, – опять драгуны Гаузера. Трое и «фульгат».

Курган послужил ориентиром не только для кавалеристов Жермона. Всмотревшись, генерал узнал Бабочку. Значит, Кроунер, и с ним чужаки. Очередные новости из Мариенбурга?

– Ты прав. – Ариго натянул поводья и поднял руку, давая знак старшим офицерам. – Вряд ли стоит ждать хорошего, впрочем, не привыкать!

Не привыкать, это да, но тревога, возникшая при виде приближающихся всадников, удивляла. Даже не тревога, то напряжение, что накатывает перед боем. Словно не курьер навстречу рысит, а трубач, уже собравшийся трубить «Атаку».

– Мой генерал, от Маллэ.

Сержант. Еще молодой, лицо хмурое, неприветливое. С такой миной только гадости и возить.

– Кто такой?

– Сержант Натти, господин генерал. С письмом к командующему, маршалу фок Варзов.

– Что в Мариенбурге?

– У нас пока ничего, господин генерал. Все дриксы – у Ойленфурта.

– Не взяли пока?

– Когда мы уезжали, держались. – В глазах сержанта

мелькнуло некое сомнение, но понять, по какому именно поводу, Жермон не сумел. – Господин полковник Гаузер говорили, недолго осталось. Может, уже и взяли...

– Давай-ка подробней.

– Так, господин генерал, я же сержант. Планов начальства не знаю. Вчера утром чуть не всех подняли, велели готовиться. И нас – тоже. К чему, зачем, не скажу, я раньше уехал.

– Донесение давай. Давай, я сказал, сейчас я тут вместо командующего.

Письмо было коротким: в городе и вокруг него спокойно, но, по данным из Ойленфурта, гарнизон сможет его удерживать не более трех дней. Генерал Маллэ принимает решение собрать лучшие свои силы и помочь осажденным пробиться из окружения. О результатах предприятия и добытых во время его проведения сведениях будет доложено незамедлительно.

Так, сигнал «Атака» чудился не зря. Будет и атака, и все, что полагается... Пожалуй, к самому прорыву не успеть, разве что Маллэ решит денек повременить, но это вряд ли – там внезапность важна. Значит, завтра к вечеру выйти к окрестностям Ойленфурта...

– Баваар, как по-вашему, до Ойленфурта мы в два дня доберемся?

– Если напрямик и гнать, можем и добраться... Но можем и с ходу напороться на «гусей». Ближе к реке, если с востока идти, совсем голые места.

Не можем напороться, а напоремся...

– Сержант, донесение я запечатаю, и скачите дальше. Заодно прихватите и мое. Господа, полчаса на отдых, и выступаем.

3

На этом уступе могли жить боги. Богам в горах самое место, особенно в таких. Рассеченный облачными ожерельями дальний хребет, рев потока, заступившие дорогу отвесные скалы – багряные, черные, золотистые... Стену стерегут причудливые обломки; усыпанные розоватыми ягодами деревца, нарядные, будто служаночки из хорошего дома, провожают гостей до порога, чтобы препоручить нацепившему двойную радугу водопаду... Да, боги могут здесь жить, но не живут, иначе б кошки с две сюда пускали Премудрую Гарри.

Старуха напоминала о столь любезной дуракам и дурочкам нелепице – дескать, женская мудрость идет рука об руку с уродством. Чушь! С уродством никто на прогулку не отправится. Премудрая должна быть такой, как Франческа, если ее одеть по-бакрански и посадить на черного козла с золотыми рогами. Такой Премудрой не только приятно являть свою волю, но и гадость возвещать не захочется, а бакраны посылают к богам старых гримз, вот и допрыгались до Полвары.

– Обалдел? – Коннер гордился бакранами и Бакрией, как

овчарка – отарой. – Тут обалдеешь... О чем думаешь?

– О том, что розовое с зеленым пошло на людях, но не на деревьях. Эти ягоды едят?

– Абехо-то? Тергачи здешние клюют за милую душу, а люди – кто как... Яги, пока их бириисцы не перерезали, из падалицы винишко гнали. У них оно навроде святой воды было. А бакраны, жабу их соловей, абехо сушат и на свадьбах заваривают для молодых, ну и суд у них ягодный... Слыхал?

Политес требовал сказать, что не слыхал, но это было бы слишком наглым враньем, и Валме просто полюбопытствовал, чего ждать сейчас. Оказалось, ничего страшного. Рокэ наберет у водопада воды и выльет на алтарную плиту. Опасным это не казалось, но кто этого Алву разберет? Когда грозился, не упал, а теперь возьмет и свалится. Богобоязненные бакраны, чего доброго, решат, что так и надо... Ни Гарра, ни морисский старик маршала не удержат, зато Валмон для особых поручений – вполне.

Марсель подмигнул Коннеру и полез за Вороном. Сперва к водопаду, а потом назад, по вырубленным в скале преотвратным ступенькам. Будь цело пузо, виконт проклял бы все сущее уже на середине лестницы, но пузо хозяину изменило, и тот благополучно достиг алтаря.

Черное обсидиановое зеркало смотрело в глаза небу. На нем не резали козлов и не возжигали огонь. Не было даже цветов, хотя дрожавшие над пропастью алые и белые колокольчики словно просили, чтоб их куда-нибудь возложили.

– Уходи! – бросил Алва.

– А что я буду рассказывать Коко?

– Тогда *не* уходи.

Солнце коснулось дальней острой вершины, только коснулось... Гарра воздела руки и завопила, Бакна Первый и его наследник приложили ладони к щекам и отшагнули назад, оставляя у алтаря Алву с мориском и ведьмой. И Марсея.

Ведьма крикнула еще раз, позади грохнуло и зазвенело – почетный бакранский караул колотил мечами о щиты. Рокэ, держа в руках кожаное ведро с довольно приятным узором, слушал неожиданно звонкие вопли. Марсея не гнали. Он стоял и смотрел. Не на Гарру и не на Алву – на окружающие алтарь козлиные черепа, что казались совсем не козлиными. Они, их жабу и даже рыбу кто-нибудь, словно выросли из земли вместе со своими шестью и теперь таращились на уходящее солнце. Очень неприятно таращились.

Несмотря на изысканное общество и яркий свет, стало неуютно, куда неуютней, чем в полночь в Нохе. Валтазар был чем-то привычным и законным, о нем даже в трактатах писали, надорскую трагедию Валме лично не наблюдал, а тут со всех сторон лезло нечто древнее, то, над чем они с Франческой пытались смеяться, то, что спало в озерах Гальбрэ...

Алва шагнул к алтарю, Марсель не отстал. Плеснуло. Упало на щебень пустое ведро, зашуршало каменным ящером. По черной плите растекалась вода. Мокрый обсидиан злобно блестел, отражая солнце и четыре смутные фигуры. Вал-

ме покосился на небо – светило расселось на вершине, как на троне или... на зубцах треклятой башни, спасибо, вокруг никто не вился. Птичек бы Валме не перенес.

За спиной опять грохнули мечом о щит, на этот раз расстарался кто-то одинокий. Ведьма вытянула сухие лапки над плитой и заголосила пуще прежнего. Алва четко произнес нечто непонятное и, преклонив колени, положил ладони на камень. Зрелище было еще то... Вцепившийся в гору сверкающий шар, рогатые черепа и глядящий в черное никуда мужчина. Их здесь торчало четверо, но камень теперь видел лишь одного. Ни Гарри, ни мориска, ни собственной физиономии Марсель в зеркале не наблюдал, хотя стоял совсем рядом, а из-под рук Рокэ... из-под левой руки... расплывалось багровое пятно. Темное, с алыми прожилками, как сгорающее письмо, оно захватывало алтарь, и тот исчезал и при этом оставался, будто в каменные границы кто-то загнал вечерние облака. Облака клубились, наползали друг на друга, но черные ребра, единственное, что еще оставалось от плиты, не давали им расползаться, а потом в закатном вареве что-то возникло. Похожее очертаньями на козлиный череп, оно пыталось вырваться из-под кипящих туч, а те все сильнее наливались кровью, темной, уже неживой. Черно-красная мешанина вызывала головокружение, но Валме не отводил взгляда, пытаясь запомнить пожирающие друг друга тени. Облачная собака... Что-то вроде фельпского «ызарга»... Бык с необычайной головой... Сова или очень толстый орел...

Непонятная птица взмахнула крыльями и развалилась надвое, давая волю черному пятну, медленно открывавшему золотые глаза...

– Рожа! – брякнул, наплевав на все ужасы и ритуалы, язык виконта. – Опять Рожа... У, мерзость!

Глава 3

Талиг. Оллария. Талиг.

Придда. Сагранна

400 год К.С. 1–2-й день Летних Ветров

1

Красная капля на белом притягивала взгляд. Она была единственной и яркой, как драгоценность. И еще непонятной. Что-то кольнуло запястье, недовольно пискнул копавшийся в своих коржиках Клемент, Робер поднес руку к глазам, и на едва начатое письмо капнуло. Иноходец вытащил платок и вытер руку. Подождал. Ранка, хоть и открылась, кровоточить раздумала. Клемент вылез из хлебницы и подошел поближе, но на письмо не полез. Робер на всякий случай обвязал запястье все тем же платком и понял, что работать не может. И говорить не может, и думать. Нужно было ехать. Немедленно! Скакать. Нестись. Лететь.

В приемной чего-то ждали кавалерист и пара негоциантов. Кажется, Робер их приглашал. Или не их? Вскочивший адъютант принялся напоминать, Робер, почти не соображая, бросил: «Потом» – и выбежал. Дракко стоял в конюшне, и Эпинэ изменил полумориску, вскочив на топтавшегося у

стены жеребца Сэц-Арижа. Адъютанта видно не было.

– Разыщите Жильбера! – велел Робер открывшему рот часовому. – Пусть приведет Дракко к Капуль-Гизайлям.

Часовой что-то крикнул, и Эпине вылетел за ворота. На улице былолюдно, пришлось придержать коня. Что он едет в Ноху, Эпинэ сообразил, лишь проскочив Ружский дворец. Дворец, из которого увозили Алву. Дворец, где слишком многое встало на свои места...

Впереди звонили колокола, напоминая о вечерней службе. В распахнутые ворота аббатства вливался хилый людской ручеек – эсператистов в столице не прибавлялось. Караул пропустил Проэмперадора во Внутреннюю Ноху, и не подумав расспрашивать. Помнящая смерть Альдо и кровь Айнс-меллера площадь была чисто выметена и залита еще не красным солнцем.

– Его высокопреосвященство на террасе, – объявил вновь обретающийся у Левия Пьетро. – Кормит малых сих.

Малые сии с писком и урчанием вырывали хлеб свой у ближних своих. Голуби лезли друг на друга, то и дело пуская в ход клювы и крылья. Между ними прыгали воробьи. Эти просто пытались ухватить кусок и упорхнуть. Альбину на богоугодное дело его высокопреосвященство, само собой, не взял.

– Что-то случилось? – Левий щедро одарил крылатую паству крошками и улыбнулся.

– Случилось?

– Вы выглядите встревоженным. Хотите шадди?

– Не откажусь. Если вы не заняты... Сам не знаю, зачем приехал. Это было какое-то наваждение... Я опомнился в седле, у Ружского дворца, и решил, что еду к вам.

– Мои покойные собраты сочли бы вас одержимым, а меня – чернокнижником. Не желаете покормить птиц? Это смешит и успокаивает... Тот, кто определил голубя в символы ордена Милосердия, был преизрядным шутником или никогда не видел голубей. Невежество так трудно отличить от удачной шутки... Вы не находите?

– Не знаю, – пробормотал Эпинэ, глядя вниз на чистенькие светлые плиты. – Помните, что тут творилось в день коронации? Когда Альдо отдал Айнсмеллера толпе... Головы... Они кипели, как... как какой-то суп...

– Мои пансионеры напомнили вам о казни? Что-то общее есть... Лучше достаться черному льву, чем... голубиной стае. Одна память влечет за собой другую... Тело Альдо не может оставаться в часовне бесконечно. Я предлагаю предать его земле без пышности, но и без надругательства. По эсператистскому обряду, сочтя последние слова покойного бредом. Вы вправе принять такое решение?

– Думаю, что да. Да! Альдо нужно похоронить, только где? В Нохе он хотя бы в безопасности...

– Вы опасаетесь мародерства или мести?

– И того и другого. Айнсмеллера нужно было казнить, только это была не казнь! Альдо все делал не по-людски, да-

же когда не хотел зла...

– Я еще не встречал множащих зло ради него самого. Мои собратья любили рассуждать о подобном, обвиняя во всем Врага, только зло, как выходец, без зова порог не переступит. Его и зовут, будто пса. Кто – чтобы зайца принес, кто – чтоб соседа искусал. Альдо призвал целую свору, но отдавать мертвое тело на глумление – лишь множить псов. Почему бы не вывезти покойного тайно и не похоронить, скажем, в Тарнике, написав на надгробии другое имя?

– Вы правы. – Мог бы и сам догадаться! И сделать, раз уж считался другом и назвался Проэмперадором. – Лучше не откладывать. Я пришлю солдат.

– Не нужно вводить их в искушение. И напоминать об убийстве тоже не стоит. Не смотрите на меня так. Вы достаточно знаете Карваля и лошадей, чтобы оценить картину, которую здесь застали. Даже если подпруга лопнула случайно... Карваль предан вам, но преданность не обязательно слепа. И не обязательно... исполнительна. Идемте пить шадди. Встречать закат – дурная примета.

2

Высоченная одинокая башня возникла то ли из ничего, то ли из ошалевшего летнего заката. Само собой, Жермон о ней слышал; о ней слышали все, но теперь сказка встала перед глазами. Поднялся ветер, заржала чья-то лошадь, и началось...

Докладывавший Кроунер заткнулся на полуслове и сложил указательный и безымянный палец, Арно остолбенел, Карсфорн схватился за эсперу, а Жермон – за трубу. Успей генерал подумать, он бы не наставил на призрак окуляр и не увидел бы изгрызенных непогодой камней и опускавшейся на верхнюю площадку хищной птицы. Ариго опустил трубу, морок отдалился, словно в самом деле был башней, но птицы не пропали. Они кружились над зубцами и наверняка орали, на закате птицы орут всегда.

– Посмотрите в трубу, Гэвин. Оно того стоит.

Начальник штаба трубу поднял, но эсперу не выпустил, так и застыл. Вышло смешно. Золотые холмы были полны теней, криков и ржания. Величие небес и земная суeta, впечатляющее сочетание. И оскорбительное.

– Спокойно, – велел всем и себе Ариго. – Спокойно. Эту дуру видела куча народу... Столетиями видела, и ничего. Гэвин, приглядите за лагерем. Арно, Кроунер, за мной!

Он боялся, что башня исчезнет до того, как они выберутся из лагеря, но одинокий черный столб все еще ждал красное солнце. Ставший горячим ветер бил в лицо, снося лагерьный гам к востоку, созревающие травы шли волнами, крутые холмы, близнецы кургана, что корпус миновал в полдень, казались островами в неведомом море. Жермон послал Барона в галоп, увлекая за собой спутников. Они стали бы хорошей мишенью, окажись поблизости чужаки, но Баваару можно было доверять. Словно в ответ, откуда-то выскочил разь-

езд, понесся рядом. Хороший солдат будет делать свое дело хоть в Закате!

Башня не приближалась и не отдалялась, солнце почти улеглось на древние зубцы, небо стало ровным и алым, будто поле герба. Только леопарда не хватало. Или молнии...

Жеребец поднапрягся и взлетел на вершину; Жермон набрал поводья, сдерживая не коня, а себя. Желание мчаться дальше, пока Барон может бежать, пока бьется сердце, становилось нестерпимым и непозволительным. Для генерала.

– Мы... мы разве... не скачем дальше?

– В Закат собрался?

– Да!

Шалая, блаженная улыбка. Глянуть бы сейчас на себя...

– Мы идем на помощь Маллэ, а это, Арно... Это просто запомни.

– Мой генерал...

– Теньент Савиньяк, спокойно!

Удержался бы он сам, если б не корпус и не война? Если б рядом не гарцевал Арно, не сопел Кроунер, не кружили помнящие свое дело «фульгаты»? Не удержался бы. Но командующие не гоняются за ветрами, они торчат на вершинах и смотрят в зрительные трубы. Жермон так и сделал и больше не отрывал взгляд от огромного алого шара. Он не взялся бы сказать, сколько это продолжалось, хотя вряд ли больше нескольких минут. Нет, солнце не зашло, оно просто погасло, как погас бы... маяк?! От алого полотнища уцеле-

ла лишь узкая полоса... Будто лента или маршальская перевязь. Маршалы Талига носят цвета королевы. Цвета Ариго... Катарина мертва, но перевязи еще долго будут алыми... Лет двадцать, не меньше.

Странная боль заставила стянуть перчатку. Жермон взгляделся и присвистнул. Запястье кровило, но как и когда он умудрился порезаться, генерал не помнил. В перевязке подобная ерунда не нуждалась, Ариго по-бергерски лизнул ранку и сунул руку во внутренний карман, пальцы сами нащупали вытасченный в Излом камешек, «утреннюю звезду», как назвал его Ойген. То ли счастливый – не убили же, то ли, наоборот, притянувший дурацкую пулю.

– Господин генерал, так что разрешите спросить. – Опомнившийся Кроунер уже истекал любопытством. – Че это было?

Чудо это было, но Кроунер хочет чего-то «умственного», чудо ему неинтересно.

– Академики говорят, оптическое явление.

– *Ап-ти-чес-кое*, – с наслаждением повторил новое слово разведчик. – *Ап-ти-чес-кое*, значит, а ведь начнут: морок, морок... Балбесы!

3

Серьезных разговоров Марсель не начинал никогда. За него это делали беременевшие за какими-то кошками лю-

бовницы и сидящие на мели однокорытники. Даже представить, как ты подходишь к приличному человеку и принимаешься на него наседать, было противно, но куда деваться? Рожу требовалось разъяснить, и Марсель небрежно спросил:

– Что ты видел в этом тазу?

– То, что когда-то было, – вяло откликнулся Алва. Он лежал на спине и глядел на луну. Пахло дымом от охранных костров и чем-то горным, то ли травами, то ли какой-то особенной водой.

– Оно хоть стоит того, чтоб на него смотреть?

– Оно впечатляет, но ты был бы недоволен. Тебе нравятся цветочницы и собаки.

– А тебе показали золотарей и кошек? Если кошек, я не против, хоть они и портят папенькины клумбы... Собаки, кстати, тоже. Лично я видел Рожу, и она мне опять не понравилась...

– Ты видел?! – Алва рывком перевернулся на живот. По крайней мере, он был здоров. – Что именно?

– Говорю же, Рожу. Гальтарскую, я про нее сорок раз рассказывал. Она вылезла из облаков и заблестела. Облака были красные и довольно противные, но держались в алтаре. От него только ребра, или как это дело геометры называют, и остались, вот в них и клубилось. Рокэ, ты только и делаешь, что пугаешь и темнишь, теперь, будь добр, объясни. Мне эта маска не нравится, и я не желаю на нее лишний раз любоваться. Да, на всякий случай, я за тобой лез и лезть буду, да-

же если мне покажут четыре Рожи...

– Рожа предпочитает тебя. Ее не видели ни я, ни Гарра, ни Шелиах...

– Это чудище зовут Шелиах? Не прошло и двух месяцев, как ты его представил.

– Его зовут длиннее, но нам хватит и Шелиаха. Гарра смотрит в глаза Бакры всю жизнь, я – второй раз, ты и Шелиах – первый. В прошлый раз со мной был Окделл, этот упал в обморок.

– Значит, я был прав, – удовлетворенно произнес Марсель, – от этого падают... Что видел Окделл?

– Тогда я решил, что мы оба видели Леворукого. Теперь я в этом не уверен... В любом случае, придя в себя, Окделл ничего не мог вспомнить. Гарра всю жизнь видит какие-то тени и читает по ним будущее. Или думает, что читает. Создания бакранского царства Премудрая не разглядела, правда, колдовала она тогда на плохоньком алтаре в Полваре, а не у священной горы. Здесь у нее дела пошли лучше. Догадаться, что бириссцы по весне попробуют отыгаться, можно было и без Премудрой, но старуха сказала, что Бакра им не позволит. Он и не позволил – самых непримиримых заваляло прямо на месте их сходки, уцелевшие раскаялись и поползли служить Лисенку. Теперь она вновь узрела обвалы и считает, что они опять начнутся. Шелиаху показали молнии над Агарисом, ему понравилось.

– А ты что видел?

– Гальбрэ. Сперва живую, затем – мертвую... Озера только что родились и смотрели на луну, а она смотрела на них. Я едва не поверил в ночь, и тут ты крикнул про Рожу.

– Извини.

– Вряд ли я бы увидел что-то еще. Меня, как и Шелиаха, занимает «скверна». Старика вернуло в Агарис, меня занесло в Гальбрэ, жители которого что-то натворили...

– Возвели храм Леворукого, – припомнил рассказ Франчески Валме, – и решили отложиться от Гальтарской анаксии.

– Так говорят в Фельпе. Когда мы болтали на стене, я считал, что дело в мятеже и нарушенных клятвах, а Леворукого приплели для красоты позже – во времена птице-рыбо-дуры ни про него, ни про Создателя и речи не было. К наказанию за мятеж можно подтащить и Надор с Роксли, но с Врагом Мирабелла сделок уж точно не заключала... Так что обвалы обвалами, а скверна – скверной. Мориски грешат на Паону, я почти уверен в Олларии, но с Агарисом сомнений нет ни у них, ни у меня.

– Ты о крысах?

– В том числе. Были и другие признаки. Хорошо бы Альберт Алатский постарался и нашел магнуса Славы, тот должен знать не меньше Левия.

– Левий так много знает?

– Его не удивили мои припадочки, потому что он видел похожие. Эсперадор Адриан унес в могилу немало, но скрыть

свою болезнь не мог. У него были те же кровотечения, и началось тоже с мелочи. Левий в Багерлее оказался столь любезен, что отвел тюремщикам глаза, подсунув окровавленный кинжал, но, выставив Эпинэ, рассказал, *что* меня ждет через несколько лет. Я управился за пару месяцев... Или я слабей эсперадора, или в Олларии грязней, чем в Агарисе, но крысы пока на месте. Впрочем, они могли уйти из-за смерти Адриана, а я пока что не умирал.

– Ты в этом уверен? – брякнул Марсель и понял, что не так уж и шутит.

– Уверен. – Алва тоже не шутил. Кажется... – Либо смерть ничего в нас не меняет, что исключено, либо я жив.

– У Эпинэ тоже шла кровь, – вспомнил болтовню Коко Марсель. – И он несколько дней валялся без сознания... После Доры. То есть не совсем после Доры, сперва на него у Марианны напали «висельники». Она, знаешь ли, собиралась обменять тебя на Робера.

– Женщины держат за должников либо весь мир, либо себя. – Рокэ сел и потянулся за флягой. – Баронессе не стоило рисковать.

– Как сказать. Эпинэ она поймала, хоть и несколько иначе, чем собиралась. Теперь нам вряд ли светит что-то, кроме карт и закусок. Немного жаль... Не люблю оказываться прошлым.

– Хуже, если прошлое оказывается тобой. Тем, кого проклял Ринальди, не следовало оставлять потомства. Хорошо

хоть Раканов больше нет.

– Ты уверен? Альдо не походил на монаха... Или бастарды не считаются?

– По гальтарским законам считаются, но известный тебе молодой человек в лучшем для него случае вел род от маршала Придда.

– Так ему и надо. Этот Шелиах уже все видел или ты его и дальше потащишь?

– До Барсовых Врат. Он узнал достаточно, но толку мало. Паону мориски в любом случае разнесут. По их мнению, это должен был сделать я еще года три назад.

– Ну и сделал бы.

– Я служил Фердинанду и слишком много думал о своей персоне, а проклятье принадлежит не только потомкам Беатрисы и Лорио. Судей у Ринальди было много, и все сказали «виновен». Очень похоже, что зря.

Глава 4

Талиг. Придда

400 год К.С. 2-й день Летних Ветров

1

Сегодня корпус будет драться. Сегодня. Скоро. Совсем скоро. Над тем, откуда взялось это знание, Ариго голову не ломал, просто всякий раз, когда колонна выходила из очередной рощи на открытое пространство, генерал внутренне подтягивался. До Ойленфурта оставалось часов шесть пути, в другое время они бы оказались у городских ворот задолго до заката, но сейчас торопиться следовало с оглядкой, да и входить в город было без надобности. Корпус спешил на помощь Маллэ, в свою очередь выручавшему остатки гарнизона, а генерала еще требовалось найти.

В зеленой стене замелькали светлые прорехи, и с утра ехавший чуть ли не с разведчиками Жермон придержал Барона. Минута, другая... Чего Баваар тянет? Фыркнул, звякнул железом неутомимый – а другого бы Ойген не подарил – жеребец, и тут же отмахнулся от чего-то летучего и жужжащего Арно.

– Овода не поделили? – пошутил Жермон. Арно радостно

рассмеялся.

Обещанный на закате ветер всюду трепал кроны, но внизу было почти тихо. Чего они там возятся, куда пропали? Генерал прождал четверть вечности, когда из перелеска вынырнули шустрые фигуры. «Фульгаты». Наконец-то! Ариго чуть прищурился, разбирая сигнал. Да, «Чужих не видно».

«Не видно чужих»... «Не видно...» Нет их тут, ясно?

– Карсфорна ко мне! И Лецке... – А зачем? Ведь все спокойно. Или господину командующему после вчерашнего везде призраки чудятся? Призраки и Павсании.

Один из разведчиков, оставив товарищей, галопом понесся навстречу начальству. Не видно чужих, говорите? Ну-ну! Кто-то из свитских протяжно присвистнул. Жермон обернулся. Молчат и смотрят. Напряжение дождем проливалось на застывшую кавалькаду, пробирая каждого офицера до костей. Так бывает перед боем, но ведь пока ничего не ясно. Точно, башня. Видели все, дергаются тоже все.

«Фульгат» уже рядом. Капрал-мараговец, друг и соперник Кроунера. На первый взгляд цел и свеж, следов схватки не видеть ни на всаднике, ни на его буланой. Помнится, кусачей...

– Господин генерал, чисто! Тут чисто, но дальше, за холмами, – стрельба, и много. То залпами, то так, вразнобой. Пушек не слышно.

– Далеко?

– Полчаса, если прямо. Дальше мы дорогу не проверяли.

Стрельба, значит, и много... Это вам не мираж и даже не обозная колея.

– Скорей всего, господа, это именно то, о чем доносил Маллэ, – попытка вывести гарнизон из осажденного Ойлен-фурта.

И так ли важно, пробиваются еще туда или уже оттуда. Бой в разгаре, так что успеваем... На этот раз успеваем. Вряд ли дриксенский западный корпус тут весь; будь так, были бы слышны пушки. Кесарцы крупными силами без артиллерии ходить не любят, и правильно делают. Артиллерия – это полезно, но воюют и без нее... Три тысячи хороших кавалеристов способны на многое, особенно если подобраться поближе.

– Дрикссы? Где? Сколько?

Карсфорн недоволен. Ну, на то он и начальник штаба, чтобы бурчать, уточнять и удерживать.

– Терпение, Гэвин. Скоро узнаем и попробуем преподнести «гусям» сюрприз. Не все же нам удивляться, пора и удивлять. Капрал, возвращайся к своим. Передай – смотреть лучше! Еще лучше. Обнаружьте хоть ежа, немедленно сообщайте. Гэвин, отправьте дополнительные разъезды на фланги. Возможны неожиданные и не очень желанные встречи. И не говорите мне об остор... об артиллерии.

Первым спрыгнул с лошади генерал, но вторым был Арно, не отставший от начальства, несмотря на все происки кустарника, в который они въехали. Ветки так и норовили ткнуть в глаз или накормить гусеницами, но с наблюдательным пунктом Ариго угадал – из зарослей открывался отличный вид на разворачивающееся в полухорне действо. Им все-таки удалось незаметно подкрасться! Кто бы сомневался, но не теньент Савиньяк! Вчерашний закат не мог не предвещать удачи, а значит, погони!

Тысячи четыре талигойцев в мундирах разных полков, в большинстве своем пехота, о подкравшейся удаче еще не знали и пытались унести ноги отседавших дриков. Получалось, мягко говоря, не очень. «Гуси» – на первый взгляд до полка легкоконных, но на дальнем фланге тоже что-то мелькало – висели у отступающих на плечах, норовя отгрызть от общей кучи самых нерасторопных.

Отбиваясь от обнаглевших преследователей, отступающие успешно преодолели обширный луг и... ткнулись в скрытый зарослями овраг. Не торский, вестимо, но с ходу не перейдешь. Пришлось развернуться вдоль кромки и оборотиться к дрикам. Стрельба затрещала с удвоенной силой, плотный огонь пришелся кесарским кавалеристам не по нраву, и они откатились, ожидая приотставшую пехоту. Та как

раз объявилась на противоположном конце луга. И четверти часа не пройдет, как доберется до оврага... Нет, все же побольше! То ли «гуси» устали, гоняясь с утра за фрошерами, то ли уже наклевались свинцового гороха, но в драку они особо не рвались. В лес за талигойцами они бы вряд ли полезли, но овраг не оставил выбора ни синим, ни черно-белым.

– Молодцы, держатся, – пробормотал проломившийся сквозь заросли Лецке. – Кажется, Второй Марагонский...

– А за ними – мушкетеры из Манро, – не оборачиваясь, согласился генерал. – Стояли как раз в Ойленфурте. Что ж, господа, положение ясное... Яснее не бывает. Прорыв состоялся, и «гуси» преследуют тех, кто вырвался. Арно, разведчики не вернулись?

– Нет, мой генерал. Разрешите, я их найду... – А где их искать, кошек закатных?! Тьфу, да вот же они! – Прошу простить, разведчики появились, справа, в ложине...

Даже самый боевой генерал не дерется сам. Разве что влипнет, как влипали в начале Двадцатилетней. Такого нам не надо, но торчать в адъютантах хоть бы и у Ариго, когда люди дерутся?! Спасибо зануде-бергеру, удружил так удружил! И ведь хотел как лучше, бергеры всегда хотят как лучше, даже предлагая пива...

– Мой генерал, от Баваара!

Доклад Арно разбирал издали, изо всех сил напрягая слух, – ну не место тенъенту среди полковников, особенно

если одного из них зовут Карсфорн. Тем не менее понять получилось почти все. Никаких скрытых резервов и засадных сил поблизости не нашлось, «гуси», нападающие на полукруженного противника, тысяч семь – это все, с чем придется иметь дело.

Решение лежало на поверхности, очевидное, как шмякнувшаяся на рукав гусеница. Если ударить решительно, всем корпусом, силы уравниются, зато на стороне Талига будет внезапность. Хорошо, что корпус сейчас сам по себе! Ариго – не то что его паркетные братцы, всегда ввязывался в драку, и удача его не бросала. Сам под выстрелы генерал без нужды, само собой, не полезет, но других-то должен отпустить! Нельзя же так и дальше... Не война, а танцы какие-то! Только вокруг Доннервальда три недели крутились, как лиса вокруг курятника, и без толку – Бруно отвлекаться не желал, так впустую ноги себе и лошадям и били...

– Мой генерал! Срочно...

– Кроунер? Давай, выкладывай.

– Так что капитан велели доложить *дис-по-зи-цию*! Дальше к северу еще один бой. Кто – не разберешь, но *ар-тиллерий-скую ко-но-на-ду* вовсю слышать!

Вот вам и пушки! Значит, кого-то из отступавших дриksam отрезать все-таки удалось...

Жермон не удивился. И менять ничего не стал. Сложившийся еще на марше план подходил к новостям, как старый сапог к разносившей его ноге.

– Так, господа, начинаем. Лецке, их кавалерия к нам спиной, вот и атакуйте. Немедленно. И мне обязательно нужны пленные.

– Понял. – И так настроенный на лихую атаку полковник бросился к коню.

Ариго привычно подкрутил усы и оглядел всхолмленную долинку. Да, все сходится. И кто сказал, что смотреть в закат – дурная примета? Дурная примета – наступать на ежей... И еще делать то, в чем не уверен!

– Арно!

– Да, мой генерал! – Малыш просиял и тут же нахмурился. Как же оно знакомо и понятно: «Бой – это отлично, но я останусь сзади, при генерале, – это ужасно». Не останешься.

– Приказ полку Придда – обойти рощицу, что справа от нас, и ударить на пехоту с тыла. Драгунам пройти рощей и поддержать атаку огнем. Относительно пленных – это и к Придду тоже относится. Доложите... о результатах атаки.

Придд сегодня шел последним, его головной эскадрон был уже недалеко, и Арно погнал Кана навстречу. «Доложить о результатах атаки»... Оставшийся в ставке регента Понси и тот бы понял, что приказ не случаен. Ну и пусть! Атака, по крайней мере, будет настоящей, а с Заразой лобызаться никто не заставляет. Передал – и к драгунам, хотя у «спрутов», пожалуй, будет пожарче... Можно и задержаться. Если все станут ходить в бой только в обществе закадычных друзей, войнам конец, так почему бы не глянуть на господина полковника в деле? Разговоры разговорами, ордена орденами... Хорошо, Райнштайнер мыслей не слышит, вот бы разнуделся... И по делу – нечего голову перед дракой «спрутами» забивать, мозги слипнутся!

Значит, обойти перелесок и ударить с тыла, а драгунам двинуть напрямик и вести огонь с фланга. Все понятно, все четко. Хорошее дельце наклевывается, и денек славный, сухой денек, звонкий, для кавалерийской атаки самое то! А вот и наш красавец. На маршальском морiske да по степи...

Валентин со своим распрекрасным Гирке молча рысили впереди своих людей. Интересно, как эти двое уживаются – один командует, другой при сем присутствует? Странно как-то... А вот и драгунский капитан, чей эскадрон следует вместе со «спрутами». Удачно вышло.

– Господа, приказ генерала Ариго.

Придд с Гирке выслушали спокойно, зато драгун разволновался:

– Что за роща, тенъент? Я там своих остолопов не растеряю?

Тьфу ты, кляча твоя несусветная, откуда мне знать, как чьи-то «остолопы» себя среди деревьев чувствуют?!

– Господин капитан, роща не слишком большая и не похоже, чтобы излишне дремучая. В любом случае, раз генерал Ариго отдал такой приказ, значит, вашим людям это по силам.

М-да... Не слишком ли нагло вышло? Капитан, похоже, думает, что слишком. Ну так нечего чушь нести! Ариго не Манрик, куда не надо не отправит. Подойдем к роще, увидим на месте. И кто виноват, если твои драгуны в четырех вязах запутаются?

Драгун обиделся и отъехал. Не хочет препираться с тенъентом, с генеральским адъютантом или с Савиньяком? Умеют же некоторые дуться на ровном месте. Если в роще справится, нужно доложить про него отдельно, пусть за ушком почешут. Если они все справятся...

Колонна быстрой рысью шла навстречу мушкетной трескотне. Деловито шла, уверенно. Гирке – отменный полковник, это ясно. Гирке командует, Валентин не мешает? Валентин командует, Гирке исправляет? Может, и так, они ведь еще и родичи. Не слишком близкие, но сестра Валентина вы-

шла за Гирке. А вторая была замужем за Борном...

– Подходим. – Валентин. Совсем не волнуется или делает вид? Хотя для него это не первый бой – на Языке было пожарче. Язык, Доннервальд, теперь вот Ойленфурт... И везде дриксы добиваются своего, а фок Варзов только ноги поджимает.

Роща совсем близко, капитан машет рукой, его драгуны сыплются с седел и всей толпой двигают под густую сень неведомых деревьев. И тут же ветер доносит кавалерийский горн. «В атаку!»

– Лецке пошел, – замечает Гирке. Будто не о сражении говорит, а о погоде.

– Разворачивайте эскадроны. Я посмотрю, что там за поле... Савиньяк, вы со мной?

А то нет?!

– Само собой, полковник.

Пришпорили коней. Добрались до первых деревьев, спешили, цепляясь амуницией за кусты, полезли вперед. Спугнули целое стадо лягушат, те брызнули в стороны не хуже картечи. Лягушачья картечь. Смешно, но с Валентином, пожалуй, посмеешься...

Кусты кончились сразу, дальше тянулся золотистый от солнца и каких-то цветочков луг. Вражеская пехота уже прошла и даже успела развернуться в две линии, вторая маячила где-то в пяти-шести сотнях бье. Начавшаяся атака вынудила «гусей» приостановиться, не добравшись до талигойских

позиций. Эскадроны Гирке, обогнув рощу, выйдут дриksam прямо в тыл, Ариго рассчитал время верно. Только у Ариго корпус, а не армия. Корпус, да и то небольшой.

– Как вам место для атаки? Вроде бы чисто...

– Признаться, я опасался каких-нибудь препятствий, что могли бы нас задержать. – А вот тот болван, что завел пехоту к оврагу, небось не опасался! Просто пятился.

– Слева к лесу прижиматься не надо, там между полем и рощей овраг. Зато здесь – пройдем, и быстро.

– Я с вами согласен.

Согласен он! Можно подумать, они Веннена собрались обсуждать или этого кошачьего Барботту!

– А вы, полковник, где будете во время атаки? Если я правильно понял генерала Ариго, мое место – рядом с вами.

– В первом эскадроне, тенъент.

Выяснить, что станет делать первый эскадрон, Арно не успел, они как раз вышли к своим лошадям, где уже болтались Гирке, причем не один.

– Все готово, можем начинать. Как поле?

– Ровно и чисто. Дриксы в шестистах бье. Эскадрону, что пойдет на левом фланге, лучше держаться подальше от леса.

– Вам понятно, господа?

Господа кивками подтвердили, что понятно. У Приддов и офицеры такие же... заразы! Лилового больше не носят, а все равно «спруты».

– Господа, вперед, – отдал наконец приказ Валентин, и

капитаны сорвались в галоп. Капитаны, не полковник.

Первый эскадрон первым в бой, само собой, не пошел. Пришлось торчать на месте и наблюдать безупречную кавалерийскую атаку по безупречной же местности. Удовольствия чужое совершенство не доставляло, но Арно добросовестно запоминал подробности. На однокорытника он не взглянул. Ни разу.

Люди рубились, «спруты» взирали. Резерв, резерв... до самого конца боя, что ли? Оказалось, не до конца. Всадник – Реми Варден – подлетел галопом, переводя дух, прокричал: «Наши ударили навстречу!» – и умчался.

Гирке с Валентином переглянулись. Слова у этой пары были не в чести.

– Теньент? – полувопросительно буркнул Гирке.

– У меня приказ: доложить о результатах атаки. Пока этого результата нет, я – с вами.

– Хорошо. Пистолеты только проверьте.

Вот спасибо, сам бы не догадался!

– Галопом. Вперед!

Никаких тебе «Храни-Создатель-Талигов!»... Да и к чему оно? Не Кадела! Это еще не Кадела...

Глава 5

Талиг. Придда

400 год К.С. 2-й день Летних Ветров

1

Кавалеристы Лецке разворачивались для атаки. Генералу Ариго нечасто доводилось рассматривать поле боя вот так – в подробностях и с безопасного расстояния. В Торке с горки особо не покомандуешь, в Торке лезешь в драку сам, и насколько же это проще!

Холмик для наблюдения попался удачный, с него Жермон видел все. Видел, как чуть левее облюбованной высоты Лецке двинулся рысью на дриксенских легкоконных. Те, обнаружив в тылу чужую кавалерию, в растерянности пребывали недолго – несколько минут суетливых перестроений, и разбившиеся на мелкие группы «гуси» уже сами идут вперед. С очевидными намерениями устроить «карусель» вокруг более тяжелых противников, закрутить их, замедлив, а то и сорвав атаку. Правильное решение. На первый взгляд, а второго у дриксов быть не должно.

За спиной уже почти рванувшихся друг на друга кавалеристов готовилась к столкновению пехота – «гуси» неспеш-

ным шагом надвигались на прижатых к оврагу врагов, то ли не замечая возникшую на фланге суматоху, то ли не придавая ей серьезного значения. Выйти на дистанцию удара кесарцы не успели: пропели трубы, и, обогнув тянувшуюся вдоль поля рощу, на сцену вышел полк Придда. Из самой рощи тут же затрещали выстрелы, над деревьями поплыли серые дымные облачка – крайний левый батальон дриксов угодил под огонь. Вот теперь, голубчики, вы задумаетесь всерьез. Так и есть – наступление остановилось.

Зрительная труба приближала дальний край поля, где дриксенская кавалерия правого фланга, оставив в покое талигойцев у оврага, разворачивалась на помощь своим. Ну-ну...

– Пока все идет неплохо, – почти одобрил Карсфорн.

– Не сглазьте.

Нанести превосходящими силами удар отступающим и сбросить их вниз дрикссы не успели, преимущество в кавалерии перешло к талигойцам, инициатива – тоже. Жаль, не было ни времени, ни возможности сговориться с марагонцами о согласованных действиях. Но офицеры в полку должны быть дельные, раз уж довели сюда не спасающуюся толпу, а боевые части.

Будто отвечая, из черно-белых рядов донесся знакомый сигнал, и в центре взвилось знамя с «Победителем дракона» – марагонцы все поняли правильно.

Кан мчался голова в голову с полковничьим чалым. Где носило Валентина, Арно не волновало – полк Придда ведет Гирке, значит, с ним идти в бой и о нем докладывать после боя, а о чем докладывать – будет! И здесь, и в Тарме.

Первый эскадрон двинулся с места последним, зато туда, где был нужней всего. Справа талигойцы уже схлестнулись с кинувшимися на помощь своей пехоте дриксенскими драгунами. Гирке пронесся мимо – его «гуси» были уже рядом. Много. Слетелись, да?!

Кан и чалый ворвались в схватку бок о бок. Полковник с ходу разрядил в кого-то пистолет, Арно сдержался – заряженное оружие еще пригодится... Сминая разбежавшихся одиночек, они проскочили между двух групп «крашенных». Блеснуло. Арно живо поднял жеребца на дыбы. Умница Кан не только послушно вскинулся, но и повернулся – сам! – на задних ногах, уходя сразу от нескольких пик. Чуть было не напоролся... И ведь знал же! Ничего, привыкнем.

Едва жеребец опустил, Арно бросил левую руку к ольстре. Выстрел – и намеченный пикинер, сложившись вдвое, оседает, ломая строй. Сбоку визжит и падает под ударами пик лошадь – кто-то не смог вовремя остановиться. За спинами дриксов – взрыв криков. Сквозь резкие чужие слова пробивается привычное «Тали-и-и-и-г!»... Привстать на

стременах, увидеть за чужими синими и серыми мундирами родные, черно-белые... Значит, первую линию уже прорвали!

– Направо, направо бери!

Командир эскадрона. Размахивает шпагой, собирая рассыпавшихся вояк. За спиной офицера из дымного облака выныривают двое синих. Арно изворачивается, не выпуская шпаги, вытягивает пистолет, висящий у седла справа... Есть, но пикинеры внезапно бросаются в атаку. Тьфу ты, кляча несусветная! Осадить Кана, не целясь выпалить в надвигающуюся шеренгу... Отдача привычно дергает руку, и тут болью отзывается бок, а небо кувyrкается. Кувyrкается и темнеет, звуки боя пропадают и тут же вновь врываются в уши... Возвращается и свет, вместе с прущими вперед враз выросшими дриксами.

3

Схватка получалась классической. Как в Двдцатилетнюю, когда чисто конные корпуса были делом обычным. Что-то похожее делал, охотясь за Пеллотом, Рене Эпинэ, только он никого не выручал, да и Талиг тогда уже оправился. Войну переломили в другом месте. В нескольких местах.

– Баваар. Нужно проскочить к марагонцам. Тащите сюда кого-нибудь потолковей из офицеров.

– Слушаюсь.

Странно у них выходит. Объединенные силы Маллэ и гарнизона Ойленфурта должны быть гораздо больше. Авангард? Тогда остальные там, где пушки, а дриксенский генерал рехнулся и раздробил силы, желая поспеть всюду? Рехнувшийся дрикс, ха... Скорее уж наоборот, раздроблены ойленфуртцы, и теперь их добивают по частям.

– Жермон, вы разрешали Савиньяку остаться у Придда?

– Я велел ему доложить о результатах.

– Вы понимаете, что он пошел в бой?

– Само собой, Гэвин. Парень – торский офицер, я не собираюсь таскать его в ольстре.

– Но разве его перевод в адъютанты не означает, что...

– Означает. Арно – Савиньяк, хоть пока и мелкий. Пусть посмотрит на войну и снизу, и сверху. И на своего однокорытника заодно. Да успокойтесь вы. Ничего с обалдуем не случится. С ним – нет...

4

«Выбили из седла!» Мысль еще доходила до сознания, а тело уже действовало: перекатиться подальше, встать, оглядеться. И тут же вновь нырнуть вниз – синий «гусь», похоже, тот самый, что ссадил теньента с седла, вознамерился довести дело до конца. Тяжелый мушкетный приклад пронесся над самой макушкой, удержишься на голове шляпа, точно б снесло. Времени для нового замаха Арно противнику не

оставил: не вставая на ноги, лишь опершись свободной рукой о землю, тенъент бросил тело в низкий длинный выпад. Проткнув мундирное сукно, клинок почти без сопротивления вошел в живот, и смертельно раненный мушкетер повалился на своего убийцу.

Где-то совсем близко лязгала сталь, в несколько голосов что-то проорали. Всё потом... Сейчас вот этот... «синий». Арно выскользнул из-под умирающего, не дав придавить себя к земле, и торопливо завертел головой. Ура, пикинеры теперь перли не прямо на него, а куда-то влево, к лощине на краю леса. Справа конники Придда, объединившись с пехотой, разгоняли изрядную «гусиную» компанию, в самой гуще мелькнул и скрылся знакомый серый мориск. Далековато... Зато совсем рядом обнаружились капрал-кавалерист, тоже спешенный, и пара вражеских трупов. Трупы молчали, капрал ругался за троих – его палаш не пережил схватки. Незадачливому рубаке осталось плевать и прикидывать, сойдет ли трофейный мушкет за дубину. Арно завертел головой, отчаянно боясь увидеть лежащего Кана. Затошнило, по щеке наискось помчался муравьиный табун, но мертвого или умирающего жеребца нигде не было. Ускакал, кляча несусветная... Ничего, отыщется!

Приходить в себя было некогда. Новая волна рукопашной, захлестнув с десятков оторвавшихся от своих мараконцев, докатилась до них с капралом. Свои и чужие вперемежку вывалились из проутюженной лощины, и Арно придвинулся к

соседу, ловя момент для атаки. Двух верзил, намертво вцепившихся друг в друга, тенъент предоставил самим себе, но в паре шагов слева оседал, зажимая руками рассеченное лицо, черно-белый мараговец. Арно бросился на победителя.

5

«Гуси» проиграли. Уцелевшие кто разбежался по округе, кто отступал, сохраняя подобие порядка – Жермон видел, как один батальон прорвался под огнем драгун самым краем рощи, – а те, кому не посчастливилось... Больше в Марагоне они воевать не будут, и это хорошо.

– Дальше, капитан. Генерала вы потеряли ночью?

– Утром. «Гуси» нас вроде бы отпустили, но живо опомнились... Быстрее, чем нам бы хотелось. Мы, честно говоря, не ждали от них столь усердного преследования. Город они осаждали без особого рвения, мы рассчитывали, что и тут поосторожничают. Ошиблись.

...Марагонцы шли в арьергарде, им все шишки и достались. Легкоконные вместе с драгунами висели на плечах, а стоило чуть остановиться, подтягивалась пехота.

– До вечера дотянули бы. – Усталый капитан не храбрился, говорил как думал. – Дотянули бы точно, но людей бы полегло... Да и овраг этот... Хотели обойти – не пустили, стервецы, пришлось напрямую. А батальон, который с «Дубовым» остался... Их, считай, похоронили.

– С «Дубовым»?

– Прошу простить... Капитан Ластерхавт-увер-Никш заменил раненого полковника Генца. Остался прикрывать наш отход, с ним человек шестьсот было.

– На севере, артиллерия, – это они?

– Больше никому.

Опять «Дубовый Хорст», вот ведь встреча! Несладко ему сейчас приходится... А уж тем, кто при нем!

– Придда, Гирке, Лецке – ко мне. И Баваара.

6

Последний противник Арно, получивший удар в грудь лейтенант-пехотинец, уже затих. Костлявое лицо казалось маской, рука сжимала рукоять бесполезной шпаги. Хозяину она не помогла, а пистолета у дрикса не оказалось. С Фельсенбургом так легко управиться не получилось бы. И вообще стало бы жалко... потом. А так если кому и придется жалеть, то Вальдесу.

– Ваша лошадь, Савиньяк.

Валентин. Закопченный, встрепанный, мундир располован. Все как у человека, кроме физиономии. С такой только Арамоне врать или... дознавателям в Багерлее?

– Спасибо. Один «крашенный» меня таки ссадил.

– Полагаю, эта ошибка стала для него роковой.

– Да, – подтвердил Арно. – Что мне доложить генералу?

– Атака, как вы видите, оказалась успешной. Потери небольшие. Точно подсчитаем чуть позже. Марагонцы быстро разобрались, что к чему, и помогли нам, ударив навстречу. Если вас не затруднит, доставьте к генералу двоих пленных. Капитан и лейтенант, больше офицеров взять не удалось. В ожидании приказа мы соберем эскадроны и будем готовы к дальнейшим действиям. Надеемся уложиться в полчаса. Вам помочь?

– Нет, – отрезал Арно и вдруг добавил: – Я, конечно, расшибся, но сесть на лошадь в состоянии.

После падения немного кружилась голова, а бок явно не радовался знакомству с дриксенским прикладом, так что вскочить в седло, едва коснувшись стремени, не вышло. А, ладно, влез и влез. К седлу был аккуратно приторочен плащ, и если бы только он. К плащу прилагалась шляпа! Вот ведь... Зар-раза. Арно немедленно нахлобучил возвращенную собственность.

– Удачи, господин полковник. – Теньент в достойном самого плюмажного из маршалов жесте поднес руку к шляпе. – Я доложу генералу, что вы сделали все, что было в ваших силах.

– Благодарю вас, теньент. – Перецеремонить Придда если кому и удастся, то уж точно не Савиньяку! – Счастливого пути.

А вот развернуть Кана с тем блеском, которого пол-лета добивался Эмиль, Арно удалось. Шляпа... Что значит шля-

па в сравнении с первой приличной победой кампании?! И с тем, что... ошибки могут быть лучше правоты, если правота эта подлая.

Глава 6
Бергмарк. Агмштадт.
Талиг. Надор. Найтон
400 год К.С. 3—4-
й день Летних Ветров

1

Вольфганг-Иоганн, правитель Горной марки, был храбр, надежен, любопытен, в меру начитан и без меры суеверен. Верный союзник, заядлый охотник и отменный кулачный боец, он мог бы при ином раскладе стать отличным полковником или сносным генералом. Разница между маркграфом и тем же Айхенвальдом заключалась в том, что маркграфу Лионель командовать своими основными силами не доверил бы. Что до политики, то в обычные годы Вольфганг-Иоганн смотрел на нее, как на погоду. Когда идет дождь, охота не в радость, когда Талиг думает о мире, хорошо не повоюешь. Обидно, конечно, но куда деваться... Нынешний год обычным не был, и маркграф, узнав о перемирии, и не подумал спорить – Излом есть Излом. Если это дошло до Хайнриха, Горная марка и подавно завяжет ножны до будущей весны.

Бергер из вежливости пробежал глазами договор, поставил подпись, и началось. Друг и соратник жаждал знать все! Не о соглашении и даже не о Хайнрихе – о том, как били варитов. Лионель слишком поздно вспомнил, что маркграф пишет нечто вроде военного трактата. Пишет и никому не показывает.

Когда Северная армия, повторно «разбив» Фридриха у Ор-Гаролис, «перешла» границу Гаунау, окна стали синими, а Савиньяк не охрип лишь благодаря настоящему на горных травах вину. Выпито было изрядно, может быть, поэтому Лионель как вживую увидел разбухающие от талой воды ручьи и вдруг понял, что закончившаяся весна стала самой счастливой в его жизни.

– Второго Весенних Волн мы были на подходах к городу. – Вновь проходить былыми дорогами, если ты на них ни разу не ошибся, приятно. – Серьезных укреплений в Альте-Вюнцель не имелось, граница считалась мирной, но старые стены уцелели. Горожане спешно закрыли ворота, стали ждать. Я не спешил – три дня армия двигалась достаточно шустро, можно было и отдохнуть. Место для лагеря я выбирал с учетом будущей битвы. К вечеру лагерь разбили, оставшие части и обозы подходили всю ночь. Наутро я отправил к городским властям парламентаров с требованием явиться на переговоры. «Фульгаты» тем временем прочесывали окрестности – и перехватывали гонцов.

Во второй половине дня городская делегация явилась в

лагерь. В обмен на отказ от штурма и последующего грабежа я предложил им выплатить контрибуцию и предоставить припасы вместе с повозками и тягловой силой.

– Правильно! – одобрил маркграф и сделал пару пометок. – Ждать врага лучше натошак, добыча отвлекает и возвращает. Что ответили вариты?

– Они ждали появления своих армий и принялись выгдывать время. Обещали поднатужиться и все собрать, дайте нам, мол, дня четыре. Получили три и отбыли, прося Создателя о скорейшем подходе помощи.

Бергер расхохотался, Савиньяк негромко кашлянул, в окно заглянула пожилая, но еще бодрая луна. Проклятье, все это, вплоть до последнего чиха, придется расписывать для Рудольфа. То есть для фок Варзов, потому что с Фридриха станется отобрать у Бруно командование. При перевесе у дриков Неистовый может обернуться для Вольфганга крупными неприятностями: старик за много лет привык к такому же старику, который если и прыгнет, то подстелив сено, и сено это всегда можно загодя обнаружить. В Надоре фок Варзов караулил бы Бруно у перевалов, не оглядываясь на Кадану... Фридрих мог бы добиться успеха.

Сквозняк донес о том, что двери на галерею открылись, сквозняк и легкие шаги. Супруге маркграфа стало скучно, а может, она вроде милейшего Бертрама считала разогретый ужин преступлением.

– Вы заставляете себя ждать. – Урффриду Лионель не ви-

дел со дня ее свадьбы. Старшая дочь Рудольфа была красивой невестой и стала очень красивой женой. – Заставляете себя ждать дам и, что гораздо хуже, оленину. Маршал, своему супругу я не удивляюсь, но вы же состоите в дружбе с Валмонами!

– Разговор тоже может стать пиром, сударыня! – И хорошо, что этот пир прерван, говорить несколько часов подряд и не осипнуть могут только ликторы и церковники.

– Именно пиром, Фрида! – Вольфганг-Иоганн поднял измазанный чернилами палец. – И мы славно попиrowали! Ты думаешь, мы сидели за столом и пили вино? Нет, мы были по ту сторону гор! Я видел, как вариты прыгают в Изонис... И это в Весенние Скалы!

– Не сомневаюсь, что зрелище было захватывающим. Ты сказал?

– Фрида, днем раньше, днем позже. Это же ничего не меняет...

– Но помешало бы тебе вытрясать из гостя душу. Лионель, вы достаточно знаете бергеров. Они – лучшие из союзников, но у них есть несносная привычка. Бергер не сообщает новостей, пока не выжмет собеседника досуха, а Иоганн за вас только взялся.

– Самое главное он знает, – прогудел маркграф и потер смятое еще в юности ухо, – про Бруно и Ракана я отписал еще за перевал.

– Отцовский гонец, – покачала головкой Фрида, – послед-

ний отцовский гонец прибыл позже.

– Ну хорошо, хорошо... Зарезали королеву Катарину. Сын-нок Эгмонта отличился. Он у нее на свободе разгуливал, а таким место если не в Занхе, то в Багерлее!

– Сильвестр считал, что Занхой не начинают, а заканчивают. – Мятежник Борн застрелил маршала Савиньяка. Сын мятежника Окделла зарезал дочь Каролины Борн. Еще один замкнувшийся круг. Мать бы оценила, если б смогла стать равнодушной. Мать сейчас так часто вспоминается...

– Не знаю, как вы, маршал, но я огорчена. Как и отец. Последнее время Катарина вела себя очень достойно.

– Да, печально. – Лионель поцеловал Урффриде руку. – Сударыня, так вы говорите, нас ждут дамы и оленина?

2

Футляр для писем был обляпан незабудками и графскими коронами, как яйцо дурной курицы пометом. В коронах и незабудках был и кошелек. Аглая Кредон таки стала на старости лет графиней, и Луиза почувствовала себя дурой, круглой, неуклюжей и несчастной, будто в юности. А вот нечего было пускать сахарные слюни и пользоваться губернаторскими оказиями! Отписала Герарду с регентом, и хватит. Капитанша убрала нитки в корзинку и отправилась в столовую – первую в ее жизни устроенную по собственному вкусу, с горя устроенную и от безделья, но для *себя*. Мамень-

ка сочла бы, что в доме слишком много гераней и комнатных роз и слишком мало фарфоровых собачек и кружевных слюнявчиков. Маменька бы сказала... Луиза подошла к буфету и налила вина. В стакан. Себе. На ночь глядя. Она стояла у буфета и пила добытые верным пивоваром «Слезы возлюбленной». Назло пропавшей молодости и обосновавшейся наконец в графском замке престарелой бабочке. Бедные слуги господина Креденьи, бедные фамильные портреты, старинные шпалеры и портьеры без узоров, им теперь не жить!

Скрипнуло – достойная вдова воровато обернулась, но за предосудительным занятием ее застал Маршал. Котяра, где бы его ни носило, как-то узнавал, что буфет открыт, и являлся. Требовать свою настойку.

– Нет! – отрезала Луиза, поворачивая ключ.

– Мра! – сказал кот, став на дыбки и запуская когти в подол добротного, но скромного платья. – Мра! Хочу! Дай! Не могу-у-у-у!

– Пьяница паршивый, – буркнула Луиза. – Ну какой ты, причеши тебя хорек, маршал? Так, капитанишка...

Оскорбленный кот покрутил задом и тяжело взлетел на шкафчик с тоже дареными тарелками. Теперь поганец засядет наверху и станет мстить, пытаясь зацепить лапой всех, кто пройдет мимо. Луиза прихватила недопитый стакан и вернулась к материнскому письму. Незабудки наивно голубели, совсем как на болотце. Сверху – цветочки, под ними – грязюка, в лучшем случае загубишь башмаки, в худшем уто-

нешь... Женщина поджала губы не хуже покойной Мирабеллы и принялась срывать личные печати госпожи графини. Из футляра пахнуло розовым маслом. Маменька не забыла ничего, даже шелковую голубую ленточку с графской сосной, перехватившую письмо, которое начиналось тоже по-графски.

«Любезная дочирь, – раньше она все же писала «дарагая», – мой Муж и Супруг атлучился на гасударствиным дилам к асобе Регента Талига и на Ваше наглое письмо атвичаю я. Ваша затея пайти в услужение и ни слушать добрых советов привила к таму што Вы папали в жалкую провинцию и взяли прастанароднае имя. Вы ни кагда ни чиво ни делали дастойна и пазорили нашу фамилию. Ваш преест в КРЕДЕНЬИ нижылатилен. Мой Муж и Супруг апридилит Вам садиржание, но Вы ни будите раскрывать свае имя и хвалитца радством са значитильными пирсонами. У афицераф каторые приижжсают в наш замок плахое мнение о Вашем пакойнам муже. У ниво плахая рипутацыя его ни принимали в парядачнам опицистве. Он пазорит нашу фамилию. Патаму аткрыто принимать мы можим аднаво Герарда каторый благодаря маиму знакомству с герцагам Алва кеналийский барон. Мы палучаим письма ат Герарда он састаит при асобе Маршала Савиньяка. Мой Муж и Супруг думаит падать прашение, штобы Герарда сделали наследникам титула вместо волчий стаи радни. Для этава Герард ни должен иметь дела с измениками. Ваша служба придавшим на-

шиво добраво Фердинанда Манрикам а патом узорпатару Ракану пазорит нашу фамилию. В благородных дамах все далжно быть прикрасно и лицо и фегура и туалеты и манеры. Вы дурны сабой и ни умеите адиватца и разгаваревать с кавалерами. Вы пазорите нашу фамилию и патаму ни далжны паивлятца в КРЕДЕНЬИ.

Селина пускай астаецца с Вами под чужым иминем. Ваша доч по вашей глупости служыла кампанёнкай сistrы и дочири приступнека и ни может быть принета в нашем доме. Граф КРЕДЕНЬИ пазаботитца о ее приданам и женихе пожже патаму што он занят гасударствинными дилами. Амалия и Жюль уехали к Вашей сistrе Карлотте на воспитание. Ани будут абиспечины, но в КРЕДЕНЬИ им ни места.

Пасылаю Вам и Вашей дочири дваццать залатых талов но ни расчитывайте что я буду Вас садержатъ в роскоши.

Прибывающая к Вам в распалажении графиня Аглая-Амелия-Иоланта-Фелищья КРЕДЕНЬИ. Писана в замке КРЕДЕНЬИ в сопственьых апартаментях».

Луиза сосредоточенно перевязала письмо ленточкой и сунула в футляр, как в могилу. Прочь из «парядачнаво опщиства»! Глупо, но она едва не заплакала, хоть и не ждала иного после того, как переехала в особняк Алвы, оставив маменьку в мещанском предместье. Оскорбление было смертельным, зато теперь графиня Креденьи посрамила вдовую дуэнью. Предварительно вскрыв предназначенное «Мужу и Супругу» письмо. Мать вечно подслушивала и копалась в

чужих вещах, но граф все равно на ней женился. Хотя сейчас все дыбом, будто при первом Франциске, в такие времена каких только свадеб не случается...

Вино Луиза допивать не стала, отнесла на кухню, где дожидался своего соуса кролик. Что ж, соус будет винным. Задержавшаяся кухарка весело выслушала пожелание и пообещала, что господин Гутенброд оближет пальчики. Луиза улыбнулась – она устала спорить с Найтоном, а Найтон уже выдал госпожу Карреж за пивовара... Пивовар – зять графини Креденьи! Роскошная месть, только опоздала «любезная дочирь» выскакивать замуж «назло маменьке» лет на двадцать.

Стакан в столовую Луиза вернула сама. Караулящий на шкафчике кот занес лапу, но женщина увернулась и поступалась к Селине. Тайн у дочки не водилось, но Луиза слишком хорошо помнила собственные распахивающиеся не ко времени двери.

– Мама? – Сэль уже собиралась ложиться, но лечь – еще не уснуть. – Что-то случилось?

– Все хорошо, – улыбнулась вдова капитана с «дурной рипутацей». – Твоя бабушка вышла замуж за твоего дедушку и радуется. Она прислала нам двадцать таллов. Как ты смотришь, если мы пожертвуем их церкви?

– Конечно... Мама, это на дорогу? Мы должны ехать в Креденьи?

– А ты хочешь?

– Нет!

– Я тоже не хочу. Будем ждать Герарда здесь.

3

«Стих – своих – певец – наконец... Лист – свист... Вышине... вышине – мне!»

Он вспомнил все слащавые рифмы, придуманные графиней Ариго, вспомнил ее саму в темно-синем, почти черном бархате, маркизу Эр-При в алом и мать, самую молодую из троих. Две девочки сидели отдельно от дам, перед ними лежали похожие на уставших зеленых выдр венки, а слуги разносили бумагу и перья. Турнир поэтов в Гайярэ, затеянный хозяйкой дома. Отмеряющая время клепсидра, заданные рифмы и сонет, который требовалось сочинить за два часа. Ли сочинил, вызвав приступ негодования и хохота. Хотел в кои-то веки выбравшийся в гости старик Эпинэ, графиня Ариго поджимала губы и выговаривала матери и дядюшке Рафиано, тот качал головой, а потом заметил, что Лионель выполнил все необходимые условия. То, что сонет посвящен не недоступной возлюбленной, а несчастной жабе, нарушением не является, ибо наличие прекрасной дамы заранее оговорено.

Графиня Каролина натянуто улыбнулась и предложила прекрасным девам назвать победителей. Выбор у дев был – трое сыновей маркиза Эр-При, Эмиль Савиньяк и по паре

молодых Манриков, Валмонов и Ариго честно воспели очи, выи и ланиты. Выдру из рук королевской невесты получил Ги, заслуженно, к слову сказать, а вот дочь хозяев дома пролепетала, что все сонеты такие красивые, она не знает, какой выбрать, и потому... потому пусть будет сонет к жабе. Им не посвящают стихов, а они не виноваты, что родились... жабами.

– Так могла бы сказать Октавия, – нашлась графиня Манрик.

– Какая именно? Святая или королева? – засмеялся Валмон. Тогда он еще ходил, тогда Борны были друзьями, Манрики – союзниками, а Ренквах – дальним северным болотом... Первым из сидевших в тот день на белой террасе погиб отец. Не прошло и года.

«Закат – объят, час – нас...»

Перо скользило по бумаге, возрождая старенькую чепуху. Лионель нечасто сочинял стихи, даже такие. Умел, но не писал. Не все, что ты делаешь лучше многих, приносит удовольствие, но сонет к жабе сочинять было весело. Сочинять и ждать, когда прочтут... Старшая из судивших турнир девочек умерла, младшая стала королевой и тоже умерла. Жаль, она была нужна. Жаль, она была молода. Жаль, она была умна.

...Они гуляли по изогнутым разноцветным дорожкам Тарники – король, королева и маршал Савиньяк, удостоенный высочайшей аудиенции перед отъездом в Кадану. Фер-

динанду не нравилось это назначение, но король его подписал, как подписывал все, чего хотел Сильвестр. Журчали фонтанчики, то сладко, то пряно пахли невысокие цветы, складываясь в пестрые ковры, где могла укрыться разве что жаба. Если бы вылезла из сонета.

Малая королевская прогулка длится три четверти часа, за это время можно многое сказать, если захотеть, но Фердинанд сам не знал, чего хочет, и нес чепуху, а Лионель был зол и думал о Манриках и каданцах. Последних он собирался разбить одним ударом, что и сделал. Кажется, это было единственным осуществившимся в то лето намерением. Все остальное пошло прахом. У всех.

*Равно трагичны близостью конца
Хвосты и уши, почки и сердца!*

У фонтана-каприза внезапно примолкший король торопливо поручил супругу заботам маршала и удалился. Быстро, словно за ним гнались. Катарина продолжила прогулку. На ней было белое платье с черным поясом, и она попросила сорвать ей алый цветок. Лионель сорвал.

– У нас есть четверть часа, – сказала королева. – Я буду откровенна.

– Как вам угодно.

– Королевы порой меняют чашки. Иногда по ошибке, иногда нет... Я не ошиблась. Наррианский лист улучшает цвет

лица. Фердинанд будет прекрасно выглядеть. Завтра... Наше с вами уединение случайно. Если Манрик или Сильвестр решат узнать причину, они успокоятся, хоть и не получают от доказательств удовольствия... Господин Савиньяк, я озабочена вашим отъездом, последовавшим за отъездом Алвы, вашего брата и Альмейды. Я должна знать, что это означает.

– Войну. Возможно, войны.

– Фердинанд скоро вернется. Вы знаете меня и можете не лицемерить. Я знаю вас и могу не заламывать руки. Что будет со мной и моими детьми? Что будет с Эпинэ?

– Надеюсь, что ничего.

– Надеетесь?

– Чтобы что-то сделать, нужно время. Его нет ни у бордонов, ни у каданцев, ни у Колиньяров. Те, кто рассчитывают занять меня и Алву до весны, ошибаются. Мы вернемся раньше.

– Может быть, но Анри-Гийом очень плох. Колиньяр хочет видеть герцогом Марана.

– Колиньяр недавно потерял наследника. Ему некому передать даже собственный герб. Моя мать не желает соседствовать с Маранами, она образумит маркиза Эр-При.

– Она или вы?

– Так ли важны подробности?

– Верно. Мы можем только верить друг другу, но мы не можем друг другу верить. Как быть с этим? Я не хочу развода, но смерти не хочу еще больше. Я знаю, Алва поручил

нас — *всех* — вам. Вам, не Манрику! Вас отсылают. Я больше не остаюсь одна даже в молельне — меня «защищают» от убийц, которых может подослать Штанцлер. В Золотой столовой после грозы протек потолок. Пока художники отмывают плафон, королевской чете накрывают в северном крыле.

— Я не только не комендант Тарники. Я уже и не комендант Олларии. По крайней мере до зимы.

— Вы не успеете вернуться, Савиньяк. Скорее уж Алву вернут как... регента Талига. Регент должен находиться в столице.

— Не обязательно. Алонсо Алва большей частью был при армии.

— Вы согласитесь?

— С чем, сударыня?

— С тем, что сделают без вас? Алва давал слово защитить меня и детей. Вы давали слово заменить его в его отсутствие. Фердинанду вы оба всего лишь присягали. Странная вещь присяга — для одних она значит все, для других ничего. Я имею в виду свою семью, граф. Было два Ги Ариго...

— Я помню про обоих. В северном крыле не лучшие комнаты, там снятся дурные сны. Моя матушка имеет обыкновение превращать свои страхи в притчи, ваша, помнится, тоже баловалась пером. Почему бы вам не последовать ее примеру?

— Если я назову вас так же, как Ги, своего брата Ги, я ошибусь?

– Как вы его называли?

– Подлецом. Ни в коем случае не трусом, но подлецом. Я не жалею, что была с вами откровенна. Вы не узнали ничего нового. В отличие от меня... Вы хорошо ненавидите, граф, лучше всех, кого я имею несчастье знать. Других удовлетворила Занха для Борна и Закат для младших Эпинэ, а вас?

– Вы все-таки заламываете руки. Это излишне. Запомните. Урготелла. Улица Четырех Дождей. Лавка «Поющая лилия». Хозяин знает, как будить нарциссы осенью, а лилии – зимой. Если он получит сонет, в котором упоминается жаба, он переправит его Алве. Если последние две рифмы будут «конца – сердца», Алва вернется. Если второе четверостишие начнется с «Он ждал», он вернется немедленно и без предупреждения. И еще. В личную королевскую охрану переведено несколько гарнизонных офицеров. В том числе Чарльз Давенпорт, сын генерала Энтони. Молодой человек в большой обиде на Алву, зато он вряд ли станет выполнять приказ, который напомним ему об Октавианской ночи.

– Вы часто посылаете цветочнику сонеты?

– Нет. Именно поэтому они должны дойти. Запомните еще одно имя. Райнштайнер.

– Бергер?

– Да. Он проследит за Маранами.

– Вам нужны мои извинения?

– Нет.

– И все же извините. За заломленные руки. Вы помните

турнир в Гайярэ и свой сонет?

Лионель помнил.

4

Маршала пришлось запереть в спальне. Он вопил и скреб по дереву когтями, норовя вырваться. Завтра служанка будет затирать царапины воском и ворчать. Луиза с досадой глянула на исполосованную руку и отодвинула засов.

– Капитан Гастаки, входите.

Кот взвыл, как сорок привидений. Вдова Арнольда Арамоны скривилась и посторонилась, пропуская его же жену. Зоя немедленно шагнула через порог.

– Что с тобой? – в лоб спросила она. – Где этот скот?

– Я его заперла. – Госпожа Арамона покосилась на царапины, те всю кровоточили.

– В Закат кота! Ты в обиде. В большой обиде. Тебе больно. Кто этот скот?! Я до него доберусь... Это просто, пока есть дорога от тебя к нему. К обидчику, а она есть, пока болит. Ты только скажи, он у меня, якорь ему в глотку, покорячится! Урод поганый.

– Не надо, Зоя. – Вот так родичей выходцам и скармливают. Под настроение. – Давай лучше...

А что лучше? Святая Октавия, дожили! Чуть не предложила выходцу чашечку розового отвара. С вареньем.

– Извини. Забыла, что... ваших не угощают, но сесть-то

ты можешь?

– Могу. От меня не сгниет. – Зоя бросила на стул шляпу. Отличную офицерскую шляпу, что не скрывала лица и не отбрасывала тени. – Плохо всё! И становится хуже. Пожар во время потопа! Умные больно... Кто вас просил якорные цепи портить? Кто, скажи?! Теперь не поштормуешь, теперь лишь уходить, только не всем... Уже не всем! А то разнесете на ногах, как мухи. Мой говорит, чтоб я плюнула. Не твое, говорит, дело, но нельзя же так! В садке этом вашем нетронутых... как твоя дочка, как то дурище, что за мной скакало, знаешь сколько?! И чтобы они все разом... Не хочу!

Не отбрасывающая тени гостья подалась вперед, Луиза невольно последовала примеру собеседницы, но Зоя отшатнулась:

– Ты горячая! Мы уже раз с тобой ходили... Нельзя снова! Не трогай меня!

– Я не трогаю.

– Ты слушай! С этой вашей столицей... Уже скоро. Где пусто, туда течет, течет и топит. Если не пусто, оно возьмет. Не посмотрит кого, просто возьмет к четырем лунам! Ты видела. Так и будет, если не влезем! Ты хоть что-то сделала?!

– Я написала... маршалу Савиньяку. Он мне поверил, бергеры тоже поверили. К нам приезжал человек от регента и расспрашивал. Герцог Ноймаринен...

– Регент – дурак, они все дураки... Даже мой. Гордится, что малявка может... Мы – нет, она – может, но так нельзя!

Пусть все будут, пусть каждому – свое, а не одно общее, что слизнет...

Пусть все будут! Иначе не сказать. Эйвон, Айри, Мирабелла с девочками, их не вернешь, но те, кто остался... Пусть все они живут! И кошка Катарина, и дура Одетта, и маменька с ее кудряшками, морщинками и коготками... Пусть живет долго, даже если сожрала твою молодость и пытается изодрать то, что еще осталось...

– Эй! – проревело под ухом. – Эй, ты опять?! Кто он? Имя! Назови имя...

– Не надо, – устало попросила Луиза. – Зоя, никакой это не «он»... Нет у меня «его». Я письмо от матери получила, вот и вспоминается весь вечер то одно, то другое. Когда я молоденькой дурочкой была, она меня почти съела. Я в зеркало глянуть лишний раз боялась, не то что на кавалеров, а мать... такая красивая, в оборочках... отставляла пальчик и завязывала бантики! Мне завязывала, с моей рожей! Это как ворбону желтеньким красить – сразу ясно, что не морискилла.

– Матери могут! – Лицо Зои стало обиженным и чуть ли не юным. – Моя тоже... Сорок раз на дню про мужчин, которые женихи и которые не женихи. Сперва «пора-пора-пора», «надо-надо-надо», потом «поздно-поздно-поздно», «скорей-скорей-скорей!». Я сижу, а она зудит! Смотрит на меня и талдычит, что опять не так... Я ночи напролет ревели, мол, жениха все нет, а они ведь могли быть! Могли, сожри ее зубан, если б меня из дома выпускали, а потом он...

этот... Я ему и его кощенке драной... все высказала, все! А мать опять... Замуж-замуж-замуж... Пусть не любит, пусть с любой холерой лижется, но чтоб был! Чтоб все знали, что есть! Муж. Мирить меня с этим... хотела. Сама так жила, и чтобы я, как она...

– Отцы, матери... Они все так! – Зоя – выходец, ее нельзя брать за руку. И по голове гладить нельзя! – Им надо, чтобы мы одевались, как они, ошибались, как они, правы были, как они... Я поддалась, это ты у нас... капитан... Устояла!

– Да! – Зоя гордо вскинула голову. Все-таки в шляпе ей лучше. – Я не пошла на поводу! Я ждала и дождалась своего, только своего счастья, а не такого, как хотели они! Я не отдала себя ни одному из тех скотов, что мне приводили, а ушла в море... Пусть я проиграла из-за штанастых тупиц, пусть меня взяли в плен, так лучше, чем отдать себя поганому уроду!

– Без сомнения, – ровным голосом согласилась Луиза, и тут в дверь постучали громко и отчетливо. Погасла, мигнув, свеча, хрипло заорал в своем узилище затихший было Маршал. Капитанша поднялась.

– Не открывай! – закричала Зоя. – Нет! Это он! За тобой! Не открывай.

– У соседей свекор болен, там не спят. Еще увидят...

– Не увидят! Горячие слепнут, если чужие... Не пускай его! Он уже не твой!

– Не мой, только дверь этого не знает.

Луиза махнула рукой и вышла в прихожую. Зоя топала сзади, уговаривала не открывать. Маршал вопил, стук не прекращался. Капитанша глянула в дверное окошечко – на крыльце высился «муж и супруг». Точь-в-точь такой, как в Октавианскую ночь, а у соседей светилось окно. Слепнут там или не слепнут, но поостеречься не помешает.

– Эй! – велела Луиза. – К черному ходу. Живо!

Арамона кивнул и пропал. Зоя, громыхая, как катящаяся бочка, рванула к кухне. Кошачьи крики перешли в вой, на лестницу выскочила, завязывая ленты на нижней юбчонке, Селина. Хорошо, слуги в доме приходящие.

– Мама, – мяукнула дочка, – там еще кто-то? Кроме Зои?

– Папаша твой там, – объяснила Луиза. – И чего приперся?!

– Мама, ты помнишь, что он... не живой?

– Помню.

В кухне вкусно пахло соусом, будто под окном и не шлялись всякие. В сапогах с белыми отворотами. Селина бросилась зажигать лампу, блеснула неубранная тарелка, промчался по стене застигнутый врасплох таракан. Зоя уже загораживала дверь этим, как его, галеасом.

– Не пушу! – объявила она. – Он мой! Я его не отдам... Оставайся горячей, оставайся здесь!

– Мне еще детей в люди выводить, – огрызнулась капитанша. – Спрошу, что надо, и пусть проваливает.

– Ты его не станешь звать?

– Не стану! – Две бабы, одна тень, один муж... – Пропусти.

Чтобы снять все навешанные кухаркой крюки и цепи, нужно было целыми днями не иголкой тыкать, а молотом махать, но Луиза справилась. Покойный супруг топтался у порога, воскрешая былые деньки. Госпожа Арамона почувствовала, как руки сами упираются в бока, но ее опередили.

– Ты к ней? За ней?! – взвыла не хуже Маршала Зоя. – После всего... Обещал близко не подходить, а сам?! Предатель! Все вы такие... Ублюдки штанастые, только б прижать кого!.. Потаскун талигойский!

– Да разве ж... Крупиночка моя, разве ж я за ней... Ну зачем она мне? Вы же сами... Ты же сама... того... звала меня... Я услышал, все бросил... Думал, как тогда, а ты... За что?!

– Так ты ко мне шел? Ко мне?!

– Ха! Не к коряге ж этой! А ты тоже...

– Эй! – вмешалась «коряга». – Раз уж явился, так скажи...

– Только ты его не зови! – взвизгнула Зоя. – Он же... Он, если войдет, должен будет кого-то... Он тебе все тут изгадит! Не со зла... Просто холод с ним, понимаешь? С ним, не со мной... Остынет все – стены там, ковры...

– Да не стану я его звать, – заверила Луиза, – с порога поговорю. Где Цилла?

– Ходит, – лупнул глазами муженек. – Ходит и ждет. Короля своего ждет... Дня своего ждет. Не было ей счастья, заперли капелюшеньку мою... Подумаешь, ленточку взяла! Из-

за малости такой... Да все ваши цацки одной слезиночки дочечкиной не стоят! Вот и ушла она... От вас ушла, от злости вашей...

Так и было! Так оно и было. Цилла плакала, боялась, пришел папенька, она бросилась к нему. Арнольд дочку в самом деле любил, а она? Она пыталась быть справедливой, только выходило ли?

– Мама... Мама, стой! Мама!!!

– Что? Что такое? – Почему перед ней Селина? Загорает дверь? Кошка вопит... Прямо в доме. Это не Кошоне? – Арн...

– Мама! Не зови его по имени! Не спорь с ним! Зоя, уведи его...

– Девочка моя! Крупиночка... Осталась без ленточки... Ничего, у меня денежка есть. Хочешь денежку? На штучки на всякие? Девице ж надо, чтоб чистенько все было... аккуратно...

– Спасибо, папенька. У меня всё есть!

– Всё? А отец, а сестреночка, а подружки, а жених?

– Есть у нее жених, – брякнула Луиза, – не тебе чета! Зоя, правда, шли бы вы отсюда!

– У Циллоньки король будет, а у нашей бедняжечки?

– Принц... С голубыми глазками!

– А золото? – подбоченился Арнольд. Не Арнольд он! Забудь имя, забудь!

– Не нужно нам твое золото!

– Оно не мое... Оно лежит... ждет... Золото для золотка. Оно не злое... Чистое. Возьмите на тряпочки... От сердца ж даю... Вы... вы обе... Брезгуете, да? Отцом, мужем брезгуете?

– Мужем? Мужем?! Ах ты ж!

– Золото...

Скотина... Пьяная, жадная красномордая скотина, но от нее родились дети. Этого не отнять. Каков муж, все равно, дети – твои.

– Спасибо, папенька. Мы с маменькой, если будет нужно, заберем. Мама, оно в самом деле не злое...

– Берите! Всё берите, родные мои, любименькие... Кровиночки...

– Стой, якорь тебе...

Плачет кошка, плачет маленькая Цилла, горят свечи, четыре пламенных язычка, четыре луны, мертвое дерево, ползущие камни. Кони не идут на мост, потому что метель. И холодно, потому что метель. Эйвону надо сбрить бороду, и он будет похож на человека, а Арнольду не поможет ничего...

– Мама! Мама, они ушли. Пойдем в спальню. Я тебе помогу. Мама!

– Я сама. Всё в порядке.

Они же что-то хотели. Зоя говорила... Зоя... Золото... Оно не злое... Ничье... Оно лежит. Ждет.

«...задержись вверенная мне армия в Гаунау еще на четыре дня, и наш последний завтрак продлился бы дольше. Мы много говорили об Эйнрехте, но Оллария также требовала разговора. С двадцатого дня Весенних Молний регентом Талига вновь является герцог Ноймаринен. Ее Величество Катарина умерла родами, дав жизнь сыну. Новости скоро достигнут, если уже не достигли, Липпе, но откровенность рождает откровенность, а иногда и просьбу об одолжении. Катарина Оллар была убита сыном Эгмонта Окделла. Убийца бежал. Эти обстоятельства, в отличие от поразившего кесаря Готфрида недуга, ничего не определяют: Талиг остается Талигом, война – войной, Излом – Изломом. Тем не менее я прошу Ваше Величество об услуге. Я знаю, что варвары не выдают тех, кто просит убежища. Я знаю, что варвары карают убийство беременной смертью. Я знаю, что варвары предпочитают осуществлять правосудие собственными руками. Я надеюсь, что убийца, если ему посчастливится перейти горы, никогда не вернется в Талиг...»

Прошмыгнуть через Бергмарк незамеченным может разве что зверь, не имеющий к тому же чести считаться достойной добычей. Хайнриху вряд ли представится возможность оказать услугу... Леворукому, но король, говоря о Дриксен, был

откровенен. Так или иначе Медведь узнает про убийство и примется подсчитывать; выйдет, что Савиньяк знал правду и промолчал...

Тихий стук. Кто-то на галерее. В Олларии это могло быть опасным, в Алвасете это была бы женщина.

– Войдите.

– Вы всегда так поздно жжете свечи? – Супруга маркиграфа спокойно прикрыла за собой дверь. Она была в том же платье, что и на ужине, только сняла почти все драгоценности.

– Пяти часов сна мне хватает.

– Целых пяти?

– Иногда трех. – Лионель запечатал письмо, но прятать не стал. – Сегодня я рассчитываю на большее.

Села, поправила волосы. Рудольф не допустил бы, чтоб у маркиграфа была глупая жена, но ночами гуляют не только глупцы. Урфрида чуть-чуть улыбнулась.

– Вы ведь не были любовником Катарины Ариго?

– Я был капитаном охраны их величеств.

– Знаю. Любовником был Алва, мама мне говорила, но вы тоже могли.

– Нет.

– Почему? Боялись? Не хотели? Не любили? Вы удивлены моими расспросами?

– Нет.

– Тогда ответьте.

– Извольте. Нет.

– Не боялись. Не хотели. – Она говорила чуть нараспев. – Не любили.

– Ее величество испытывала те же чувства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.